

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Сентябрь • 5
2024
• ВЕДЕНИЕ
SLAVIC STUDIES

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2024

СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Сedaкова (гл. редактор), А.С. Стыкалин (отв. секретарь), И.Е. Адельгейм,
М.В. Белов, О.В. Белова, М.М. Валенцова, Т.В. Володина (Беларусь), М. Гардзанити (Италия),
А.Н. Галямичев, А.А. Гиппиус, Хр. Дейкова (Болгария), М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун,
М.В. Лескинен, К.В. Лифанов, Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко, В.В. Мочалова, С.А. Мызников,
К.В. Никифоров, О.В. Павленко, В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин,
Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, Н.Н. Старикова, О.В. Хаванова,
Э. Шашалми (Венгрия), Е.И. Якушкина.

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а
Телефон +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2024
© Составление. Редколлегия журнала
«Славяноведение», 2024

Содержание

СТАТЬИ

<i>Комаров В.С.</i> (Москва). Варшавское генерал-губернаторство как транзитное направление эмиграции из Российской империи в конце XIX – начале XX века	5
<i>Пшеничный А.М.</i> (Москва). Подходы греко-католического митрополита Андрея Шептицкого к национально-конфессиональным вопросам в начале XX века	19
<i>Анхимюк М.Ю.</i> (Москва). Евроинтеграция в программах чешских парламентских партий левого крыла в 1990–2010-е годы	32
<i>Пескова А.Ю.</i> (Москва). Драматургия А.Н. Островского в Словакии	46

К ЮБИЛЕЮ

ЖАННЫ ЖАНОВНЫ ВАРБОТ

<i>Шалаева Т.В.</i> (Москва). Жанна Жановна Варбот	64
<i>Варбот Ж.Ж.</i> (Москва). «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд»: проект, разработка, состояние, проблемы, решения	67
<i>Ефимова В.С.</i> (Москва). <i>obnъdъ</i> или <i>obnъdъti</i> ? О месте глагольных перифраз с семантикой ‘причинение вреда’ в старославянском лексическом инвентаре	79
<i>Саенко М.Н.</i> (Москва). Праславянское <i>*rъtъ</i> : реконструкция семантики и этимология	92
<i>Валенцова М.М.</i> (Москва). «Память славян в словах»: К юбилею Ж.Ж. Варбот	111

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Аржакова Л.М.</i> (Москва). К столетию историка-полониста: Владимир Александрович Якубский	121
<i>Юрасов М.К.</i> (Москва). Один из основоположников отечественной унгаристики. К 100-летию со дня рождения В.П. Шушарина	136

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шмелев Б.А.</i> Распад Югославии: тридцать лет спустя / отв. ред. и сост. С.А. Романенко. М.: ИНИОН РАН, 2024. 327 с.	146
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Остапчук О.А., Уржа А.В.</i> Международная научная конференция «I Широковские чтения»	150
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Вячеслава Тимофеевича Середы (1951–2024)	154
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

SEPTEMBER •

OCTOBER •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), **Aleksandr S. Stykalin** (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, **Michael V. Belov**, **Olga V. Belova**, **Marina M. Valentsova**, **Tatiana V. Volodin** (Belarus),
Marcello Gardzaniti (Italy), **Aleksandr N. Galyamichev**, **Aleksey A. Gippius**, **Nikita S. Gusev**,
Hristina Deykova (Bulgaria), **Miloš Zelenka** (Czech Republic), **Elena N. Kovtun**,
Maria V. Leskonen, **Konstantin V. Lifanov**, **Gennady F. Matveev**, **L'ubor Matejko** (Slovakia),
Victoria Mochalova, **Sergey A. Myznikov**, **Konstantin V. Nikiforov**, **Olga V. Pavlenko**,
Vojislav Pavlović (Serbia), **Vladimir Ya. Petrukhin**, **Roumiana Preshlenova** (Bulgaria), **Mikhail Robinson**,
Nadezhda N. Starikova, **Boris N. Florya**, **Olga V. Khavanova**, **Endre Sashalmi** (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *T.Yu. Kravchenko*, *I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

Komarov V.S. (Moscow). The Warsaw Governorship General as a Transit Destination for Emigration from the Russian Empire in the Late 19 th – Early 20 th Centuries	5
Pshenichnyi A.M. (Moscow). Approaches of the Greek Catholic Metropolitan Andrey Sheptytsky to the National and Confessional Issues at the Beginning of the 20 th Century	19
Ankhimiuk M.Yu. (Moscow). Eurointegration in Czech Left-Wing Parliamentary Parties' Programs in the 1990s – 2010s	32
Peskova A.Yu. (Moscow). A.N. Ostrovsky's Dramaturgy in Slovakia	46

TO THE JUBILEE
OF ZHANNA ZHANOVNA VARBOT

Shalaeva T.V. (Moscow). Zhanna Zhanovna Varbot	64
Varbot Zh.Zh. (Moscow). «Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock»: The Project, Development, State, Problems, Solutions	67
Efimova V.S. (Moscow). ОБНАЖ СЪТВОРЕНТЪТ ОГ ОБНАЖЪТЪТ? On the Position of Verbal Periphrases with the Semantics of 'Causing Damage' in the Old Church Slavonic Lexical Inventory	79
Saenko M.N. (Moscow). Proto-Slavic * <i>rstъ</i> : Reconstruction of the Semantics and Etymology	92
Valentsova M.M. (Moscow). «Memory Storage of the Slavs in Words»: To the Jubileum of Zh.Zh. Varbot	111

FROM THE HISTORY
OF SLAVIC STUDIES

Arzhakova L.M. (Moscow). To the Centenary of the Polonist Historian: Vladimir Alexandrovich Yakubsky	121
Yurasov M.K. (Moscow). One of the Founders of Russian Ungaristics. On the Centenary of V.P. Shusharin	136

REVIEWS

Shmelev B.A. The Collapse of Yugoslavia: Thirty Years Later // A Collective Monograph / ed. and comp. S.A. Romanenko. Moscow, INION RAS, 2024. 327 p.	146
---	-----

SCHOLARLY LIFE

Ostapchuk O.A., Urzha A.V. International Scientific Conference «First Shirokova's Readings»	150
--	-----

OBITUARY

Vyacheslav Timofeevich Sereda (1951–2024)	154
---	-----

Варшавское генерал-губернаторство как транзитное направление эмиграции из Российской империи в конце XIX — начале XX века

© 2024 г. В.С. Комаров

Государственное автономное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования г. Москвы
«Центр педагогического мастерства» (ГАОУ ДПО ЦПМ)
(Москва, Российская Федерация)

vladimir.s.komarov@gmail.com

Аннотация. Варшавское генерал-губернаторство служило ключевой территорией на маршруте нелегальной эмиграции из Российской империи, ставшей на рубеже XIX–XX вв. значимой государственной проблемой. На основе дореволюционного законодательства и широкого круга делопроизводственных документов из архивов России и Польши в статье рассматриваются особенности пересечения государственной границы в пределах Варшавского генерал-губернаторства вплоть до начала Первой мировой войны. Близость к германским портам на Балтике, существование разветвленных сетей эмиграционных контор, сложность легального выезда, отсутствие природных барьеров и неудовлетворительное состояние охраны границы обусловили выбор большинством эмигрантов нелегального перехода именно в этом регионе. Власти Российской империи разработали систему норм, регулирующих пограничный режим в Варшавском генерал-губернаторстве. Установленные для упрощения трансграничных контактов правила служили на руку тем, кто, выдавая себя за жителей приграничной полосы, незаконно переправлялся за рубеж. Попустительство должностных лиц способствовало этому. Местное население также включалось в организацию нелегальной эмиграции, помогая снабжать желающих документами на право выезда из империи.

Ключевые слова: эмиграция из Российской империи, Варшавское генерал-губернаторство, законодательство Российской империи, нелегальное пересечение границы, охрана границы.

Ссылка для цитирования: Комаров В.С. Варшавское генерал-губернаторство как транзитное направление эмиграции из Российской империи в конце XIX — начале XX века // Славяноведение. 2024. № 5. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0869544X24050013, EDN: YUMAAE

The Warsaw Governorship General as a Transit Destination for Emigration from the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries

© 2024. Vladimir S. Komarov

State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education
of the City of Moscow «Center for Pedagogical Excellence» (CPE)
(Moscow, Russian Federation)

vladimir.s.komarov@gmail.com

Abstract. The Warsaw Governorship General played a significant role in the illegal emigration from the Russian Empire, which became a significant state problem at the turn of the XIX–XX centuries. Based on pre-revolutionary legislation and a wide range clerical work documents from the archives of Russia and Poland, the peculiarities of crossing the state border within the Warsaw Governorship General up to the outbreak of the First World War are considered. The proximity to German ports on the Baltic Sea, the existence of extensive networks of emigration offices, the difficulty of legal emigration, the absence of natural barriers and the unsatisfactory state of border protection led most emigrants to choose an illegal crossing of the border. The authorities of the Russian Empire have developed an extensive system of norms regulating the border regime in the Warsaw Governorship General. The rules established to simplify cross-border contacts served to those who, pretended to be residents of the border strip, illegally crossed abroad. The connivance of officials contributed to this. The local population was also involved in the organization of illegal emigration and helped to supply emigrants with legal documents for the right to leave the empire.

Keywords: emigration from the Russian Empire, Warsaw Governorship General, legislation of the Russian Empire, illegal border crossing, border protection.

For citation: *Vladimir S. Komarov. The Warsaw Governorship General as a Transit Destination for Emigration from the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 5. Pp. 5–18. DOI: 10.31857/S0869544X24050013, EDN: YUMAAE*

Историю эмиграции из Российской империи едва ли можно назвать белым пятном в исследовательской литературе. В дореволюционной [Филипов 1906; Тизенко 1909], советской [Оболенский 1928; Тудоряну 1986] и современной [Кабузан 1998; Иванов, Котов 2020] историографии рассмотрены многие вопросы, связанные как с масштабами [Тудоряну 1998] и причинами [Klier 1996; Куприн 2000] эмиграции, так и условиями жизни эмигрантов в зарубежных странах [Бонч-Бруевич 1918]. Однако все еще остается определенное число лакун, связанных с практикой исхода подданных из Российской империи. Настоящее исследование освещает относительно слабоизученный аспект эмиграционного движения – особенности пересечения границы Варшавского генерал-губернаторства, ключевого региона, через территорию которого можно было оказаться в сопредельных странах.

Варшавское генерал-губернаторство находилось на стыке Российской империи с Германией и Австро-Венгрией. Оно глубоко вклинивалось в соседние империи. Этот регион, имевший самые интенсивные экономические и культурные связи с прилегающими странами (немаловажную роль играл феномен

разделенной польской нации), одновременно являлся ареной противостояния с внешнеполитическими противниками [Горизонтов 2006, 20]. На этнически польских землях проживало многочисленное еврейское население, что имело большое значение в деле организации нелегального перехода границы.

Отсутствие природных рубежей делало границу достаточно условной линией на карте, тем более что демаркационное разграничение по итогам Венского конгресса 1815 г. и позднейшего присоединения Кракова и его окрестностей к империи Габсбургов [Дьякова, Чепелкин 1995, 38–39] нередко разделяло по разные стороны населенные пункты и помещичьи владения¹.

Число эмигрантов, выехавших через западную границу, точно неизвестно. По приблизительным подсчетам В.В. Оболенского (Осинского), основанным на данных иностранных таможенных учреждений, Российскую империю с 1890-х годов безвозвратно покинули 3,34 млн человек [Оболенский 1928, 11], согласно В.М. Кабузану – более 3,5 млн [Кабузан 2004, 90]. От 75 до 90 % российских подданных пересекали границу без паспортов или с легитимационными билетами (о них см. ниже), предназначавшимися для выезда на сельскохозяйственные работы [Тарле 1997, 35]. По сведениям Главного управления торгового мореплавания и портов, «в среднем за трехлетие 1901–1904 гг. в Соединенные Штаты Северной Америки прибывало из России ежегодно до 110 000 человек»². В 1909 г. статский советник О.Г. Фрейнат прогнозировал, что «эмиграция у нас скоро дойдет до 400–500 тысяч человек в год»³.

Говоря о причинах эмиграции и контингенте эмигрантов, подполковник С.Н. Мясоедов, долгие годы занимавшийся борьбой с нелегальной эмиграцией в Варшавском генерал-губернаторстве, отметил: «Причины, вызывающие эмиграцию, главным образом, конечно, экономические. Крестьяне и евреи [...], не отличающиеся зажиточностью, ищут в заокеанских странах заработков и, большей частью, собрав деньги, возвращаются обратно на родину или высылают нажитое почтовыми переводами в Россию»⁴.

Местные власти понимали причины предпочтения нелегального пути легальному: «Эмигранты, неоднократно спрашиваемые, почему они избрали именно тайный путь для эмиграции, а не явный при посредстве паспорта, который, без сомнения, и дешевле, отвечали прямо, что, пока паспорт выйдет, то до тех пор можно двадцать раз проехать. Между тем многим время чрезвычайно дорого»⁵. Агенты и эмиграционные конторы, имевшие представителей как в пограничных районах, так и во внутренних губерниях империи, обещали выезд без долгого ожидания и оформления документов.

В большей степени проблема эмиграционных контор была актуальна для российско-германской границы: по сведениям начальника Границкого отделения Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог, «австрийские власти не склонны сочувственно относиться к подобным конторам»⁶.

¹ Согласно приложению к ст. 241 п. 4. Устава о паспортах 1903 г., помещики, по чьим владениям проходила пограничная полоса, определяли дорогу, по которой можно было следовать за границу, и устанавливали препятствующие несанкционированному перемещению шлагбаумы.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 60. Д. 19. Ч. 5а. Л. 60.

³ Там же. Ч. 5б. Л. 33.

⁴ Там же. Ч. 5а. Л. 18–19.

⁵ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1357. Л. 7об.

⁶ Там же. Л. 15.

За агентами стояли пароходные компании⁷, пользовавшиеся поддержкой властей иностранных государств. Особенно активным было германское правительство, организовавшее вдоль границы сеть контрольных станций, которые занимались проверкой состояния здоровья эмигрантов и обеспечивали все необходимое для их доставки в порты.

В Российской империи пограничная полоса определялась как «пятиверстное от границы до второй линии и двухверстное от сей линии во внутрь империи расстояние, а всего пространство семи верст, как по сухопутной европейской границе, так и по берегам Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей» [Парсуков 2017, 34]. Кроме того, существовали непосредственно прилегающие к границе 100-, 250- и 875-саженные полосы (около 0,2, 0,5 и 1,8 км, соответственно), морская таможенная, 21-, 50- и 100-верстная пограничные полосы (около 22, 53 и 106 км соответственно) [Там же].

Охрана границы возлагалась на созданный в 1893 г. Отдельный корпус пограничной стражи. За участок границы в Сувалкской и Ломжинской губерниях отвечали бригады II округа пограничной стражи (5-я Гродненская, 6-я Таврогинская, 7-я Вержболовская, 8-я Граевская и 9-я Ломжинская), в Плоцкой, Варшавской, Калишской, Петроковской и Келецкой губерниях, а также за отрезок от Кракова до Полянца — бригады III округа (10-я Рыпинская, 11-я Александровская, 12-я Калишская, 13-я Велюнская, 14-я Ченстоховская и 15-я Новобережская), а часть границы в Радомской и Люблинской губерниях являлась зоной ответственности бригад IV округа (16-ой Сандомирской и 17-ой Томашевской) [Лятавец 2007, 80].

Пересечение российской границы допускалось лишь при наличии специального разрешительного документа — заграничного паспорта. Согласно статье 214 Устава о паспортах 1903 г., «без паспорта никто, ни по какой причине, ниже ради богомолья, из пределов Империи выпускаем быть не должен, и всякого такового, по задержании, надлежит отсылать на прежнее его жилище»⁸. Для Варшавского генерал-губернаторства были установлены особые, во многом льготные, правила пересечения границы и получения соответствующих разрешительных документов. По мнению Т.О. Матвиенко, объяснялось это, «во-первых, необходимость защиты экономических интересов владельцев имений, разделенных границей. Во-вторых, необходимостью сохранения целостности указанных имений. В-третьих, необходимостью предотвращения возможных проявлений недовольства в случае ущемления прав и интересов жителей пограничных территорий» [Матвиенко 2010, 30].

Для разрешения повседневных проблем жителей пограничной полосы между империями были заключены специальные соглашения, установившие льготные правила пересечения границы Варшавского генерал-губернаторства и включенные в Устав о паспортах. В соответствии со статьями 239 и 241, жители пограничных местностей обладали правом льготного перехода границы с Германией и Австро-Венгрией на короткий срок. Таковыми, в частности, признавались «имеющие оседлость в смежных с прусскою границею городах и селениях таможенно-границного двадцатидесятиверстного пояса»⁹. На практике протяженность пограничной полосы была весьма условной.

⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 71. Д. 8. Ч. 4. Л. 48.

⁸ *Роговин* 1913, 102.

⁹ Там же, 205. Эта норма была закреплена в «Инструкции о порядке выдачи в генерал-губернаторстве Варшавском пограничным жителям восьмидневных, а владельцам имений, пересекаемых граничною чертою, годовых билетов».

Согласно статьям 238, 241 и 242 Устава о паспортах, для жителей пограничной полосы с Германией и Австро-Венгрией устанавливалась особая трехмильная полоса, в пределах которой действовали специальные правила. Полоса эта с течением времени расширялась. По определению Правительствующего сената от 13 февраля 1902 г., действие льготных правил распространялось уже на жителей 21-верстной полосы (эквивалентно трем милям)¹⁰. В дополнительной конвенции 1904 г. к российско-германскому договору о торговле и мореплавании 1894 г. фигурировала 30-километровая (около 28 верст или четыре мили) зона действия правил выдачи 28-дневных билетов¹¹. В соответствии с разъяснениями к пункту 3 статьи 2 Устава таможенного, к пограничным жителям относилось население 30-верстного пояса (порядка 4.2 мили)¹².

Все эти изменения лишь пространственно расширяли действие миграционных послаблений, не затрагивая льгот населения пограничья. При этом, как писал один из чиновников департамента полиции, «несомненную услугу эмиграционному движению оказывает весьма льготный порядок выдачи легитимационных билетов. Согласно разъяснению Правительствующего Сената, билеты эти выдаются всем фактически проживающим в пределах 21-верстной пограничной полосы вне зависимости от того, записан ли он в книги народонаселения или нет. Такой порядок получения легитимационных билетов создает возможность каждому прожившему некоторое время в 21-верстной пограничной полосе воспользоваться бесплатным билетом, с которым он и покидает границу»¹³.

На местах власти нередко не разделяли столь вольного подхода к определению жителей пограничной полосы. Например, в г. Калише решили, что только лица, прожившие полгода в городе, имеют право на получение легитимационных билетов¹⁴. Впрочем, начальник Калишского губернского жандармского управления высказывал сомнения в правомерности такого подхода¹⁵.

В 1901 г. петроковский губернатор направил запрос варшавскому генерал-губернатору о допустимости выдачи билетов лицам, длительное время проживающим в пределах 21-верстной полосы, но не записанным в книги постоянного народонаселения. Из Варшавы ответили, что легитимационные билеты выдаваться временным жителям пограничной полосы не могут: «Этими билетами могут пользоваться только пограничные жители, имеющие оседлость в 21-верстной пограничной полосе, т.е. записанные там в книги постоянного народонаселения»¹⁶. Одного факта проживания было недостаточно¹⁷.

Для перехода границы жившими вблизи нее устанавливались особые проездные документы — легитимационные билеты. В отличие от заграничных паспортов, которые, согласно статье 164 Устава о паспортах, выдавались губернскими властями, легитимационные билеты пограничным жителям выдавались уездным начальством¹⁸. Если при получении заграничных паспортов требовались документы об отсутствии препятствий следовать за границу, то лица

¹⁰ Там же, 115.

¹¹ Сборник торговых договоров 1912, 140.

¹² Роговин 1913, 118.

¹³ AGAD. KGGW. 1904–1910. Sygn. 260. K. 72.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1351. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 4об.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Роговин 1913, 205.

с легитимационными билетами, согласно циркуляру департамента полиции от 27 февраля 1886 г., таковые представлять были не должны¹⁹.

Легитимационные билеты являлись срочными и выдавались, согласно статьям 239 и 241 Устава о паспортах, на три, восемь и двадцать восемь дней для перехода германской границы²⁰ и на три дня и две-четыре недели для перехода австрийской границы²¹. Если в течение пятнадцати дней билет не был использован, действие его прекращалось²². Срок действия билета отсчитывался с момента первого пересечения границы²³. Билеты выдавались бесплатно и изготавливались на простой бумаге. У выдающей инстанции оставался экземпляр билета (уникат), идентичный выданному дубликату²⁴. Особыми льготами при пересечении границы, согласно статьям 236, 237 и 241 Устава о паспортах, обладали российские, австрийские и германские помещики, чьи владения находились по обе стороны границы, — им выдавались годовые паспорта²⁵. Также жители пограничной полосы по российско-германскому договору о торговле и мореплавании 1894 г. могли получать особые 8½ месячные (с 1 апреля по 15 декабря) бесплатные паспорта для сельскохозяйственных работ в Германии²⁶. Дополнительной конвенцией 1904 г. к этому договору действие паспорта продлили до 10½ месяцев (с 1 февраля по 20 декабря)²⁷.

Легитимационные билеты действовали в пределах пограничной полосы по обе стороны границы. Согласно циркуляру департамента полиции от 28 мая 1910 г., перемещение с такими документами за пределы обозначенного района допускалось исключительно с санкции местного начальства²⁸.

В соответствии с циркуляром департамента полиции от 19 ноября 1883 г., легитимационный билет считался действительным, «когда он выдан совершеннолетнему лицу, когда он выдан на каждое лицо отдельно и указаны в нем его приметы»²⁹. В билет вносились сведения о возрасте, росте, цвете волос и глаз, форме бровей, носа, рта, подбородка и лица, а также особые приметы³⁰.

Фотографии и подписи владельца билета не требовалось, в чем чиновники видели существенный недостаток правил. Начальник Вержболовского пограничного отделения Санкт-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог С.Н. Мясоедов отметил, что «желательно было бы прописывать в паспортах приметы или припечатывать фотографическую карточку их владельца, так как паспорта существующего ныне образца содержат лишь имя, отчество, фамилию и редко звание, и потому ими свободно пользоваться может всякий»³¹. В качестве аргумента в пользу изменения правил приводился иностранный опыт: «Во всех иностранных государствах (кроме Англии) в паспорте прописаны подробно все приметы их владельцев, причем рост обозначен даже в сантиметрах. Прописывание примет там никого

¹⁹ Там же, 119.

²⁰ Там же, 117, 119–120.

²¹ Там же, 125.

²² Там же, 205.

²³ Там же, 207.

²⁴ Там же, 205.

²⁵ Там же, 116, 120.

²⁶ Там же, 120.

²⁷ Сборник торговых договоров 1912, 140.

²⁸ Тимофеев 1912, 1021.

²⁹ Роговин 1913, 119.

³⁰ Там же, 210.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 60. Д. 19ч. 5а. Л. 21об.

не стесняет, так как все понимают, что паспорт имеет серьезное значение документа, по которому можно установить личность предъявителя. Отсутствие прописывания примет в паспортах привело к тому, что в Лондоне, например, русские паспорта, использованные лишь на выезде из Империи, выставляются для продажи в окна магазинов. В местечке Эйдкунене (Эйдткунен в Восточной Пруссии. — В.К.) [...] почти всегда можно купить у евреев прусский паспорт, годный для возвращения в Россию»³².

Согласно циркуляру департамента полиции от 6 июля 1910 г., отдельные легитимационные билеты выдавались несовершеннолетним только по достижении ими 16 лет. Что же касается малолетних, то последние могли выезжать за границу по легитимационным билетам лишь при включении в билеты родителей или замещающих их лиц³³. После издания циркуляра департамента полиции от 15 января 1911 г. разрешена также была выдача билетов лицам с 14 лет в тех случаях, «когда по местным условиям совместное родителей и детей отправление через границу и возвращение представляется затруднительным»³⁴.

Легитимационный билет давал право многократного пересечения границы. Таможни обязывались подтверждать правомочность билетов при каждом переходе границы из Варшавского генерал-губернаторства и обратно, фиксируя их в пассажирских регистрах. По истечении срока билеты предписывалось изымать в таможнях и возвращать уездному начальнику³⁵. По циркуляру департамента полиции от 19 октября 1907 г., лица, следовавшие с легитимационными билетами, могли пересекать границу вне пределов уезда, где документы выдавались³⁶.

Пересечение границы без разрешительных документов являлось уголовно наказуемым деянием. Согласно циркуляру департамента таможенных сборов Министерства финансов от 10 апреля 1890 г., «тайный переход границы составляет самостоятельное правонарушение, преследуемое в губерниях Царства Польского по ст. 1038³⁷ и 1039³⁸ Уст. там., а в других местах Империи по ст. 62 Уст. о нак.»³⁹⁴⁰.

Пересечение границы разрешалось только в специально определенных для этого таможенных пунктах. В 1906 г. было установлено, что лица, имеющие право на восьмидневные билеты, за переход границы без билета или с ним, но в недозволенном месте, а также с просроченным документом подвергаются взысканиям, предусмотренным статьями 1038 и 1039 Устава таможенного⁴¹. Впрочем, как показывает практика, опасаясь взысканий и потери права получения легитимационных билетов, многие жители пограничной полосы в случае

³² Там же. Л. 22.

³³ *Роговин* 1913, 121.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, 207.

³⁶ Там же, 119.

³⁷ Согласно статье 1038 Устава таможенного, виновный в переходе границы в неустановленных пунктах наказывается денежной пеней в размере до 15 рублей (Устав таможенный 1910).

³⁸ Согласно статье 1039 Устава таможенного, в губерниях Варшавского генерал-губернаторства за просрочку легитимационных билетов устанавливался штраф в размере от одного рубля за каждые сутки. Просрочившие билет более месяца навсегда лишались права на его получение

³⁹ Виновные в отлучке за границу без паспорта подлежали штрафу в размере стоимости его получения, а также денежному взысканию в размере не более 35 рублей (Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1902, 166).

⁴⁰ *Роговин* 1913, 102.

⁴¹ Там же, 209.

их просрочки предпочитали переходить границу тайно⁴². Согласно циркуляру департамента полиции от 12 июня 1908 г., «переходящие границу не в установленном для сего пункте [...], подлежат денежному взысканию»⁴³.

Только в 1912 г. Министерство внутренних дел по согласованию с Министерством финансов, торговли и промышленности и Министерством иностранных дел разрешило пограничным жителям переходить границу по легитимационным билетам, не только отправляясь за рубеж, но и возвращаясь назад, через любой пункт западной границы Российской империи. Данный порядок, в соответствии с принципом взаимности, распространялся и на иностранцев, прибывающих в Россию по легитимационным билетам и имеющих поэтому право выбирать любой пограничный пункт⁴⁴. Однако нахождение даже в непосредственной близости к границе не являлось преступлением. Как с досадой констатировал начальник Сосновицкого отделения Варшавского жандармского управления железных дорог, «нелегальный эмигрант неуязвим: он не является преступником, пока не совершит попытки тайно перейти границу. — Циркуляр Департамента полиции без № [...], изданный в 1910 г., воспрещает аресты в пути и на станциях высадок»⁴⁵.

Билеты печатались в губернских правлениях и затем рассылались уездным начальникам⁴⁶. На каждого жителя пограничной полосы, имеющего, согласно подаваемым войтами гмин и бургомистрами спискам право на переход границы, уездным начальникам выделялось в год по три билета⁴⁷. Предполагалось, что суммарно в течение года человек может провести за границей 24 дня. Право на большее число переходов законом не ограничивалось. Как отмечали местные власти, поскольку «далеко не все этим правом (получения билетов. — В.К.) пользуются [...], не розданными билетами могут вновь воспользоваться лица, уже получившие три билета»⁴⁸. Начальник Калишского губернского жандармского управления информировал, что возможность занести в списки народонаселения любого человека активно эксплуатировали эмиграционные агенты и желающие пересечь границу: «Бывали нередки случаи, что с 10½-месячными паспортами для полевых рабочих [...] проходили за границу интеллигенты, не имеющие ничего общего с хлебопашеством; а по легитимационным билетам лица, разыскиваемые по делам Департамента полиции»⁴⁹.

Если выделенных билетов оказывалось недостаточно, то войт гмины или бургомистр мог потребовать дополнительные⁵⁰. Тот же порядок устанавливался в случае прибытия «по формальному переселению или по законным свидетельствам в услужение к пограничным жителям до десяти человек»⁵¹. Указанная возможность нередко использовалась для нелегальной выдачи паспортов. Например, полицейский надзиратель посада Кибарты, желая придать законность своим действиям по выдаче легитимационных билетов, довольствовался даже фиктивным контрактом на наем квартиры⁵². В ходе негласной ревизии

⁴² ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 85. Л. 2об.

⁴³ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 62. Л. 23.

⁴⁴ Там же. Ф. 1671. Оп. 1. Д. 93. Л. 70.

⁴⁵ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 459. Л. 4.

⁴⁶ Роговин 1913, 209.

⁴⁷ Там же, 205–206.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

⁴⁹ Там же. Д. 1371. Л. 2.

⁵⁰ Роговин 1913, 206.

⁵¹ Там же.

⁵² ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1360. Л. 13.

книг непостоянного населения посада обнаружилось много лиц, числившихся его временными жителями, но в действительности проживавших в других уездах и губерниях. Все они нуждались в свободном пересечении границы⁵³. Заплатив полицейскому надзирателю 25 рублей, любой желающий мог получить в Кибартах легитимационный билет⁵⁴.

Впрочем, не всегда возникала необходимость легально получать билеты. Дореволюционный юрист Н. Боженко писал: «Что касается первого способа приобретения вида для перехода границы (покупка билета у местных крестьян. — В.К.), то он среди крестьян получил очень большое распространение. Обыкновенно поступают так. Крестьянин, имеющий право получить билет или паспорт, запасается таковым в гминном управлении, хотя сам вовсе не намерен отправляться за границу, и переуступает полученный вид другому лицу. По истечении 28 дней есть возможность снова получить легитимационный билет. По одному легитимационному билету, не говоря уже о паспорте, может постепенно пройти границу несколько человек, и, таким образом, “ни за что ни про что” крестьянин, занимающийся продажей билетов, получает изрядный доход» [Боженко 1900, 152–153].

Аналогичная практика имела место и по другую сторону границы. Например, в мае 1899 г. на Александровском пограничном пункте при попытке возвратиться назад были задержаны двое жителей Киевской и Люблинской губерний, прибывших по легитимационным билетам на имена германских поданных⁵⁵.

Выявление обладателей чужих паспортов требовало особой изобретательности. Российское консульство в Львове уведомило в 1909 г. департамент полиции, что, «по дошедшим до него сведениям, многие русско-поданные студенты и слушатели местного Политехникума, желая избежать платы за паспорта, выдаваемые Консульством на шесть недель на въезд и выезд из России, а равно и скрываясь от властей, как подлежащие призыву, ездят в Россию с австрийскими паспортами, каковые достают на имя своих товарищей»⁵⁶. Предлагалось «производить самую тщательную проверку имеющихся обыкновенно в австрийских паспортах примет»⁵⁷.

Легитимационные билеты для пересечения российско-германской границы изготовлялись на русском и немецком языках⁵⁸. Время перехода на них отмечалось властями обеих стран. Пропуск по легитимационным билетам, составленным только на одном языке, считался, согласно циркуляру Министерства финансов от 26 января 1900 г., незаконным⁵⁹. Билеты на пересечение российско-австрийской границы составлялись в Российской империи на русском языке с переводом на польский, а в Австро-Венгрии на польском с переводом на немецкий⁶⁰. Попытки отступления от этого правила жестко пресекались властями. В 1905 г. после постановления гминных сходов о ведении делопроизводства на польском языке войты гмин Липновского уезда Плоцкой губернии стали выдавать билеты на польском и немецком языке. Информация

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ AGAD. PWGGSP. 1900. Sygn. 515. K. 18.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 68. Л. 74.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Роговин 1913, 122.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, 125.

об этом дошла до варшавского генерал-губернатора, который распорядился не пускать лиц с такими документами за границу и немедленно прекратить их выдачу⁶¹.

В отдельных случаях выдача билетов могла ограничиваться. По согласованию департамента таможенных сборов и департамента полиции циркуляром от 25 сентября 1898 г. можно было отказать в праве на получение билетов на краткосрочные отлучки за границу лицам, «неблагонадежность коих в таможенном отношении будет удостоверена какими-либо документальными данными: протоколами о задержании контрабанды, сведениями, заключающимися в конфискационных делах и т.п.»⁶². Также паспорта не должны были выдаваться уличенным полицией в краже, укрывательстве краденного и содействии эмиграции; иногородним евреям, не приписанным ни к одному из обществ, входящих в 50-верстную полосу; лицам мужского пола по достижении ими 18-летнего возраста без предъявления свидетельства о приписке к призывному участку; достигнувшем призывного возраста без предоставления документа об исполнении воинской повинности⁶³. В 1908 г. ввели новое положение, согласно которому «состоящим под судом, следствием или надзором полиции лицам, о которых в полицейском отношении имеются предписания высшего начальства, легитимационные билеты выдаваемы быть не могут»⁶⁴. В случае обнаружения таможенным ведомством или пограничной стражей нарушения правил пользования билетами сведения об этом передавались уездным начальникам, которые должны были поступать согласно Уставу уголовного судопроизводства. Последний предусматривал, что «по решению дела виновный из списков лиц, имеющих право на получение легитимационных билетов, выключается»⁶⁵. В соответствии с решением Правительствующего сената в сентябре 1901 г., дела о просрочке легитимационных билетов относились к компетенции уездных управлений, а не судебных учреждений⁶⁶.

В связи с нахождением в Варшавском генерал-губернаторстве большого количества евреев чрезвычайно актуальным становилось правовое регулирование их эмиграции. Согласно закону 1892 г., Еврейскому колонизационному обществу разрешалось переселять евреев: «а) целыми семьями, причем семьей считается: отец, мать, неженатые сыновья и незамужние дочери всех возрастов, и б) одиночками (не имеющие ни отца, ни матери) обоюбого пола и всякого возраста, причем евреям, выезжающим из России при содействии названного общества, выдаются местными губернаторами бесплатные выходные свидетельства. Евреи, выехавшие по означенным выходным свидетельствам, признаются покинувшими навсегда пределы России»⁶⁷.

Топографические и правовые условия функционирования пограничной полосы Варшавского генерал-губернаторства определенно влияли на условия пересечения границы. Наиболее явно это проявлялось в широком распространении нелегального перехода. Начальник Ломжинского губернского жандармского управления в донесении департаменту полиции так характеризовал границу с Германией: «Прусская граница по топографическому положению

⁶¹ ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1351. Л. 15.

⁶² *Роговин* 1913, 119.

⁶³ Там же, 118.

⁶⁴ Там же, 205.

⁶⁵ Там же, 210.

⁶⁶ Там же, 119.

⁶⁷ Там же, 102.

является весьма удобной для тайного перехода, и так как она охраняется редкими постами пограничной стражи, то переход ее совершенно нетруден»⁶⁸. Проходившие через территорию Варшавского генерал-губернаторства железные дороги также упрощали перемещение к границе.

Нелегальное движение населения через Томашевский, Яновский и Ново-Александровский уезды Люблинской губернии объяснялось крайне благоприятной для этого пограничной местностью — «сплошь леса до самой границы»⁶⁹, что «до невозможности затрудняет наблюдение со стороны пограничной стражи за границей и в то же время способствует эмигрантам проходить незамеченными вплоть до границы»⁷⁰.

Протяженность границы являлась еще одним важным фактором функционирования пограничной полосы. «Если при всем этом иметь в виду, что посты пограничной стражи расположены по линии границы на расстоянии не менее полуверсты друг от друга, — указали в департаменте полиции, — то станет вполне понятным та сравнительная легкость тайного перехода границы, которую и учитывают из корыстных побуждений эмиграционные агенты»⁷¹. Сувалкский губернатор отметил, что «при существующем положении, а именно: две смены часовых, часовой охраняет пространство около версты, даже и при пересеченной местности она (пограничная стража. — В.К.) не может служить существенным препятствием к переходу границы»⁷².

Нелегальному переходу также способствовал порядок выдачи билетов, предоставленной «бургомистрам, войтам гмин и полицейскому надзирателю [...]». Здесь происходит целый ряд злоупотреблений, т.к. билеты выдаются по личному усмотрению названных лиц и писарей войтов гмин»⁷³. «В то же самое время огромное количество лиц, имеющих право на получение легитимационных билетов, до крайности затрудняет контроль за лицами, переходящими границу по чужим легитимационным билетам»⁷⁴. Как отметил Н. Боженко, «количество предъявляемых ежедневно на таможне билетов [...] можно считать сотнями, что отнимает у служащих немало времени и труда» [Боженко 1900, 155].

Особенностью Варшавского генерал-губернаторства являлась возможность нелегального перехода через так называемую «зеленую» границу»⁷⁵. Решившимся, как это называли сами эмигранты, «красть границу»⁷⁶, приходилось преодолевать множество препятствий, неудобств и даже опасностей. Им надо было «по несколько верст идти по непролазной грязи, переходить ручьи и т.д.»⁷⁷.

Итак, для населения пограничных местностей Варшавского генерал-губернаторства были созданы исключительно льготные условия для пересечения границы, которыми стремились воспользоваться не только жители пограничной полосы. Возможность простого и быстрого получения краткосрочных билетов на пересечение границы привлекала эмигрантов. Многочисленные случаи нарушения закона в целях извлечения выгоды со стороны официальных и

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 2365. Л. 131об.

⁶⁹ Там же. Оп. 71. Д. 8ч. 4. Л. 51об.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 54.

⁷² Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1366. Л. 2об.

⁷³ Там же. Ф. 102. Оп. 60. Д. 19ч. 5а. Л. 57.

⁷⁴ AGAD. KGGW. 1904–1910. Sygn. 260. K. 72.

⁷⁵ AGAD. KGGW. 1904. Sygn. 191. K. 6.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 271. Л. 119.

⁷⁷ Там же.

частных лиц, несовершенство правового регулирования эмиграции — все это создавало благоприятную почву для нелегального перехода границы.

Особенности перехода границы определялись также географическими характеристиками Варшавского генерал-губернаторства. Отсутствие естественных природных рубежей, протяженность и, как следствие, сложность охраны границы, деятельность эмиграционных агентов и контор, поддерживаемая властями соседних государств, — все это сделало Варшавское генерал-губернаторство главным каналом нелегального выезда из Российской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
AGAD - Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Варшава
KGGW — Kancelaria Generał-Gubernatora Warszawskiego
PWGGSP — Pomocnik Warszawskiego Generał-Gubernatora do Spraw Policyjnych

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 60. Д. 19ч. 5а., Д. 19ч. 5б., Оп. 71. Д. 8ч. 4. Оп. 231. Д. 2365.
ГАРФ. Ф. 215. Канцелярия Варшавского генерал-губернатора. Оп. 1. Д. 85.
ГАРФ. Ф. 217. Варшавское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 459.
ГАРФ. Ф. 238. Люблинское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 271.
ГАРФ. Ф. 265. Канцелярия помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Оп. 1. Д. 1351, 1357, 1360, 1366, 1371.
ГАРФ. Ф. 1662. Жандармское управление Влоцлавского, Нешавского и Гостынского уездов Варшавской губернии. Оп. 1. Д. 62, 68.
ГАРФ. Ф. 1671. Жандармское управление Маковского, Остроленского и Островского уездов Ломжинской губернии. Оп. 1. Д. 93.
Роговин Л.М. Устав о паспортах (Св. Зак. т. XIV, изд. 1903 и по прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.). Изд. неофиц., 2-е, пересмотренное и значительно дополненное. СПб.: Законоведение, 1913. 328 с.
Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами / сост. в М-ве торговли и пром-сти под ред. Н.В. Верховского; СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 695 с.
Тимофеев Л.А. Обязанности жандармской железнодорожной полиции: По жандармско-полицейской части / сост. полк. Тимофеев. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1912. 1195 с.
Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Изд. Н.С. Таганцев. 14-е изд., доп., неофициальное. СПб.: Государственная типография, 1902.
Устав таможенный // Свод законов Российской империи. 1910. Т. VI.
AGAD. KGGW. 1904. Sygn. 191., 1904–1910. Sygn. 260.
AGAD. PWGGSP. 1900. Sygn. 515.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боженко Н. Несколько замечаний о пограничных паспортах в Привислинском Крае // Журнал министерства юстиции. 1900. № 10. С. 150–161.
Бонч-Бруевич В.Д. Духоборцы в канадских прериях. Пг.: типография акционерного общества «Кадима», 1918. 276 с.
Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX — начала XX века в геополитическом изменении // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2: География и политика. С. 9–31.
Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII–XX веках. Приложение к истории России. М.: ШИК, 1995. 236 с.
Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 70–88.

- Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1998. 268 с.
- Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). С. 82–93.
- Куприн Д.О. Эмиграция из России в конце XIX — начале XX вв.: дис. канд. ист. наук. М., 2000. 187 с.
- Лятавец К. Поляки в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: история и современность. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007. С. 77–87.
- Матвиенко Т.О. Правовое регулирование передвижения через границу жителей порубежных территорий Российской империи // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4(10). С. 27–31.
- Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М.: 3-я типография Транспечати, 1928. 136 с.
- Парсуков В.А. Некоторые теоретические и историко-правовые подходы к определению деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи в пограничном пространстве Российской империи // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3 (52). С. 34–36.
- Тарле Г.Я. Эмиграционное законодательство в России до и после 1917 года // Источники по истории адаптации российской эмиграции в XIX–XX вв. Сб. статей. М., 1997. С. 31–62.
- Тизенко П.Д. Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. Либава, 1909. 53 с.
- Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев: Штиинца, 1986. 309 с.
- Филипов Ю.Д. Эмиграция. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1906. 92 с.
- Klier J.D. Emigration Mania in Late-Imperial Russia: Legend and Reality // Patterns of Migration, 1850–1914: Proceedings of the International Academic Conference of the Jewish Historical Society of England and the Institute of Jewish Studies, University College London / ed. A. Newman and S.W. Massil. London: Jewish Historical Society of England, 1996. pp. 21–30.
- Рукопись поступила в редакцию 15.03.2024
Рукопись принята к печати 28.05.2024

REFERENCES

- Bonch-Brujevich V.D. *Dukhobortsy v kanadskikh preriiakh*. Petrograd, tipografiia aktsionernogo obshchestva «Kadima» Publ., 1918, 276 p. (In Russ.)
- Bozhenko N. Neskol'ko zamechaniy o pograniichnykh pasportakh v Privislinskom Kraje. *Zhurnal ministerstva iustitsii*, 1900, no. 10, pp. 150–161. (In Russ.)
- D'iakova N.A., Chepelkin M.A. *Granitsy Rossii v XVII–XX vekakh. Prilozheniye k istorii Rossii*. Moscow, ShiK Publ., 236 p. (In Russ.)
- Filipov Iu.D. *Emigratsiia*. St. Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma Publ., 1906, 92 p. (In Russ.)
- Gorizontov L.Je. Russko-pol'skoje protivostoianije XIX — nachala XX veka v geopoliticheskom izmerenii. *Jevropeiskije sravnitel'no-istoricheskije issledovaniia*. Moscow, 2006, vyp. 2: Geografiia i politika, pp. 9–31. (In Russ.)
- Ivanov A.A., Kotov A.E. Ekonomicheskoe znachenije i popytki regulirovaniia zarubezhnoi trudovoi migratsii na zapadnykh ukrainakh Rossiiskoi imperii (konets XIX — nachalo XX veka). *Noveishaia istoriia Rossii*, 2020, t.10, no. 1, pp. 70–88. (In Russ.)
- Kabuzan V.M. *Emigratsiia i reemigratsiia v Rossii v XVIII — nachale XX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1998, 268 p. (In Russ.)
- Kabuzan V.M. Dvizhenije naseleniia v Rossiiskoi imperii. *Otechestvennyye zapiski*, 2004, no. 4 (19), pp. 82–93. (In Russ.)
- Klier J.D. Emigration Mania in Late-Imperial Russia: Legend and Reality. *Patterns of Migration, 1850–1914: Proceedings of the International Academic Conference of the Jewish Historical Society of England and the Institute of Jewish Studies, University College London*, ed. A. Newman and S.W. Massil. London, Jewish Historical Society of England, 1996, pp. 21–30.
- Kuprin D.O. *Emigratsiia iz Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.*: dis. kand. ist. nauk. Moscow, 2000, 187 p. (In Russ.)
- Liatavets K. *Poliaki v Otdel'nom korpuse pograniichnoi strazhi Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. Polaki v Rossii: istoriia i sovremennost'*. Krasnodar, Kuban. gos. un-t Publ., 2007, pp. 77–87. (In Russ.)
- Matviienko T.O. Pravovoe regulirovanije peredvizheniia cherez granitsu zhitelei porubezhnykh territorii Rossiiskoi imperii. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskije nauki*, 2010, vyp. 4(10), pp. 27–31. (In Russ.)

- Obolenskii (Osinskii) V.V. *Mezhdunarodnyye i mezhkontinental'nyye migratsii v dorevoliutsionnoi Rossii i SSSR*. Moscow, 3-ia tipografiia Transpechaty Publ., 1928, 136 p. (In Russ.)
- Parsukov V.A. Nekotoryye teoreticheskije i istoriko-pravovye podkhody k opredeleniiu deiatel'nosti Otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhi v pogranichnom prostranstve Rossiiskoi imperii. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo*, 2017, no. 3 (52), pp. 34–36. (In Russ.)
- Tarle G.Ia. *Emigratsionnoje zakonodatel'stvo v Rossii do i posle 1917 goda. Istochniki po istorii adaptatsii rossiiskoi emigratsii v XIX–XX vv.* Sb. statei. Moscow, 1997, pp. 31–62. (In Russ.)
- Tizenko P.D. *Emigratsionnyi vopros v Rossii, 1820–1910*. Libava, 1909, 53 p. (In Russ.)
- Tudorianu N.L. *Ocherki rossiiskoi trudovoi emigratsii perioda imperializma (v Germaniiu, Skandinavskie strany i SShA)*. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1986, 309 p. (In Russ.)

Received on 15.03.2024

Accepted on 28.05.2024

Информация об авторе:

Комаров Владимир Сергеевич

магистр истории, методист
Государственное автономное образовательное
учреждение дополнительного
профессионального образования г. Москвы
«Центр педагогического мастерства» (ГАОУ
ДПО ЦПМ)
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5745-3655
E-mail: vladimir.s.komarov@gmail.com

Information about the author:

Vladimir S. Komarov

master in History, Methodologist
State Autonomous Educational Institution of
Additional Professional Education of the City
of Moscow «Center for Pedagogical
Excellence» (CPE)
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5745-3655
E-mail: vladimir.s.komarov@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 5, с. 19–31

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 19–31

DOI: 10.31857/S0869544X24050021, EDN: YUDFZD

Оригинальная статья / Original Article

Подходы греко-католического митрополита Андрея Шептицкого к национально-конфессиональным вопросам в начале XX века

© 2024 г. А.М. Пшеничный

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

pshenichniy-michail@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы греко-католического митрополита Андрея Шептицкого к национально-конфессиональным вопросам в начале XX в. в контексте представлений его современников, как соратников, так и деятелей, имевших иную национальную и/или конфессиональную оптику. Путем анализа текстов митрополита Андрея выявлены свойственные ему взгляды на христианский мир и его ветви (католики разных обрядов, православные, особо — русские православные и старообрядцы, протестанты). Раскрыты отдельные особенности христианского универсализма в интерпретации Шептицкого, в том числе понятие «христианский народ» как одно из проявлений христианского мира на национальном уровне. В заключении делается вывод о том, что важнейшим приоритетом в деятельности митрополита Андрея было стремление к объединению всех христиан. У него имелось представление о том, как мог бы развиваться этот процесс. Главная роль отводилась Русской православной церкви, которой надлежало, по его мнению, осознать свое единство с Католической церковью.

Ключевые слова: универсализм, партикуляризм, экуменизм, национальное самосознание, модернизация.

Ссылка для цитирования: Пшеничный А.М. Подходы греко-католического митрополита Андрея Шептицкого к национально-конфессиональным вопросам в начале XX века // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S0869544X24050021, EDN: YUDFZD

Approaches of the Greek Catholic Metropolitan Andrey Sheptytsky to the National and Confessional Issues at the Beginning of the 20th Century

© 2024. Aleksandr M. Pshenichnyi

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

pshenichniy-michail@mail.ru

Abstract. The article examines the approaches of the Greek Catholic Metropolitan Andrey Sheptytsky to the national and confessional issues at the beginning of the 20th century. Sheptytsky's views are placed in the context of the views of his contemporaries, both collaborators and figures who had a different national and/or confessional option. Identified through the analysis of the texts of Metropolitan Andrey set of his views on the Christian world and its constituent confessions (Catholics of various rites, Orthodox, especially Russian Orthodox and Old Believers, Protestants) is presented. Certain features of Christian universalism in Sheptytsky's interpretation are revealed, including the concept of «Christian people» as one of the occurrences of the Christian world at the national level. A conclusion about the most important priority in the activities of Metropolitan Andrey is drawn. It is concluded that the most important priority in the activities of Metropolitan Andrey was the desire to unite all Christians. He had an idea of how this process might develop. The main role was assigned to the Russian Orthodox Church, which, in his opinion, should have realized its unity with the Catholic Church.

Keywords: universalism, particularism, ecumenism, national identity, modernization.

For citation: *Aleksandr M. Pshenichnyi.* Approaches of the Greek Catholic Metropolitan Andrey Sheptytsky to the National and Confessional Issues at the Beginning of the 20th Century // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 5. Pp. 19–31. DOI: 10.31857/S0869544X24050021, EDN: YUDFZD

Греко-католический митрополит Андрей Шептицкий (1865–1944) – весьма заметная фигура в истории Галиции, в том числе и в начале XX в. В этот период, с одной стороны, происходило становление массового национального самосознания у поляков и украинцев, с другой стороны – появились различные экуменические проекты. В связи с этим неизбежно возникла проблема сочетания национального партикуляризма и христианского универсализма. Андрей Шептицкий был одним из тех, кому пришлось дать ответ на этот непростой вызов. В этой статье представлена попытка анализа подходов Шептицкого к национально-конфессиональным вопросам в начале его митрополичьего служения – до Первой мировой войны.

Деятельность Андрея Шептицкого в начале XX в. так или иначе была связана с двумя сферами: религиозной и политической. Под политической здесь имеется в виду не борьба за власть в широком смысле, а отстаивание интересов своего народа/государства (национальная), а также своих единомышленников внутри народа/государства (партийная). Так, например, сотрудник митрополита Андрея в России священник Леонид Федоров (1879–1935) наблюдаемый им процесс формирования современного украинского национального самосознания относил к сфере политики¹. У Шептицкого речь шла не только о разных сферах общественной жизни, но и о разных подходах: универсалистском (христианство) и партикуляристском (общественно-политические движения). Он утверждал, что объединение всех без исключения людей под силу лишь христианству в рамках эгалитарности его учения, в то время как все остальные социальные доктрины противопоставляют одни группы людей другим. Социализм, претендовавший на универсализм, митрополит называл утопией и отмечал, что ему присущи некоторые черты религии². Таким образом, слишком смело было бы утверждать, что, согласно этим высказываниям Шептицкого,

¹ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 526.

² Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 2, 288.

политической сфере имманентно присущи негативные черты и что политический образ действий в ходе преобразования общества заведомо обречен на поражение. Однако, очевидно, что он отрицательно или, по крайней мере, скептически относился к любому общественно-политическому движению, не опиравшемуся на христианскую доктрину.

Разумеется, в действительности обе сферы (религиозная и политическая) были тесно связаны. Этот факт по-разному осмысливался митрополитом Андреем и его современниками. С одной стороны, это воспринималось ими как источник проблем. Федоров приводил примеры трудностей для духовных лиц в условиях подобного сложного конфликта: русский греко-католический священник И. Дейбнер при отсутствии глубины взгляда и прямолинейной религиозности, переходящей в фанатизм, был не способен «разобраться в тех явлениях, в которых политика и религия сталкиваются между собой»³. С другой стороны, Шептицкий надеялся, что характерные для того времени изменения в политической сфере (увеличение роли национальной составляющей) позволят религиозной сфере обособиться. При этом не любой вариант подобного обособления его устраивал. Так, он резко критиковал секуляризацию во Франции, имея в виду, судя по всему, политику левого кабинета радикала Эмиля Комба, в рамках которой позднее был подготовлен закон 1905 г. о разделении Церкви и государства⁴.

Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов, который в 1894–1904 и 1906–1907 гг. служил в русской миссии в Ватикане, в воспоминаниях указывал, что в деятельности пап есть как религиозная, так и политическая сторона. Сравнивая понтификаты Льва XIII (1878–1903 гг.) и Пия X (1903–1914 гг.), он отметил, что первый был талантливым политиком и его эта сфера занимала больше, чем пастырские обязанности, поэтому России как не-католической великой державе работалось с ним легче, чем с Пием X, который совершенно не занимался политикой, и его государственный секретарь кардинал Мерри дель Валь не отличался успехами в этой сфере. При этом Сазонов с сожалением отмечал, что политические недоразумения негативно сказывались на чисто религиозных вопросах⁵.

Противостояние национального и религиозного отражалось и в партийной борьбе в Цислейтании. Националистическая повестка дня была характерна в большей мере для либералов. Политический католицизм был связан с консерватизмом, с одной стороны, и с христианско-демократическим движением, с другой. Для этого лагеря, как и для социал-демократов, национальный вопрос не стоял на первом месте в повестке дня.

Высказывались мнения о нежелательности/недопустимости открытого/любого участия церкви/духовенства в политических конфликтах/процессах. Митрополит Андрей обосновывал это тем, что такое участие может привести к ухудшению церковно-государственных отношений, а также способствовать расколу паствы по политическому признаку. Федоров указывал на вред подобного участия для самих представителей духовенства, особенно для монахов.

Федоров описал распространение украинского национального самосознания среди монахов-студитов Каменецкого скита в Боснии. Его проводниками он называл василианский журнал «Мисионарь», «интеллигентного священника» Ермия Кароля, протоигумена василианского ордена Платонида Филяса и

³ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 485.

⁴ Там же, 48.

⁵ Сазонов 2002, 5–6.

других представителей этого духовного сообщества. В результате «произошло в их умах разделение на схизматиков–“кацапов” и на “ширих” (т.е. настоящих. — А.П.) католиков-украинцев»⁶. Как положительный момент Федоров отметил отсутствие пока ненависти к России. Социальное происхождение монахов — крестьянское. Если исходить из этого описания, то получается, что руководство ордена выступило в качестве агентов национального строительства. Обособление от «большой русской нации» проходило по конфессиональному признаку, однако было непонятно, где место в этой схеме православного украинского населения Российской империи. Возникает вопрос: национальная идентичность наложилась на существовавшую конфессиональную или обе появились в результате влияния василиан?

Важно в этой связи упомянуть об отношениях митрополита Андрея с главой ордена Платонидом Филясом. Они оба воспитывались иезуитами в ходе добромильской реформы и затем тесно сотрудничали. Именно при участии Шептицкого было начато издание «Мисионаря». Однако, после того как в 1904 г. Филяс возглавил василианский орден, их отношения испортились. Позднее, в межвоенный период, василиане находились в оппозиции к проводимой Шептицким «византинизации» богослужения, а митрополит считал их деятельность вредной для процесса объединения церквей [Гентош 2015, 324–325; Nowak 2018, 381–382]. Так что вполне вероятно, что и в описываемое Федоровым время (вторая половина 1900-х годов) Шептицкий не поддерживал распространение василианами украинского национального самосознания.

Как и Шептицкий, о национальном факторе как самом сильном в тогдашних обществах высказывался польский ксендз из Львова Шчепан Шидельский (1872–1967). В его понимании эпоха национального характеризуется тем, что каждый народ заботится о своем языке и всячески развивает чувство собственной обособленности и самостоятельности⁷.

Эмигрант из Северо-Западного края Российской империи ксендз Юзеф Бородич (1861–?) отметил уменьшение роли государства в конфессиональной сфере: окончательно ушли в прошлое времена, когда вслед за монархом подданные меняли религию. В качестве подтверждения приводились примеры православной Буковины и многоконфессиональной Боснии и Герцеговины в составе монархии католических Габсбургов⁸.

С другой стороны, Бородич писал, что вне католической церкви «вера идентифицируется с обрядом, обряд — с языком богослужения, то и другое — с данной национальностью, а скорее, с данным государством. Отсюда смена веры воспринимается там повсеместно как своего рода национальное предательство, как акт непатриотизма». Здесь другая логика: конфессиональное вытекает из государственной принадлежности. Причем Бородич считал, что в Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Буковине разные веры⁹. Его восприятие отношения государства к конфессиональной проблематике в некатолических странах не соответствовало ожиданиям митрополита Андрея. Развитие национальной идентичности не ослабило внимания государства к церковным делам, а приводило к стремлению использовать церковь в национальном строительстве. Одним из результатов этого стало то, что православные церкви различных областей Карпато-Балканского региона воспринимались Бородичем как

⁶ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 526.

⁷ *Szydelski* 1910, 145.

⁸ *Borodziej* 1911, 16.

⁹ *Ibid.*, 19.

принадлежащие к различным конфессиям. Таким образом, государство (или национальное движение) способствовало не единству христиан, а напротив, их разделению.

На несовместимость национализма и христианства указывал Федоров, отметив, что под влиянием «христианской цивилизации» Италии он «горячо полюбил не только вообще народ, но и в частности наш русский народ. *Национальный патриотизм был мне всегда чужд, да и теперь я совершенно, говоря по совести, не понимаю, как можно согласовать с ним христианство.* Но сделать что-нибудь для бедного, смиренного русского народа-аскета или поднять хотя немного дорогих моему сердцу эллинов сделалось необходимой потребностью» (курсив мой. — А.П.)¹⁰. При этом отсутствие положительного национализма не мешало наличию национализма отрицательного, причем Федоров склонялся к тому, что это христианству не противоречит. Вот его высказывания: «Я каждый день молюсь о том, чтобы Турция погибла; ведь не грешно?»¹¹; «Фантастическая ненависть против турок, всосанная мною с молоком матери»¹².

В то же время греко-католические священники — старорусины — подчеркивали, что их национальные симпатии не противоречат католичеству. Основа их идентичности — семейная традиция, многовековая принадлежность к русской церкви, восходящей к князю Владимиру. Получается, что для них их предки — православные священники, не находившиеся в унии с Римом — не чужие.

Важнейший источник формирования идентичности — богослужебные тексты. В семье священника В. Левицкого хранился молитвослов, изданный в 1792 г. в тогда униатском Почаевском монастыре. В текстах этой книги встречались такие слова: «Веселятся российские соборы» и «Явился днесь земли российской¹³ благодать» (Из службы Борису и Глебу), «В российской земли яко светлое светило просияв» и «Звезду российскую днесь почним¹⁴» (Из службы Феодосию Печерскому), «Святая¹⁵ равно-ап. великого князя Владимира, просветившаго землю российскую». Семейное предание о единстве русского народа подкреплялась этими цитатами. Священники пытались доказать, что отсутствие неприязни к слову «российский» еще не означает каких-либо поползновений к схизме¹⁶. В Закарпатье служил католический священник и при этом русофил Юлий Петрович Гаджега (1879—1947).

Национальное могло вызывать и положительные чувства. На Третьем Велеградском съезде корреспондент газеты «Колокол» (издатель В.М. Скворцов) Л.Ф. Воронин, «очень милый господин, идеальный черносотенец, искренне верующий», был восхищен русофильством чехов и торжественной службой¹⁷. Следует отметить, что католической службой восхищался черносотенец, в то время как один из лидеров черносотенцев митрополит Антоний (Храповицкий) не видел перспектив по сближению с католичеством. Так что это восхищение стоит отнести именно к национальной составляющей, которая в данном случае доминирует.

¹⁰ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 499.

¹¹ Там же, 512.

¹² Там же, 517.

¹³ В оригинале, возможно, «российстей».

¹⁴ В оригинале, скорее, «почтим».

¹⁵ В оригинале, скорее, звучит «святаго».

¹⁶ *Borodziej* 1911, 64–65.

¹⁷ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 419.

Национальное могло характеризоваться католиками эпитетами, относящимся к религиозной терминологии. Священник Федоров называл Велеград *священным* для славян городом¹⁸.

Тесная связь двух сфер позволяла предположить возможность манипуляции, когда под лозунгами защиты интересов в одной сфере, продвигались интересы из другой сферы. Это вызывало опасения у русского католика А.Г. Сипягина, племянника убитого в 1902 г. министра внутренних дел, «что за восточным обрядом скрываются и национальные, и политические интересы, которые оскорбляют его возвышенные религиозные концепции»¹⁹.

Конфессиональная идентичность могла влиять на национальную не только в виде смены одной национальной идентичности на другую, но и вообще ее вытеснения из самосознания человека. Леонид Федоров писал про Дейбнера, что тот «националист в душе, после принятия католичества постепенно теряет это качество»²⁰. Это выражалось в том, что, переставая быть русским националистом (вплоть до согласия на разделение России), он не становился приверженцем какой-либо иной нации, но мог поддерживать интересы других наций, например, украинской²¹. Но позже, к 1914 г. для него был характерен «крайний, дошедший теперь до дикости шовинизм»²².

По Федорову, для глубоких народных слоев родное православие «дорого и мило», в том числе потому, что это «русская религия», которая теснейшим образом переплетается с традициями народности и государственности (например, канонизация патриарха Гермогена и отрока Гавриила Белостокского)²³. Таким образом Федоров достаточно высоко оценивал уровень национального самосознания русских крестьян. Оно представлялось как первичное или, по крайней мере, не менее важное, чем религиозное.

Религиозные задачи могли вписываться в национальную повестку. Дейбнер писал: «Национальная задача Руси — соединение Церквей»²⁴.

Среди своих различных социальных статусов (сословный — шляхтич, граф; конфессиональный — католик восточного обряда, архиепископ; политический — член австрийского парламента и галицийского сейма, национальный — выходец из *gente Rutheni, natione Poloni (пода русинского, нации польской)*), русин, один из лидеров своего народа в Галиции и др.) митрополит Андрей отдавал предпочтение церковному служению. Самым близким людям — членам семьи — он писал, что приоритетным направлением деятельности для него являлось распространение унии в России, а после получения юрисдикции над униатскими епархиями в России — что это «был важнейший день в моей жизни, и может, в жизни нашей Церкви»²⁵.

Миссия в России рассматривалась им в контексте «самого великого дела»²⁶ — объединения всех христиан перед лицом распространения атеизма. Национальное самосознание тоже подчинялась этому делу: «Вся моя национальная деятельность всегда была логичным и *христианским* следствием принципов, которые мои предки веками исповедовали» (курсив мой. — А.П.).

¹⁸ Там же, 412.

¹⁹ Там же, 235–236.

²⁰ Там же, 484.

²¹ Там же, 485.

²² Там же, 657.

²³ Там же, 655.

²⁴ Там же, 548.

²⁵ Там же, 219.

²⁶ Там же, 245.

При этом приоритет отдавался Руси: «Любя Польшу и поляков, я с детства больше любил Русь и русинов, исходя из того, что Польша, Русь и Литва — поляки, русины и литвины — три братских и равных народа»²⁷. Эта цитата хорошо укладывается в рамки дискурса Речи Посполитой, в котором такая иерархия триединого русского народа не выстраивается (и вообще данный дискурс не прослеживается у Шептицкого ясно).

В мировоззрении Шептицкого присутствовало такое понятие, как «христианский мир»²⁸, который включал и католиков, и православных, и старообрядцев. Это — взгляд на христиан как на своеобразный, исключительный по своим качествам народ. Федоров писал: «Велеградские съезды — это тот “союз мира”, который отличает христиан от всех остальных народов земного шара!»²⁹. Давая верующим наставление, как надо голосовать на выборах в рейхсрат, митрополит Шептицкий писал: «Само собой разумеется, что так же как русский народ выбирает своих, русинов, в депутаты, точно так же *христианский народ* (курсив мой. — А.П.) должен только христиан выбирать послами»³⁰. Христианство, таким образом, идентифицировалось с национальностью. Отмечалось, что христиане должны любить весь мир, а особенно братьев-христиан. Соответственно, подчеркивалась необходимость достижения христианского единства³¹.

«Весь мир теперь как бы разделен на две громадные половины: на язычников, которые не знают Христа, и на христиан, среди которых гонят Его». По религиозному признаку выделялись народы (христианские и нехристианские). Говорилось о том, что надо объединяться христианам всех национальностей в единый христианский мир. Христиане всех стран, объединяйтесь, другими словами³². Эта задача формулировалась как «великое дело объединения всего христианского мира в одно воинство Христово против надвигающегося неверия»³³. При этом национальное деление не отвергалось, а вписывалось в эту схему. Таким образом предлагался своего рода интернационализм.

К христианам митрополит Андрей относил всех, кто «правильно» верует. Соответственно, достижение христианского единства предполагало объединение почти всех таких людей в истинной церкви (критерием чего должно было стать отсутствие отторгнутых «громадных масс христиан», в то время как существование отдельных сект допускалось)³⁴.

Во время войны Шептицкий в проповеди призывал молиться за обе воюющие стороны («мы все братья во Христе и нуждаемся в милосердии Божиим»³⁵).

Протестанты. Хотя протестанты и включались Шептицким в число христиан, особой симпатии к ним он не испытывал, подчеркивая, что они не равны католикам³⁶, порицая изменения в русском православии из-за протестантского влияния. Для него первичным было объединение католиков с православием, а уже затем должно было последовать обращение протестантов. Также непонятно, какие из протестантских деноминаций соответствовали его категории

²⁷ Там же, 251.

²⁸ Там же, 331.

²⁹ Там же, 325.

³⁰ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 2, 406.

³¹ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 37–38.

³² Там же, 49.

³³ Там же, 242.

³⁴ Там же, 55.

³⁵ Там же, 702.

³⁶ Там же, 73.

«громадная масса христиан»³⁷? Возможно, под протестантами он понимал, главным образом, лютеран³⁸.

Православная церковь, в свою очередь, напротив, очевидно представляла собой «громадную массу христиан»³⁹. Православная церковь — большая ветвь, случайно⁴⁰ отрезанная от материнского ствола вселенской церкви, в отличие от ересей, самая истинная, благородная часть дерева, была когда-то живую. Церковь разделилась не сама, а разделена насильно политикою⁴¹. У нее осталось все, что было во вселенской церкви (православная вера — «целость» христианского догмата; апостольское преемство иерархии; действительные таинства и литургия; дух (благочестивые нравы, благоговейность народа, почитание икон и мощей, посты, иночество — признаки святости церкви))⁴². В православии раскрывается идея аскетического жития и личной святости⁴³.

Святоотеческое наследие рассматривалось Андреем Шептицким не только как общее достояние православных и католиков, но и как основа дискуссии между ними, признаваемый обеими сторонами авторитет. Обосновывая первенство Рима, он ссыался на отцов церкви, святых, как западных (Августин, Ириней Лионский, Иероним Стридонский, Иларий Пиктавийский, Опат Милевитский), так и восточных (Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Максим Исповедник, Феодор Студит)⁴⁴. По другому поводу митрополит ссыался на латинского отца церкви Киприана Карфагенского⁴⁵.

Среди отрицательных явлений в православной церкви Андрей Шептицкий отметил отсутствие новых догматов, созывов вселенских соборов, миссий к другим народам, она не возносится духом, как прежде, не видно влияния ее на весь мир (так как ограничена отдельными странами и государствами). К тому же сказывалось влияние кальвинистов и протестантов, существование многочисленных сект и расколы, отказ от всех новых догматов Запада, искажение древних (время Пресуществления)⁴⁶.

Андрей Шептицкий писал архиепископу Андрею (Храповицкому) о своей искренней любви к «Православному миру», а особенно к «единокровной России»⁴⁷. Таким образом в конфессиональном пространстве выделялась часть, более близкая по **этническому признаку**.

Особые слова Шептицкого посвящены русскому православию. Русская православная церковь — главнейшая ветвь восточной церкви. Она с XVI в. считалась ее главой и сердцем (по размеру, по могуществу, по авторитету). Но настоящий признак ее первенства среди церквей Востока — больше всех живой веры и церковного духа, а также отсутствие ненависти к католичеству (дольше сохраняла единство, неоднократные попытки воссоединения — мешали иные восточные патриархи). Сейчас, как отметил Шептицкий, наблюдается пробуждение восточной церкви (движение умов, расцвет духовной литературы, ученых трудов, восстановление порядка, исправление нравов духовенства,

³⁷ Там же, 55.

³⁸ Там же, 74–75.

³⁹ Там же, 55.

⁴⁰ Там же, 196.

⁴¹ Там же, 92.

⁴² Там же, 74.

⁴³ Там же, 45.

⁴⁴ Там же, 146.

⁴⁵ Там же, 147.

⁴⁶ Там же, 74–75.

⁴⁷ Там же, 196.

искоренение злоупотреблений). В России улучшились отношения к католикам, популярность обрели труды В.С. Соловьева, Россия, по мнению митрополита, стремительно приближалась к соединению с католической церковью.

Андрей Шептицкий доказывал, что среди русских святых есть достойные почитания. В частности, о Серафиме Саровском он писал, что это «совершенно невинный пустынный и, возможно, весьма благочестивый». В этом вопросе митрополит ссылаясь на исторический прецедент (после Брестской унии 1596 г. не было ревизии календаря и упоминавшихся в нем святых) и на исследование русского иезуита И.М. Мартынова, в котором тот хвалил всех святых, включенных в греко-славянский календарь, кроме Григория Паламы. Среди русских святых, о которых там шла речь, Андрей Шептицкий особо отметил Александра Невского («про него ничего, кроме похвального»)⁴⁸. Действительно, Мартынов, опираясь на письмо папы Иннокентия IV новгородскому князю, попытался опровергнуть традиционный для русской исторической памяти образ святого правителя, защитника от католической экспансии как на полях сражений, так и на дипломатических переговорах, заявив, что он чуть ли не принял католичество⁴⁹.

Такого же мнения митрополит придерживался относительно русских народных святынь, заявив, что «добрая вера русского народа — сильная презумпция в пользу действительности этих святынь»⁵⁰.

Неправильным в Русской православной церкви митрополит Андрей считал отход от собственных традиций и замену их на западные в результате петровских реформ. Этот подход практически совпадает со славянофильским с той лишь разницей, что славянофилы говорили про всю Россию, а Шептицкий только про Русскую церковь. Он критиковал результаты как латинского («оперное пение»), так и протестантского влияния (синодальная система), но на последнем делал акцент с особым вниманием к его проводникам (кальвинист Франц Лефорт, курляндские немцы) и антикатолической направленностью («дышащие ненавистью к Риму»)⁵¹. Петровские нововведения критиковались Шептицким как «измышления светского правительства», заменившие собой «древние церковные установления»⁵². Больше всего в русском православии его не устраивало административное устройство: «Я всем сердцем русский православный, но не подчиняюсь в церковных делах светским властям»⁵³.

Представления о Католической церкви, господствующие, по мнению митрополита Андрея, в Православной, оценивались им весьма невысоко, в частности, тезис о том, что униатство — это вера, отличная от католической⁵⁴. Такое мнение действительно было распространено, но, скорее, среди лиц, не имевших богословского образования (например, чиновников⁵⁵). Этот упрек был высказан Антонию (Храповицкому) в ответ на его письмо о том, что католики будут опасаться за униатов, «что они будут плохие, ненадежные католики» из-за учения о спасении, содержащегося в богослужебных текстах восточного обряда⁵⁶. Фактически, со стороны римско-католиков восточный обряд

⁴⁸ Там же, 610–611.

⁴⁹ *Martinov* 1863, 286.

⁵⁰ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 245.

⁵¹ Там же, 77–78.

⁵² Там же, 38.

⁵³ Там же, 146–147.

⁵⁴ Там же, 91–92.

⁵⁵ Там же, 479.

⁵⁶ Там же, 89.

критиковался как несовершенный (правда, содержание критики отличалось от представленного архиепископом Антонием), но большее неприятие вызывал нравственный уровень греко-католического духовенства, связываемый с разрешением священникам вступать в брак⁵⁷. Семейных священников не считал католиками и американский архиепископ Джон Айрленд, что стало одним из факторов, приведших к переходу священника Алексия Товта в православие и началу его успешной миссионерской деятельности среди карпатских русинов в Америке [O’Connell 1988, 269–271].

Источниками представлений православных о католицизме Андрей Шептицкий называл протестантские, или антицерковные, или переименованные русской цензурой католические сочинения⁵⁸.

В его письме Мерри дель Валу в начале 1914 г. соответствие православной веры в России католической оценивалось в более жестких выражениях, говорилось о том, что «синодальное» православие смешано с ересью, богословские школы наполовину протестантские, а Синод плохо понимает православие. При этом государственная церковная структура противопоставлялась народу, «простым людям», которые «действительно православные»⁵⁹. Также народ противопоставлялся Шептицким господствующему классу, который заражается духовным оскудением Запада⁶⁰. Как отдельные категории выделялись российская интеллигенция и учащаяся молодежь. В качестве одного из примеров приводилось «безбожие знаменитого русского писателя» Л.Н. Толстого⁶¹. Возможно, Шептицкий негативно относился ко всеобщему образованию (если только оно не находилось под контролем церкви).

Вообще модернизация, по мнению Шептицкого, негативно сказалась на русском народе, охарактеризованном как «спокойно-православный *ранее*»⁶² (курсив мой. — А.П.). Этот подход схож со взглядами консерваторов, рассматривавших народ как хранителя важных для государства нравственных основ, но который пытаются развратить интеллигенты⁶³. Наряду с духовными школами митрополитом критиковались и русские духовные издания (равно как и светские) за «несправедливое, пристрастное» отношение к католической церкви⁶⁴.

Шептицкий был противником государственного давления в религиозной сфере не только в России, но и в Австро-Венгрии. Греко-католик из России Н. Траге отметил: «Митрополит Андрей является убежденным противником каких-бы то ни было репрессий, и действия австро-польских властей всегда встречали осуждение с его стороны». Речь шла об угнетении в Австро-Венгрии православного духовенства. Однако последствия этих мер не могли не радовать митрополита: изолированные от «пришельцев из Почаева» галицкие крестьяне стали «забывать об их существовании и вновь стали посещать униатские церкви»⁶⁵. Вообще для митрополита была характерна толерантность. В качестве примера Траге привел его отношение к бывшему униатскому священнику, политику-русофилу Д.А. Маркову, который резко критиковал Шептицкого

⁵⁷ См. например, *Borodziej* 1911, 35.

⁵⁸ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 145.

⁵⁹ Там же, 607–608.

⁶⁰ Там же, 45.

⁶¹ Там же, 49.

⁶² Там же.

⁶³ См. например, *Pamiętniki Pawła Popiela* 1927, 197–198.

⁶⁴ Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 45.

⁶⁵ Там же, 857.

в печати — Марков не подвергся ни каноническому, ни дисциплинарному наказанию⁶⁶.

Старообрядцы. Андрей Шептицкий характеризовал старообрядцев как людей несомненно глубоко религиозных, находящихся гораздо ближе всех к католицизму⁶⁷. Отмечались их независимость от светской власти и любовь к старине⁶⁸. В качестве отрицательной черты называлось их «буквоедство»⁶⁹.

Католики. Митрополит Андрей утверждал, что католики не раскольники и еретики, а православные⁷⁰. Он стремился доказать, что вероучительные расхождения либо отсутствуют, либо нуждаются в обсуждении на общем соборе, который может признать их еретическими. Так, доказывая, что догмат о непорочном зачатии Богородицы не является ересью, Шептицкий привел канонический аргумент («не осужден достаточным церковным авторитетом»). Более того, он пытался показать, что этот догмат имплицитно присущ православной церкви. Для этого использовался литургический аргумент («доказывается богослужебными текстами восточного обряда») и ссылка на авторитет (святитель Димитрий Ростовский⁷¹)⁷².

Отвечая на упреки со стороны православных уже не в отношении вероучения, а в отношении его реализации, жизни по вере, Андрей Шептицкий объяснял их критическое отношение к практике Католической церкви тем, что, видя духовное оскудение на Западе в целом (распространение атеизма, антихристианских взглядов), русские православные связывали это с духовным оскудением Католической церкви. Митрополит стремился опровергнуть такой подход, доказывая, что Католическая церковь в данном случае выделяется из общезападной практики и нуждается в солидарности с православными в борьбе против безбожия, которое проникает и в Россию. «Русские знакомы с Европой, но не с Европой христианской и католической, а с Европой рационалистов и атеистов»⁷³. Иллюстрируя тезис о том, что «гнилой» Запад, описанный в русской литературе, не включает в себя католиков Запада, митрополит Андрей указывал на то, что в России много «неприятностей» между духовенством и народом, а в Галиции (среди греко-католиков) таких дел почти нет, народ там находится на солидной высоте религиозно-нравственного совершенства⁷⁴. Говоря, что дух антихриста «заражает все народы», митрополит Андрей как бы подталкивал православных к тому, что главный противник — это не народ, исповедующий другую христианскую конфессию, а те антирелигиозные силы, которые есть в каждой стране, т.е. указывал на общего врага христиан⁷⁵.

Униаты (католики греко-славянского обряда). Митрополит Андрей доказывал, что это полноценные католики, а не переходная форма к смене конфессии. Оппонировал он в этом вопросе части римско-католиков и православных и критиковал название «униаты», как и «греко-католики»⁷⁶. Шептицкий под-

⁶⁶ Там же, 856.

⁶⁷ Там же, 265.

⁶⁸ Там же, 331.

⁶⁹ Там же, 346.

⁷⁰ Там же, 44.

⁷¹ Действительно, в первой редакции первого тома «Книги житий святых» содержался этот догмат, но после критики патриарха Иоакима текст был исправлен. См.: [Федотова и др. 2007, 8–9].

⁷² Митрополит Андрей Шептицкий. Т. 3, 44–45.

⁷³ Там же, 256.

⁷⁴ Там же, 146.

⁷⁵ Там же, 45.

⁷⁶ Там же, 606.

черкивал, что главное — их вера, а не обряд, и несмотря на критику названия, в текстах продолжал называть принадлежащих к своей церкви верующих «уни-тами» (в записи Дейбнера⁷⁷, в автографе⁷⁸), и «греко-католиками»⁷⁹, а также «русскими кафоликами восточного обряда»⁸⁰.

Программа-максимум. Программа, предложенная митрополитом Андреем «христианскому миру» в письмах к Антонию (Храповицкому) заключалась в планах объединения Церквей. Ход их реализации виделся следующим образом. Православная церковь возвращается к истокам, избавляется от лишних «прибавок». С восстановлением патриаршества и соборной жизни становится возможным огромный собор (как Флорентийский) всего Востока и всего Запада.

Далее митрополит Андрей описал торжество христианского универсализма как результат воплощения предложенной программы: объединение всех христиан (на Востоке за Россией присоединились бы все автокефальные церкви, исчезли бы раскольничьи секты, на Западе — «протестантство может быть возвратилось бы к Церкви»), географическое распространение христианства — реализация вселенского (католического) характера Церкви («Восточная Церковь расширилась бы на всю Азию») и его триумфальная победа над альтернативными универсалистскими идеями Нового времени («на Западе восточный благочестивый дух уничтожил бы вольнодумные идеи социализма и масонства»)⁸¹.

* * *

Таким образом, среди современников Андрея Шептицкого было распространено представление о существовании политической и религиозных сфер, отдельных, но взаимосвязанных. Многими к началу XX в. наблюдалось усиление национальной проблематики в политической сфере. Митрополит Андрей считал, что только христианство способно объединить всех людей и надеялся, что государство, занятое национальным строительством, освободит от своего контроля конфессиональную сферу. При этом он был не согласен с реализацией государством принципа секуляризации. Однако Шептицкий, видимо, не учитывал в полной мере того, что конфессиональная составляющая может использоваться в национальном строительстве. Не отрицая того, что представители духовенства могут иметь определенные национальные симпатии, он был против открытого участия Церкви в национальных конфликтах в пользу какой-либо стороны. Среди его последователей существовали различные взгляды по поводу допустимости национализма среди христиан.

Таким образом, важнейшим приоритетом деятельности митрополита Андрея в начале XX в. было стремление к объединению всех христиан. У него имелось представление о том, как мог бы развиваться этот процесс. Главная роль отводилась Русской православной церкви, которой надлежало, по его мнению, осознать свое единство с католической церковью. Отмечалась этническая близость русских. Основным препятствием на этом пути, как он считал, было российское государство, служившее проводником протестантского влияния, и элита — носительница антиклерикального влияния. Основную надежду Шептицкий возлагал на православную традицию, привязанный к ней глубинный народ, в том числе на притесняемых государством старообрядцев.

⁷⁷ Там же, 54.

⁷⁸ Там же, 220.

⁷⁹ Там же, 143.

⁸⁰ Там же, 195.

⁸¹ Там же, 77–78.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Митрополит Андрей Шептицкий: Життя і Діяльність. Документи і Матеріали 1899–1944. Т. 2. Церква і суспільне питання / ред. А. Кравчук. Львів: Місіонер, 1998. 572 с.
- Митрополит Андрей Шептицкий: Життя і Діяльність. Документи і Матеріали, 1899–1944. Т. 3. Митрополит Андрей Шептицкий і греко-католики в Росії. Кн. 1. Документи і матеріали, 1899–1917 / ред. Ю. Аввакумов. Львів: Видавництво Українського католицького університету, 2004. 924 с.
- Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. 368 с.
- Borodziej J. Na Rusi galicyjskiej Scyzyma się gotuje!... Chrzanów: Drukarnia Maryi Ziemińskiej, 1911. 90 s.
- Martinov J. Annus ecclesiasticus graeco-slavicus. Brüssel: Goemaere, 1863. 356 p.
- Pamiętniki Pawła Popiela (1807–1892). Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. 258 s.
- Szydelski Sz., ks. My a Wschód słowiański // Świat Słowiański. 1910. No. 69–70. S. 135–150.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Гентош Л. Митрополит Шептицький: 1923–1939. Випробування ідеалів. Львів: ВНТЛ-Класика, 2015. 596 с.
- Федотова М.А., Турилов А.А., Зеленина Я.Э. Димитрий (Савич (Туптало) Даниил Саввич; 1651–1709), митр. Ростовский и Ярославский, свт. // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 8–30.
- Nowak M. Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. 614 p.
- O'Connell M.R. John Ireland and the American Catholic Church. St. Paul, Minnesota Historical Society Press, 1988. 624 p.

Рукопись поступила в редакцию 10.01.2024
Рукопись принята к печати 15.06.2024

REFERENCES

- Fedotova M.A., Turilov A.A., Zelenina Ia.E. Dimitrii (Savich (Tuptalo) Daniil Savvich; 1651–1709), mitr. Rostovskii i Iaroslavskii, svt. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2007, vol. 15, pp. 8–30. (In Russ.)
- Hentosh L. *Mytropolyt Sheptyts'kyi: 1923–1939. Vyprobuvannia idealiv*. L'viv, VNTL-Klasyka Publ., 2015, 596 p. (In Ukr.)
- Nowak M. *Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914*. Gdańsk, Gdańsk University Publ., 2018, 614 p.
- O'Connell M.R. *John Ireland and the American Catholic Church*. St. Paul, Minnesota Historical Society Press, 1988. 624 p.

Received on 10.01.2024

Accepted on 15.06.2024

Информация об авторе:

Пшеничный Александр Михайлович

Аспирант

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0003-3215-7072

E-mail: *pshenichniy-michail@mail.ru*

Information about the author:

Aleksandr M. Pshenichnyi

Postgraduate Student

Moscow State Lomonosov University
Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3215-7072

E-mail: *pshenichniy-michail@mail.ru*

Славяноведение, 2024, № 5, с. 32–45

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 32–45

DOI: 10.31857/S0869544X24050032, EDN: YUCAVC

Оригинальная статья / Original Article

Евроинтеграция в программах чешских парламентских партий левого крыла в 1990–2010-е годы

© 2024 г. М.Ю. Анхимюк

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mankhimiuk@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-исторического анализа внешнеполитических разделов программ Чешской социал-демократической партии и Коммунистической партии Чехии и Моравии с привлечением документов их текущих архивов. Особое внимание в подходах двух партий уделено вопросам интеграции Чехии в структуры НАТО и Европейского союза. На основе изучения имеющейся научной литературы сделан вывод о необходимости рассматривать данную проблему сквозь призму двух основных направлений в контексте евроинтеграции: политики безопасности и экономического сближения с ЕС. Выявлены принципиальные различия в трактовках чешскими социал-демократами и коммунистами перспектив вхождения их страны в европейские и евро-атлантические объединения. Если социал-демократы отстаивали необходимость «вхождения в Европу» и даже в ее «ядро», видя в этом существенную пользу для экономики страны благодаря свободно-му перемещению рабочей силы, защите от валютных кризисов, а также снижению транзакционных издержек, то коммунисты призывали сохранять установку на многовекторность внешней политики государства – сотрудничество со всеми странами, представлявшими для Чехии интерес. В то же время обе партии, хотя и с разной степенью интенсивности, прибегали к критике европейских институтов. Результаты исследования позволяют выявить причину, по которой крупные чешские партии левого крыла проиграли выборы в нижнюю палату парламента ЧР в 2021 г.

Ключевые слова: новейшая история Чехии, внешняя политика, международные отношения, чешские политические партии, Чешская социал-демократическая партия, Коммунистическая партия Чехии и Моравии, европейская интеграция.

Ссылка для цитирования: Анхимюк М.Ю. Евроинтеграция в программах чешских парламентских партий левого крыла в 1990–2010-е годы // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 32–45. DOI: 10.31857/S0869544X24050032, EDN: YUCAVC

Eurointegration in Czech Left-Wing Parliamentary Parties' Programs in the 1990s – 2010s

© 2024. Mstislav Yu. Ankhimiuk

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mankhimiuk@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a comparative historical analysis of the foreign policy sections of the programs of the Czech Social Democratic Party and the Communist Party of Bohemia and Moravia using documents from their current archives. Particular attention in the approaches of the two parties is paid to the issues of the integration of the Czech Republic into the structures of NATO and the European Union. Based on the study of the available scientific literature, a conclusion is made about the need to consider this problem through the prism of two main lines in the context of European integration: security policy and economic rapprochement with the EU. Fundamental differences in the interpretations of Czech Social Democrats and Communists about the prospects for their country's entry into European and Euro-Atlantic associations have been revealed. If the Social Democrats defended the need to "enter Europe" and even into its "core", seeing this as a significant benefit for the country's economy due to the free movement of labor, protection from currency crises and a reduction in transaction costs, the Communists called for maintaining the focus on a multi-vector foreign policy of the state – cooperation with all countries of interest to the Czech Republic. At the same time, both parties, although with varying degrees of intensity, resorted to criticism of European institutions. The results of the study help to identify the reason why the major Czech left-wing parties lost the elections to the lower house of the Czech Parliament in 2021.

Keywords: modern history of the Czech Republic, foreign policy, international relations, Czech political parties, Czech Social Democratic Party, Communist Party of Bohemia and Moravia, European integration.

For citation: Mstislav Yu. Ankhimiuk. Eurointegration in Czech Left-Wing Parliamentary Parties' Programs in the 1990s – 2010s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 5. Pp. 32–45. DOI: 10.31857/S0869544X24050032, EDN: YUCAVC

События «бархатной революции» 1989 г. в Чехословакии сделали возможным создание многопартийной системы и реализацию принципа плюрализма по вопросам дальнейшего развития Чехословакии. В 1993 г. Чехия и Словакия официально стали самостоятельными государствами, начавшими активные поиски своего места в кардинально изменившейся системе международных отношений. Две парламентские партии левого крыла – Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) и Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ) – в целом поддерживали курс на «вхождение в Европу», разрабатывая при этом во многом принципиально различные стратегии его реализации. Так, социал-демократы провозгласили необходимость вхождения в «ядро Европы», коммунисты же делали акцент на многовекторности внешней политики и выступали с критикой стремления страны в НАТО как необходимого условия вхождения в Европейский союз (ЕС).

Партийно-идеологический спектр Чешской Республики (ЧР) в начале 1990-х годов, как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), оказался весьма широким и пестрым¹. Социал-демократы, возро-

¹ См. подробнее: [Центральная и Юго-Восточная Европа 2015, 415–426].

дившие существовавшую еще с 1893 г. под разными названиями левоцентристскую Чешскую социал-демократическую партию, занимали влиятельные позиции в чешском политическом пространстве. Коммунисты, преобразовавшие Коммунистическую партию Чехословакии (КПЧ) в Коммунистическую партию Чехии и Моравии, также не сходили с политической сцены страны.

В отечественной историографии проблема их внешнеполитических стратегий разрабатывалась в основном учеными двух ведущих центров — Института славяноведения РАН и Института Европы РАН. Среди основных работ по этой тематике можно выделить труды Э.Г. Задорожнюк, описавшей в том числе ключевые направления развития чешской социал-демократии на рубеже XX–XXI вв. [Задорожнюк 2000] и представившей внешнеполитические векторы в программных документах других чешских партий в 2010-е годы [Задорожнюк 2018, 144–159], а также М.В. Ведерникова, сосредоточившегося на анализе политики чешских партий в основном центристских и правых взглядов [Ведерников 2017], а также предпринимаемых чешскими политиками действий в отношении России на фоне разрыва многих связей между двумя странами после событий 2014 г. [Ведерников 2018, 23–30]. Внешнеполитической ориентации чешских партий также касались Ю.А. Щербакова [Щербакова 2014, 107–126], В.В. Трухачев [Трухачев 2017], И.Н. Тарасов [Тарасов 2008].

В работах чешских авторов содержится более предметное сопоставление политики ЧСДП и КПЧМ по различным направлениям. Консолидацию левых политических сил в Чехии рассматривал М. Мареш. Он полагал, что две партии прочно обосновались на левой стороне политического спектра Чехии и относительно мирно сосуществовали на протяжении нескольких десятилетий, в отличие от правого крыла чешской политики, претерпевшего значительные изменения после 2010 г. [Mareš 2011, 133–159]. Наиболее полное сравнение программ двух партий проведено в исследованиях чешских ученых Л. Копе́чека и П. Пшеи. В одном из них авторы пришли к выводу, что коммунисты не смогли вовремя перейти, как требовало время, к более умеренной риторике и тем самым позволили социал-демократам занять доминирующую позицию на левом фланге политической системы Чехии [Korešek, Pšeja 2008, 317–338]. Различия в проведении предвыборных кампаний чешских партий левого крыла в 2010-х годах отражены в статье М. Полашека, В. Новотного и М. Перроттино. Исследователи проанализировали организационную структуру двух партий, атрибутируя их как массовые или картельные, а также спроецировали влияние этих характеристик на работу ЧСДП и КПЧМ со своим электоратом [Polášek, Novotný, Perottino 2012]. В работе М. Пинка дан анализ изменения отношения электората к позициям обеих чешских партий в период 1993–2010 гг. [Pink 2012, 170–192]. Непосредственное сравнение стратегий ЧСДП и КПЧМ, представленных в разделах предвыборных программ 1996–2006 гг., посвященных внешней политике, провели В. Гавлик и Х. Выкоупилова. Однако авторы ограничились лишь изучением позиций политических партий по отношению к интеграции Чехии в Европейский союз, не затрагивая при этом других направлений вовлечения страны в западноевропейские структуры [Navlík, Vykoupilová 2008, 163–187]. В последующих работах В. Гавлик представил более подробный обзор позиций чешских партий к интеграции в ЕС, проранжировав их по установленным критериям и продемонстрировав их позитивное или негативное отношение к этому процессу [Navlík 2011, 129–147]. Краткую характеристику внешнеполитических концепций ЧСДП и КПЧМ наряду с другими партиями чешского политического спектра дал и М. Коржан

[Kořan 2007, 23–45]. Он попытался выявить корреляцию между идеологической базой политических партий и их установками во внешней политике, придя в итоге к выводу, что такая связь действительно имела место после выборов в парламент Чехии 2006 г.²

Что касается англоязычных авторов, то здесь наибольший интерес вызывают работы Ш. Хенли [Hanley 2001, 453–479] и М. Тавиц [Tavits 2013], исследовавших партийные системы стран Центральной Европы, в том числе и Чешской Республики. Авторы сконцентрировались на структурной эволюции партий и их предвыборных кампаниях. Весьма содержательной также можно считать работу политолога Х.Л. Роу, посвященную КПЧМ, в которой он раскрыл и некоторые аспекты ее внешнеполитической ориентации [Roe 2016].

Таким образом, внешнеполитические концепции чешских партий левого крыла затрагивались в трудах российских и зарубежных ученых чаще как одно из направлений работы партий со своим электоратом. Историография вопроса в той или иной мере демонстрирует расхождение их внешнеполитических стратегий. Вследствие этого можно говорить о некоторой условности отнесения ЧСДП и КПЧМ к одному идеологическому направлению, что особенно рельефно просматривается при анализе противоречий между ними в вопросах внешней политики. В статье дается детальный анализ политических программ ЧСДП и КПЧМ с целью определить их внешнеполитические ориентиры, в первую очередь отношение к евроинтеграции, а также предпринята попытка выявить принципиальные различия в подходах двух партий в вопросах продвижения интересов Чешской Республики в Европе.

В программах ЧСДП и КПЧМ в период 1990–2010-х годов внимание концентрировалось на целях и темпах евроинтеграции через призму интереса, во-первых, к вопросу обеспечения всесторонней безопасности, во-вторых, к влиянию процесса сближения с европейскими объединениями на дальнейшее экономическое развитие страны, включая изменение рынка занятости и товарооборота, а также принятие единой европейской валюты. С учетом этого представляется целесообразным провести сравнение программных положений чешских социал-демократов и коммунистов по двум указанным аспектам.

Первый фундаментальный вопрос, проходивший красной линией во всех программах двух чешских политических партий в контексте их отношения к евроинтеграции – политика безопасности. Речь идет как о координации действий всех ответственных служб в борьбе с преступностью, противодействии терроризму, реагировании на увеличившийся в 2000-х годах поток мигрантов, так и о вступлении ЧР в НАТО – военно-политический союз, занявший в Европе после распада Организации Варшавского договора в 1991 г. доминирующее положение.

ЧСДП, как и в вопросе вхождения в ЕС, с момента своего официального «возрождения», выступила «флагманом» политических течений, поддерживавших присоединения страны к Североатлантическому альянсу. Так, в программе партии 1993 г. обозначена твердая позиция: «Колоссальные экономические, политические, национальные и нравственные проблемы в странах бывшего коммунистического мира принесли новые конфликты, новую опасность, новую неуверенность и даже новые войны [...]. Чем раньше Чешской Республике

² На выборах в Палату депутатов Чехии в 2006 г. ЧСДП стала второй (32,32 % голосов) и получила 74 места в Парламенте, а КПЧМ – третьей (12,81 %) и 26 мест соответственно. По итогам этих выборов наступил политический кризис, связанный с невозможностью сформировать как левое, так и правое правительство, поскольку левые и правоцентристские партии контролировали по 100 мест.

удастся стать членом [...] НАТО, тем раньше мы будем считать нашу безопасность гарантированной»³.

Свою позицию по вступлению Чехии в НАТО социал-демократы обосновывали следующим образом. Во-первых, эту точку зрения в начале 1990-х годов разделяли практически все политические силы страны, аргументируя это тем, что альянс доказал свою эффективность в качестве оборонительного военно-политического союза, Россия же не могла предоставить альтернативу, а именно: детально разработанный план по обеспечению коллективной безопасности в военно-политической сфере в Европе, отвечавший интересам всех предполагаемых стран-участников. Во-вторых, необходимо учитывать тот факт, что ЧСДП, несомненно, рассматривала присоединение к альянсу как промежуточную ступень перед интеграцией в Евросоюз, так как практически все страны–члены НАТО к тому моменту входили в ЕС.

Со временем позиция социал-демократов по вопросу вступления Чехии в НАТО наполнялась прагматичными оговорками. Так, в 1996 г. партия подчеркивала, что присоединению страны к военно-политическому блоку в обязательном порядке должен предшествовать всенародный референдум. Более того, указывалось, что размещение ядерного оружия и иностранных воинских частей на территории Чехии в связи с вхождением в альянс крайне нежелательно, так как противоположный сценарий «способствовал бы заключению соглашения между НАТО и Россией и Украиной, а это могло бы существенно повлиять на укрепление общеевропейской безопасности»⁴.

Позиция КПЧМ относительно встраивания Чехии в европейскую систему безопасности была диаметрально противоположной. В отличие от социал-демократов, коммунисты выступали за переход к «новой общеевропейской системе доверия и сотрудничества вне каких-либо военных блоков», в качестве альтернативы НАТО поддерживали «возрождение Хельсинкского процесса в новых условиях» и прямо заявляли о том, что Чехия не должна попасть «в одностороннюю зависимость от каких-либо сверхдержав»⁵.

КПЧМ в 1990-е годы так и не удалось получить поддержку в обществе, достаточную для того, чтобы предотвратить вступление ЧР в НАТО. Однако с конца 1990-х — начала 2000-х годов в каждой программе коммунистов в обязательном порядке стало фигурировать требование о необходимости «разрушения агрессивных силовых блоков, о выходе из НАТО»⁶. Вместо ориентации на Североатлантический альянс КПЧМ предлагала усилить контроль за соблюдением международного права в Европе на основе Устава ООН и упрочить влияние этой организации в международной повестке. Коммунисты, в частности, крайне негативно отреагировали на принятую НАТО доктрину «превентивной войны», имея в виду события 1999 г. в Югославии, а также участие военного контингента далеко за пределами границ стран-членов альянса, причем без санкции ООН.

В начале 2000-х годов социал-демократы в программах стали ставить во главу угла модернизацию различных чешских служб, ответственных за обеспечение безопасности: реформу полиции с целью приведения ее в соответствие с общеевропейскими требованиями к органам внутренних дел, а также качественную подготовку службы спасения на случай возможной необходимости

³ Цит. по: [Задорожнюк 2000, 256].

⁴ Volební program ČSSD pro volby 1996.

⁵ Program KSČM. II. sjezd 13. prosince 1992 v Kladně.

⁶ Program obnovy. KSČM. 1999.

ликвидации последствий ЧС⁷. Отдельное внимание уделялось реформе чешской армии, которая теперь должна была работать по стандартам НАТО и быть готовой принимать участие в различных операциях за пределами страны.

Особый интерес представляют приоритеты двух партий в контексте миграционной политики. Различия их подходов появились в предвыборных программах в конце первого десятилетия 2000-х годов, когда поток беженцев из стран Африки и Ближнего Востока в Европу начал стремительно увеличиваться. ЧСДП выбрала путь действий в полном соответствии с директивами ЕС по общеевропейской миграционной политике: «Наша страна готова предоставить убежище преследуемым и страждущим. Условием иммиграции должно быть обязательство уважать общеевропейские моральные ценности и изучать язык страны»⁸. Позднее, в рамках предвыборной программы 2017 г., социал-демократы отразили эту тему более сдержанно, ограничившись заявлением о готовности оказывать гуманитарную помощь бедным странам и призывом к продвижению мер по сокращению причин нелегальной миграции, таких как бедность, экологические катастрофы, отсутствие безопасности или политическая нестабильность⁹.

В то же время некоторые публичные заявления по миграционной тематике политиков – членов ЧСДП некоторым образом расходились с риторикой официальных программ партии, демонстрируя совершенно четкие границы приверженности социал-демократов к «общеевропейским моральным ценностям». Эти противоречия наиболее ярко проявились во время обострения миграционного кризиса в Европе в 2015 г. и сопровождались острой полемикой, в том числе и в сенате ЧР. Некоторые сенаторы от ЧСДП даже называли организованную миграцию в Европу «формой войны»¹⁰.

В 2010-е годы КПЧМ в программных документах также уделяла внимание этой проблематике, подчеркивая необходимость остановки миграционных волн в Европу путем превентивных действий в неблагополучных странах, в том числе и проведение военных операций, но только с соответствующей санкцией ООН¹¹. Более того, КПЧМ однозначно выступала против принятия Чехией беженцев по установленным ЕС квотам.

В целом можно констатировать, что на вопрос обеспечения безопасности своей страны в новых условиях, после крушения биполярного мира, чешские социал-демократы и коммунисты имели разные, а зачастую противоположные взгляды. ЧСДП приняла курс большинства существовавших в Чехии политических сил на полную евро-атлантическую интеграцию, активно способствуя присоединению страны к НАТО и поддерживая участие чешских вооруженных сил во всех проводимых альянсом гуманитарных и военных операциях. КПЧМ же заняла непримиримую позицию в вопросе вступления страны в Североатлантический альянс, характеризуя его в конце XX – начале XXI в. как «агрессивный блок». В то же время партия выступала за повышение роли ООН в обеспечении безопасности в Европе, наращивание собственного военного потенциала Чехии, а также построение современной и боеспособной армии.

Вторым направлением внешней политики, которому обе чешские партии левого крыла уделяли большое внимание, стала экономическая интеграция в

⁷ Dlouhodobý program ČSSD 2003.

⁸ Velký volební program ČSSD pro volby 2010.

⁹ Dlouhodobý program ČSSD 2017.

¹⁰ Senát chce řešení příčin migrační krize, ne kvóty. Miloš Vystrčil.

¹¹ Jsme váš hlas! Volební program KŠČM pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky 2017.

европейские структуры. С 1993 г. ЧСДП наиболее последовательно по сравнению с другими политическими силами Чехии отстаивала необходимость присоединения страны к Европейскому союзу (ЕС). Проевропейская риторика партии не менялась на протяжении 1990-х — начала 2000-х годов, а также не подвергалась пересмотру после вступления Чехии в это объединение в 2004 г.

Почему же ЧСДП так привлекала перспектива членства страны в ЕС? Анализ показывает, что партия в программе 1996 г. рассматривала это объединение «не только как зону свободной торговли, но и как многомерное европейское сообщество, объединенное общей социальной, экологической, сельскохозяйственной, транспортной, внешней политикой и деятельностью в сфере безопасности»¹². К положительным последствиям евроинтеграции в соответствии с представлениями социал-демократов, относились: стабилизация предпринимательской деятельности; юридические гарантии и качество юридической защиты; отсутствие таможенных сборов; свободное перемещение рабочей силы; прозрачность рынка; доступ к госзаказам в рамках всего Евросоюза; возможность использования средств из структурных фондов ЕС на развитие предпринимательства; ценовая прозрачность, снижение расходов на конвертацию, страхование от рисков изменения курсов валют, расчеты в единой валюте и т.п. Бесспорными экономическими преимуществами вступления в ЕС в целом ЧСДП считала устранение пограничных формальностей, рост привлекательности страны для иностранных инвесторов.

Помимо прочего, нельзя недооценивать политическую и идеологическую заинтересованность ЧСДП в вопросе присоединения Чехии к Евросоюзу. Ее представителей вдохновлял тот факт, что во многих странах-членах ЕС к концу XX в. к власти пришли социал-демократические партии, начавшие оказывать значительное влияние на наднациональные институты ЕС¹³.

В этой связи еще в начале 1990-х годов в риторике чешских социал-демократов появились положения о необходимости кооперации с единомышленниками на площадке Европейского парламента, в основном, по экономическим вопросам: переход страны к рынку и отстаивание интересов граждан в контексте политики крупных частных компаний¹⁴. Следует отметить, что в этот период именно социалисты занимали большинство мест в Европарламенте, представляя достаточно серьезную силу, которая оказывала поддержку ЧСДП. Позднее, с 1995 г., она получила статус наблюдателя в Партии европейских социалистов и стала курировать деятельность организаций молодежи и женщин.

Очевиден тот факт, что вступление Чехии в НАТО в 1999 г. ускорило интеграционные процессы между Европейским союзом и ЧР. Центральноевропейская страна все интенсивнее вовлекалась в западный мир, и теперь, когда сотрудничество в военной сфере было закреплено в виде официального членства Чехии в Североатлантическом альянсе и участии в его операциях, был открыт путь для более глубокой экономической интеграции с Евросоюзом.

Накануне официального вхождения ЧР в ЕС в программных документах ЧСДП стало проявляться стремление к непосредственному влиянию на экономическую политику ЕС и даже к попыткам ее корректировки. «При активном участии, — говорилось в одном из ее документов, — социал-демократических партий, несущих ответственность за принимаемые правительствами ряда стран-членов ЕС решения, Евросоюз провозгласил сложную программу на это

¹² Volební program ČSSD pro volby 1996.

¹³ Cíle a zásady Československé sociální demokracie 1991.

¹⁴ Ibid.

десятилетие, отвечающую вызовам глобализации [...]. ЧСДП ценит этот вклад и примет его во внимание при формировании своей политики, а также будет участвовать в ее реализации в рамках Европейского Союза. ЧСДП не считает Европейский Союз завершенным проектом и предполагает, что дебаты о будущем ЕС будут способствовать усилению всех положительных элементов в его развитии»¹⁵.

В 2009 г. в Чехии разразился внутривластный кризис, когда парламент страны выразил вотум недоверия правополицистскому правительству М. Тополянека (Гражданская демократическая партия – ГДП), что привело к уходу всего кабинета министров в отставку. Его сменило переходное беспартийное «техническое» правительство Я. Фишера, осуществлявшее властные функции вплоть до формирования полноценного правополицистского кабинета П. Нечаса (ГДП) после парламентских выборов 2010 г.¹⁶ ЧСДП по их результатам получила практически равное количество депутатских мандатов с ГДП, что не позволило им при формальном большинстве в палате депутатов сформировать правительство¹⁷.

Внешнестранственный аспект своей предвыборной программы в этот период социал-демократы раскрывали через поддержку развития социальной рыночной экономики как базовой экономической и социальной модели Евросоюза, борьбу за равные права чешских предпринимателей и работников во всех странах ЕС, достижение равных условий для сельскохозяйственного комплекса страны, стремление к изменению бюджета ЕС и «смещению его в сторону финансирования науки, образования и инноваций»¹⁸.

КПЧМ еще в начале 1990-х годов сформулировала принципиально иной подход к видению деятельности ЧР на международной арене, характеризовавшийся разносторонней внешней политикой и защитой национальных интересов страны. В программе партии 1992 г. подчеркивалось: «В международной политической деятельности КПЧМ поддерживает все процессы, направленные на упрочнение мира, повышение международной безопасности, развитие равноправного сотрудничества между всеми государствами и народами, укрепление национального суверенитета, самобытности и целостности нашего государства»¹⁹. В то же время в программе отвергалась перспектива вхождения в ЕС как неизбежно влекущая за собой потерю части экономических свобод: «Речь не должна идти об экономической аннексии, а о равноправном вступлении в интеграционные процессы»²⁰.

К концу 1990-х годов чешские коммунисты продолжили выступать против односторонней внешнеполитической ориентации Чехии на Евросоюз, призывая к предотвращению односторонней зависимости от него, а также к максимальному углублению двусторонних и многосторонних связей Чешской Республики с другими странами за пределами Европейского союза. КПЧМ стремилась «концептуально и под контролем использовать ресурсы и выгоды, полученные в результате кооперационных связей и членства в международных организациях»²¹.

¹⁵ Dlouhodobý program ČSSD 2003.

¹⁶ См. подробнее: [Очерки политической истории 2020, 357–358].

¹⁷ На выборах в Палату депутатов Чехии 2010 г. ЧСДП победила (22,08 % голосов) и получила 56 мест в Парламенте, ГДП стала второй, незначительно уступив первой (20,22 %; 53 места). КПЧМ заняла четвертую позицию (11,27 %; 26 мест).

¹⁸ Velký volební program ČSSD pro volby 2010.

¹⁹ Program KSČM. II. sjezd 13. prosince 1992 v Kladně.

²⁰ Ibid.

²¹ Program obnovy. KSČM. 1999.

После вхождения ЧР в ЕС КПЧМ опубликовала свою программу, принятую по итогам VI съезда, достаточно подробно характеризовавшую позицию партии по отношению к этому объединению. Она сформулирована достаточно прагматично: «Мы осознаем неготовность ослабленной экономики ЧР к конкурентной среде ЕС, неравноправное положение, пассивное подчинение ЧР властям ЕС и проблемы ЕС (неповоротливость, бюрократия). Однако в то же время мы обращаем внимание на новые возможности ЧР в ЕС, настаиваем на укреплении как чешских интересов, так и интересов трудящихся в ЕС»²². Коммунисты обратились к идеологической аргументации: Европа должна «социализироваться», создать комфортное пространство для всех трудящихся. И совсем не обязательным является тот факт, что решающую роль в этом процессе должен сыграть Европейский союз.

Помимо прочего, КПЧМ, так же как и ЧСДП, стремилась к кооперации с европейскими левыми политическими силами и увеличению их влияния на принятие решений в Евросоюзе, чтобы контролировать «антисоциальное воздействие неolibеральной политики на жизнь людей»²³. Нужно отметить, что в этот период коммунисты обладали заметной поддержкой в чешском обществе и по итогам парламентских выборов 2002 г.²⁴ заняли пятую часть всех мест в парламенте — 41 из 200. Они же смогли в 2004 г.²⁵ получить шесть мандатов на первых в стране выборах в Европейский парламент, заняв второе место после ГДП и войдя во фракцию Европейских объединенных левых. Это значит, что и внешнеполитические разделы их программ в тот период достаточно активно поддерживались электоратом.

Отдельного внимания заслуживает обсуждение левыми партиями вхождения ЧР в еврозону на фоне успехов в этом вопросе в 2009 г. Словакии при правительстве социал-демократа Р. Фицо. ЧСДП поддерживала вхождение Чехии в еврозону, но впервые с должной определенностью за достаточно длительный период эта позиция была изложена в программном документе ЧСДП к выборам 2010 г. Партия по поводу «наболевшего» вопроса об общеевропейской валюте заявила, что «введение евро окажет стабилизирующее воздействие на бизнес и государственные финансы. [...] Среди прямых и непосредственных выгод — устранение валютного риска, устранение некоторых транзакционных издержек для граждан и компаний, лучшая устойчивость к валютным кризисам или более высокая прозрачность цен. Долгосрочными преимуществами являются рост международной торговли, увеличение прямых иностранных инвестиций и более быстрый прогресс в реальной конвергенции»²⁶.

Здесь нужно оговориться, что всемирный финансово-экономический кризис 2009 г. обострил вопрос о сроках вступления ЧР в зону евро [Кузнецова 2008, 47]. Исходя из оценки перспектив выполнения Маастрихтских критериев конвергенции, поддержки и дальнейшего повышения долгосрочного

²² Naděje pro Českou republiku (politika KSČM pro období do VII. sjezdu).

²³ Ibid.

²⁴ По итогам парламентских выборов 2002 г. в Чехии победила ЧСДП (30,20 % голосов; 70 мест в Палате депутатов), второй стала ГДП (24,47 %; 58 мест), КПЧМ заняла третью строчку (18,51 %; 41 место).

²⁵ В 2004 г. в Чехии после вступления страны в ЕС впервые прошли выборы в Европарламент. По их итогам в представительный орган ЕС были избраны 24 депутата от Чехии: девять — от ГДП, шесть — от КПЧМ, три — от партии «Объединение независимых кандидатов — Европейские демократы», два — от Христианско-демократического союза — Чехословацкой народной партии (ХДС-ЧНП), два — от ЧСДП и два — от «Независимых».

²⁶ Ibid.

уровня интеграции чешской экономики с экономикой еврозоны, Чешский национальный банк и Министерство финансов настоятельно не рекомендовали правительству страны в условиях кризиса устанавливать жесткие сроки перехода с кроны на евро [Центральная и Восточная Европа 2011, 332].

Все же в 2010-е годы ЧСДП усилила риторику о положительном влиянии вступления Чехии в валютный союз. Партия, в частности, декларировала, что «введение евро, очевидно, принесет пользу экспортно-ориентированной стране в среднесрочной и долгосрочной перспективе [...], поможет нарастить торговлю и создать новые рабочие места. [...] Увязание на обочине европейской интеграции, может нанести Чешской Республике фундаментальный экономический и политический ущерб»²⁷.

В отличие от социал-демократов однозначно положительное или отрицательное отношение к вступлению ЧР в еврозону в политических программах КПЧМ рассматриваемого периода не прослеживается. Только в предвыборной программе 2021 г. «Шанс на новое начало» коммунисты зафиксировали свою принципиальную позицию, подчеркнув, что они выступают за сохранение кроны как национальной валюты²⁸.

Так или иначе, введение единой европейской валюты в ЧР по сей день откладывается на неопределенный срок. Эффективность кроны доказал экономический кризис 2009 г., когда сохранение Чехией своей национальной валюты позволило замедлить падение экономики по сравнению с другими странами еврозоны. Последовавший вскоре долговой кризис в Греции 2010-х годов, сопровождавшийся предоставлением финансовой помощи от ЕС и Международного валютного фонда, еще больше укрепил убеждение чешского Министерства финансов в необходимости снять с повестки вопрос вхождения в еврозону. Наконец, само чешское общество оказалось не готово к введению в стране евро. Так, согласно результатам социологического опроса в 2014 г., введение единой европейской валюты поддержала всего четвертая часть принявших в нем участие граждан²⁹. Безусловно, одно из основных опасений граждан Чехии было связано с риском резкого повышения цен, которое неизбежно сопровождало принятие общей валюты в других странах ЕС. В этом плане левые партии Чехии фиксировали внимание, скорее, на издержках инициированного левыми силами Словакии вхождения в зону евро, в частности обязательной финансовой поддержки Греции и других нестабильных стран-членов валютного союза.

Таким образом, взгляды двух чешских партий левого крыла на целесообразность существования их страны в структуре ЕС значительным образом отличаются. Социал-демократы, начиная с 1993 г., планомерно выступали за скорейшее вхождение Чехии в Евросоюз, аргументируя это большой пользой для экономики страны, особенно в контексте свободного перемещения рабочей силы, повышения уровня защищенности экономики от валютных кризисов, а также снижения транзакционных издержек от введения общей европейской валюты. Коммунисты же, напротив, сразу после образования независимой ЧР предложили модель многовекторной внешней политики, которая предполагала не фокусировку на интеграции в Евросоюз, а сотрудничество со всеми странами, представлявшими для Чехии интерес. Однако обеим партиям, хотя и в разной степени, было не чуждо стремление к критике европейских институтов.

²⁷ Dlouhodobý program ČSSD 2017.

²⁸ Volební program KSČM 2021. Šance na nový začátek.

²⁹ Názory občanů na společnou evropskou měnu.

Но если ЧСДП в предвыборных программах весьма аккуратно упоминала о необходимости коррекции бюджета ЕС или обеспечении равных возможностей для чешских предпринимателей в рамках общего рынка, то КПЧМ открыто критиковала неравное положение государств в системе принятия решений в ЕС и его излишнюю бюрократию.

Проведенный сравнительно-исторический анализ внешнеполитических концепций в политических программах двух чешских партий левого крыла, позволил выделить два основных направления в контексте евроинтеграции: политика безопасности и экономическое сближение с ЕС. Именно по этим критериям можно определить различия в подходах ЧСДП и КПЧМ к внешнеполитической стратегии ЧР в Европе. Социал-демократы с начала 1990-х годов активно поддерживали идею интеграции в европейские и евро-атлантические структуры, в первую очередь – НАТО и Евросоюз. КПЧМ же, напротив, придерживалась позиций левого евроскептицизма, выступая против интеграции Чехии в Североатлантический альянс, а после 1999 г. – за немедленный выход страны из военно-политического блока. Что касается отношения коммунистов к ЕС, то оно представляется более прагматичным: многовекторность внешней политики и равное положение стран-членов при принятии решений в ЕС.

Таким образом, при имеющей место, на первый взгляд, схожести идеологической базы у социал-демократов и коммунистов независимой ЧР в последние годы XX в. – начале XXI в. они продемонстрировали диаметрально противоположные подходы к евроинтеграции своей страны. Однако, как известно, внешнеполитическая ориентация остается лишь одним из блоков (зачастую не самым важным) политических программ партий, которые изучает электорат накануне выборов. Ни еврооптимистическая концепция ЧСДП, ни активный евроскептицизм КПЧМ не помогли партиям в период катастрофического падения их популярности в конце 2010-х годов. Так, на выборах в палату депутатов парламента Чехии в 2021 г.³⁰ обе некогда занимавшие прочные позиции в политической жизни страны парламентские партии левого крыла не смогли преодолеть пятипроцентный барьер.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГДП – Гражданская демократическая партия
- ЕС – Европейский Союз
- КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
- КПЧМ – Коммунистическая партия Чехии и Моравии
- НАТО – Организация Североатлантического договора
- ООН – Организация объединенных наций
- РАН – Российская академия наук, Москва
- РСМД – Российский совет по международным делам
- ТОП 09 – Традиция Ответственность Процветание 09
- ХДС-ЧНП – Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия
- ЦЮВЕ – Центральная и Юго-Восточная Европа
- ЧР – Чешская Республика
- ЧС – Чрезвычайные ситуации
- ЧСДП – Чешская социал-демократическая партия
- ČSSD – Česká strana sociálně demokratická (с 2023 г. – Sociální demokracie, SOCDEM)
- KšČM – Komunistická strana Čech a Moravy

³⁰ Выборы в Палату депутатов Чехии 2021 г. выиграла коалиция «ВМЕСТЕ», объединившая правоцентристские партии ГДП, ХДС-ЧНП и ТОП 09 (27,79 % голосов; 71 место в Палате депутатов). Вторым стало движение «Акция недовольных граждан 2011» (АНГ 2011) (27,12 %; 72 места). Третьей стала коалиция «Пираты и Старосты» (15,62 %; 37 мест).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Cíle a zásady Československé sociální demokracie 1991. Sociální demokracie [электронный ресурс] Режим доступа: <https://socdem.cz/volby-2016/volebni-programy-cssd/cile-a-zasady-ceskoslovenske-socialni-demokracie-1991/>
Dlouhodobý program ČSSD 2003. Sociální demokracie [электронный ресурс] Режим доступа: <https://socdem.cz/volby-2016/volebni-programy-cssd/dlouhodoby-program-cssd-2003/>
Dlouhodobý program ČSSD 2017. Sociální demokracie [электронный ресурс] Режим доступа: <https://socdem.cz/volby-2016/volebni-programy-cssd/dlouhodoby-program-cssd-2017/>
Jsme váš hlas! Volební program KŠČM pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky 2017. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kscm.cz/program/>
Naděje pro českou republiku (politika KŠČM pro období do VII. sjezdu). KŠČM [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kscm.cz/program/>
Názory občanů na společnou evropskou měnu. Stem [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.stem.cz/nazory-obcanu-na-spolecnou-evropskou-menu/>
Program KŠČM. II. sjezd 13. prosince 1992 v Kladně. KŠČM [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kscm.cz/program/>
Program obnovy. KŠČM [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kscm.cz/program/>
Senát chce řešení příčin migrační krize, ne kvóty. Miloš Vystrčil [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vystrcil.cz/senat-chce-reseni-pricin-migracni-krize-ne-kvoty/>
Velký volební program ČSSD pro volby 2010. Sociální demokracie [электронный ресурс] Режим доступа: <https://socdem.cz/volby-2016/volebni-programy-cssd/velky-volebni-program-cssd-pro-volby-2010/>
Volební program ČSSD pro volby 1996. Sociální demokracie [электронный ресурс] Режим доступа: <https://socdem.cz/volby-2016/volebni-programy-cssd/volebni-program-cssd-pro-volby-1996/>
Volební program KŠČM 2021. Šance na nový začátek. KŠČM [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kscm.cz/program/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ведерников М.В. Протестный крен в чешской политике: выборы 2017. РСМД. 23 октября 2017 г. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protestnyy-kren-v-cheshskoy-politike-vybory-2017/>
- Ведерников М.В. Выстраивание внешней политики Чешской Республики в отношении России (2014–2016) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3. С. 23–30.
- Задорожнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе / отв. ред. Ю.С. Новопашин. М.: Academia, 2000. 312 с.
- Задорожнюк Э.Г. Внешнеполитические приоритеты чешских парламентских партий (по итогам выборов 2017 года) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. С. 144–159.
- Кузнецова З. Перспективы вхождения Чехии в зону евро // Свободная мысль. 2008. № 12. С. 35–49.
- Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследование и документы. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. Вып. 1. 464 с.
- Тарасов И.Н. Парламентаризм и политическая конкуренция в Чешской Республике // Перспективы. Электронный журнал. 2008. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.perspektivy.info/oikumena/europe/parlamentarizm_i_politicheskaja_konkurencija_v_cheshskoj_respublike_2008-05-21.htm
- Трухачев В.В. Чехия: раскол из-за антироссийских санкций. РСМД. 4 декабря 2017 г. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chekhiya-raskol-iz-za-antirossiyskikh-sanktsiy/>
- Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса / под ред. Н.В. Куликовой. СПб.: Алетейя, 2011. 343 с.
- Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Историко-политологический справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с.
- Щербакова Ю.А. Проблема европейских ценностей и национального государства в чешской дискуссии о европейской интеграции // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы. 2014. № 2014. С. 107–126.
- Hanley S. Are the exceptions really the rule? Questioning the application of «electoral-professional» type models of party organization in East Central Europe // Perspectives on European Politics and Society.

- Leiden: Brill Academic Publishers, 2001. Vol. 2. P. 453–479. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1570585018458772>
- Havlík V. A breaking-up of a pro-European consensus: Attitudes of Czech political parties towards the European integration (1998–2010) // *Communist and Post-Communist Studies*. Berkeley, 2011. № 44(2). P. 129–147. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/251630498_A_breaking-up_of_a_pro-European_consensus_Attitudes_of_Czech_political_parties_towards_the_European_integration_1998-2010
- Havlík V., Vykoupilová H. Two dimensions of the Europeanization of election programs: The case of the Czech Republic // *Communist and Post-Communist Studies*. Berkeley, 2008. № 41(2). P. 163–187. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/248415294_Two_dimensions_of_the_Europeanization_of_election_programs_The_case_of_the_Czech_Republic
- Kopeček L., Pšejka P. Czech Social Democracy and its «cohabitation» with the Communist Party: The story of a neglected affair // *Communist and Post-Communist Studies*. Oakland, 2008. P. 317–338. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/223285460_Czech_Social_Democracy_and_its_cohabitation_with_the_Communist_Party_The_story_of_a_neglected_affair
- Kořan M. Domestic Politics in Czech Foreign Policy: Between Consensus and Clash // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2007. Vol. 3. Is. 2. P. 23–45. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/iisfpa/v3i2/>
- Mareš M. Konsolidace levice ve stranickém systému České republiky // *Czech Journal of Political Science/Politologický časopis*. Brno, 2011. № 2. S. 133–159. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://czechpolsci.eu/article/view/34768>
- Pink M. The Electoral Base of Left-Wing Post-Communist Political Parties in the Former Czechoslovakia. *Středoevropské politické studie*. Brno, 2012. Ročník XIV. Číslo 2–3. S. 170–192. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4580/6142>
- Poláček M., Novotný V., Perottino M. Mezi masovou a kartelovou stranou: Možnosti teorie při výkladu vývoje ČSSD a KSČM v letech 2000–2010. Sociologické nakladatelství. Praha, 2012. 192 s. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/236143005_Mezi_masovou_a_kartelovou_stranou_Moznosti_teorie_pri_vykkladu_vyvoje_CSSD_a_KSCM_v letech_2000-2010_Mass_and_Cartel_Parties_Sources_of_Theory_for_Interpreting_the_Development_of_CSSD_and_KSCM_in_2000-
- Roe H.L. The Electoral Success of Communist-Successor Parties in the Czech Republic and Romania // *Scholarship Repository*. San Francisco, 2016. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://repository.usfca.edu/thes/203/>
- Tavits M. *Post-Communist Democracies and Party Organization*. New York: Cambridge University Press, 2013. 295 p.

Рукопись поступила в редакцию 26.01.2024

Рукопись принята к печати 10.03.2024

REFERENCES

- Hanley S. Are the exceptions really the rule? Questioning the application of «electoral-professional» type models of party organization in East Central Europe. *Perspectives on European Politics and Society*, Leiden, Brill Academic Publishers, 2001, vol. 2, pp. 453–479. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1570585018458772>.
- Havlík V. A breaking-up of a pro-European consensus: Attitudes of Czech political parties towards the European integration (1998–2010). *Communist and Post-Communist Studies*, Berkeley, 2011, no. 44(2), pp. 129–147. URL: https://www.researchgate.net/publication/251630498_A_breaking-up_of_a_pro-European_consensus_Attitudes_of_Czech_political_parties_towards_the_European_integration_1998-2010.
- Havlík V., Vykoupilová H. Two dimensions of the Europeanization of election programs: The case of the Czech Republic. *Communist and Post-Communist Studies*, Berkeley, 2008, no. 41(2), pp. 163–187. URL: https://www.researchgate.net/publication/248415294_Two_dimensions_of_the_Europeanization_of_election_programs_The_case_of_the_Czech_Republic.
- Kopeček L., Pšejka P. Czech Social Democracy and its «cohabitation» with the Communist Party: The story of a neglected affair. *Communist and Post-Communist Studies*, Oakland, 2008, pp. 317–338. URL: https://www.researchgate.net/publication/223285460_Czech_Social_Democracy_and_its_cohabitation_with_the_Communist_Party_The_story_of_a_neglected_affair.

- Kořan M. Domestic Politics in Czech Foreign Policy: Between Consensus and Clash. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2007, vol. 3, Is. 2. pp. 23–45. URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/iisfpa/v3i2/>.
- Kuznetsova Z. Perspektivy vkhozhdennia Chekhii v zonu jevro. *Svobodnaia mysl'*, 2008, no. 12, pp. 35–49. (In Russ.)
- Mareš M. Konsolidace levice ve stranickém systému České republiky. *Czech Journal of Political Science/Politologický časopis*, Brno, 2011, no. 2, pp. 133–159. URL: <https://czechpolsci.eu/article/view/34768>.
- Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy. *Konets XX – nachalo XXI v.* otv. red. K.V. Nikiforov (Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Jevropa v XX–XXI vv. issledovaniia i dokumenty, vyp. 1. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2020, 464 p. (In Russ.)
- Pink M. The Electoral Base of Left-Wing Post-Communist Political Parties in the Former Czechoslovakia. *Středoevropské politické studie*, Brno, 2012, ročník XIV, číslo 2–3, pp. 170–192. URL: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4580/6142>
- Poláček M., Novotný V., Perottino M. Mezi masovou a kartelovou stranou: Možnosti teorie při výkladu vývoje ČSSD a KSČM v letech 2000–2010. *Sociologické nakladatelství*, Praha, 2012, 192 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/236143005_Mezi_masovou_a_kartelovou_stranou_Moznosti_teorie_pri_vykkladu_vyvoje_CSSD_a_KSCM_v letech_2000-2010_Mass_and_Cartel_Parties_Sources_of_Theory_for_Interpreting_the_Development_of_CSSD_and_KSCM_in_2000-. (In Czech.)
- Roe H.L. The Electoral Success of Communist-Successor Parties in the Czech Republic and Romania. *Scholarship Repository*, San Francisco, 2016. URL: <https://repository.usfca.edu/thes/203/>.
- Shcherbakova Iu.A. Problema jevropejskikh tsennosti i natsional'nogo gosudarstva v cheshskoi diskussii o jevropejskoi integratsii. *Jevropeizm i natsionalizm v stranakh Vostochnoi Jevropy*, 2014, no. 2014, pp. 107–126. (In Russ.)
- Tarasov I.N. Parlamentarizm i politicheskaja konkurentsia v Cheshskoi Respublike. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, 2008. URL: https://www.perspektivy.info/oikumena/europe/parlamentarizm_i_politicheskaja_konkurencija_v_cheshskoj_respublike_2008-05-21.htm. (In Russ.)
- Tavits M. *Post-Communist Democracies and Party Organization*, New York, Cambridge University Press, 2013, 295 p.
- Trukhachev V.V. Chekhia: raskol iz-za antirossiiskikh sanktsii. *RSMD*. 4 dekabria 2017 g. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chekhiya-raskol-iz-za-antirossiyskikh-sanktsiy/>. (In Russ.)
- Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Jevropa. Konets XX – nachalo XXI vv. Istoriko-politologicheskii spravochnik*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015. 480 p. (In Russ.)
- Tsentral'naia i Vostochnaia Jevropa: uroki mirovogo krizisa*, pod red. k.g.n. N.V. Kulikovoi. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2011. 343 p. (In Russ.)
- Vedernikov M.V. Protestnyi kren v cheshskoi politike: vybory 2017. *RSMD*. 23 oktiabria 2017 g. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protestnyy-kren-v-cheshskoy-politike-vybory-2017/>. (In Russ.)
- Vedernikov M.V. Vystraivaniye vneshnei politiki Cheshskoi Respubliki v otnoshenii Rossii (2014–2016). *Nauchno-analiticheskii vestnik IJE RAN*, 2018, no. 3, pp. 23–30. (In Russ.)
- Zadorozhniuk E.G. *Sotsial-demokratiia v Tsentral'noi Jevrope*, otv. red. d-r filos. nauk Iu.S. Novopashin. Moscow, Academia Publ., 2000, 312 p. (In Russ.)
- Zadorozhniuk E.G. Vneshnepoliticheskije priority cheshskikh parlamentskikh partii (po itogam vyborov 2017 goda). *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2018, no. 1–2, pp. 144–159. (In Russ.)

Received on 26.01.2024

Accepted on 10.03.2024

Информация об авторе:

Анхимюк Мстислав Юрьевич

Аспирант

Институт славяноведения Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6785-2070

E-mail: mankhimiuk@gmail.com

Information about the author:

Mstislav Yu. Ankhimiuk

Postgraduate

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6785-2070

E-mail: mankhimiuk@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 5, с. 46–63

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 46–63

DOI: 10.31857/S0869544X24050043, EDN: YTRAET

Оригинальная статья / Original Article

Драматургия А.Н. Островского в Словакии

© 2024 г. А.Ю. Пескова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

apeskova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история знакомства словацкой литературной культуры и театра с творчеством великого русского драматурга А.Н. Островского. Подробно рассказывается о первых переводах его пьес на словацкий язык и первых опытах постановок на профессиональной сцене (все они связаны с именем режиссера Я. Бородача), о сложностях перевода некоторых названий пьес, а также прослеживается эволюция восприятия творчества Островского в Словакии за прошедшее столетие. Выделяются периоды наибольшей популярности его пьес (1950-е, 1970–1980-е годы), дается обзор самых значительных словацких театральных постановок по его произведениям. Особое внимание уделяется нескольким выдающимся постановкам драмы «Лес» в разные исторические периоды, во многом повлиявшим на восприятие этого русского автора словацким зрителем: спектакли театра «Дивadlo на корзе» (1971, реж. В. Стрниско), Театра СНП в Мартине (1982, реж. Л. Вайдичка), театра «Асторка Корзо '90» (1997, реж. Р. Полак), Словацкого камерного театра в Мартине (2014, реж. Л. Брутовский, М. Дахо), Театра Я. Паларика в Трнаве (2020, реж. В. Стрниско).

Ключевые слова: русская драматургия, словацкий театр, пьеса, комедия, драма, перевод, постановка.

Ссылка для цитирования: Пескова А.Ю. Драматургия А.Н. Островского в Словакии // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 46–63. DOI: 10.31857/S0869544X24050043, EDN: YTRAET

A.N. Ostrovsky's Dramaturgy in Slovakia

© 2024. Anna Yu. Peskova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

apeskova@yandex.ru

Abstract. The article examines the history of the acquaintance of Slovak literary culture and theater with the dramatic heritage of the great Russian playwright A.N. Ostrovsky. It tells in detail about the first translations of his plays into Slovak and the first experiences of productions on the professional stage (all of them are associated with the name of director J. Borodach), about the difficulties of translating some of

the titles of the plays, and also traces the evolution of the perception of Ostrovsky's work in Slovakia over the past century. The periods of greatest popularity of his plays are highlighted (1950s, 1970–80s), and an overview of the most significant Slovak theatrical productions based on his works is given. Special attention is paid to several outstanding productions of the drama «The Forest», which appeared on the Slovak theater stages in different historical periods and largely influenced the perception of this Russian author by the Slovak audience: performances of the theater «Divadlo na Korze» (1971, directed by V. Strnisko), Theater SNP in Martin (1982, directed by L. Vaydichka), theater «Astorka Korzo '90» (1997, directed by R. Polak), Slovak Chamber Theater in Martin (2014, directed by L. Brutovsky, M. Daho), Theater J. Palarika in Trnava (2020, directed by V. Strnisko).

Keywords: Russian drama, Slovak theater, play, comedy, drama, translation, production.

For citation: Anna Yu. Peskova. A.N. Ostrovsky's Dramaturgy in Slovakia // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2024. No. 5. Pp. 46–63. DOI: 10.31857/S0869544X24050043, EDN: YTRAET

Широко известен и не подвергается сомнению тот факт, что творчество величайшего русского писателя А.Н. Островского в свое время коренным образом определило вектор развития драматургии и театра в России. При этом гораздо менее изученным остается его влияние на развитие литератур и театрального искусства других народов, в частности тех, которые на протяжении XIX–XX вв. чутко воспринимали художественные импульсы, исходившие из русской культуры. И в этом смысле стоит обратить внимание на словацкую литературу и словацкий театр, которые хоть и с некоторым запозданием, но очень внимательно знакомились с творчеством А.Н. Островского и бережно осваивали его драматургическое наследие.

За столетие, прошедшее с момента издания первого перевода на словацкий язык пьесы А.Н. Островского, его произведения прочно укоренились в репертуаре словацких театров и до сих пор с завидной регулярностью ставятся на сценах в разных уголках Словакии, демонстрируя потенциал порой для самых необычных и современных интерпретаций. При этом стоит отметить, что исследований, посвященных вопросу восприятия творчества Островского деятелями словацкой культуры, практически не существует. Тема эта, к большому сожалению, до сих пор была незаслуженно обойдена вниманием как отечественных славистов, так и словацких литературоведов и театроведов. Хотелось бы исправить эту несправедливость, отдать дань памяти великому драматургу, чье 200-летие отмечалось в 2023 г., и на примере Словакии провести исследование того, как его творчество проникало на инославянскую почву, в культуру другого славянского народа, как оно им осваивалось и влияло на развитие национальной драматургии и театра.

Первой пьесой Островского, которая вошла в словацкое культурное пространство, стала комедия «На всякого мудреца довольно простоты», в словацком переводе 1925 г. переводчика Мариана Придавка получившая с трудом опознаваемое название *Palicou lásky nevynútiš* (букв. Палкой любви не добьешься). Как видно, драматургия Островского приходит в Словакию довольно поздно, лишь в середине 1920-х годов, т.е. более чем на полстолетия позже, чем, к примеру, в соседнюю чешскую культуру, где первая пьеса этого русского драматурга была переведена еще в 1869 г. («Бедность не порок», пер. Э. Вавра).

Правда, это вовсе не означает, что произведения Островского до той поры были совершенно неизвестны в Словакии. В целом, для периода

XIX в. — начала XX в. наличие или отсутствие перевода того или иного автора на словацкий язык не являлось показателем его известности или неизвестности в словацком обществе. Для характеристики отношения словацкой культурной общественности того времени к русской литературе количество переводов не являлось решающим признаком: многие словацкие русофилы активно или пассивно владели русским языком, другие могли читать и исследовать русскую литературу в чешских, немецких или же венгерских переводах. И если мы обратимся к творчеству А. Островского, то чешские переводы и постановки его произведений последних десятилетий XIX в. были в Словакии хорошо известны и широко обсуждаемы, по крайней мере, в среде словацкой интеллигенции.

Так, в 1886 г. в связи с кончиной А. Островского в газете «Народные новости» был напечатан обширный некролог, автором которого выступил один из ведущих словацких писателей-реалистов Светозар Гурбан Ваянский. В нем он называет Островского «великим талантом», «славой и гордостью России», «душой русской драматургии» [Vajanský 1886], ставит его в один ряд с Грибоедовым и Гоголем и сожалеет о том, что пока его талант не нашел заслуженного признания в мире. Но одновременно Ваянский выражает надежду на то, что «вслед за Толстым, Тургеневым, Достоевским Островский тоже пробьется в большой мир» [Ibidem]. Рассказывая о жизненном и творческом пути драматурга, он упоминает множество его пьес и отдельно описывает яркие впечатления от спектакля Александринского театра «Василиса Мелентьева», который он посетил, будучи в Петербурге: «Впечатление было огромное, необычайное, совсем новое, на грани моего понимания», — писал Ваянский [Ibidem].

Известно также, что действовавшее в Праге словацкое общество «Детван»¹ (*Detvan*, 1882–1914), объединявшее словацких студентов пражских учебных заведений, одно из своих заседаний посвятило широкому обсуждению громкой и неоднозначной постановки пьесы «Лес», осуществленной в Национальном театре в Праге (*Les*, 1888, реж. Я. Сейферт) (см. [Rašeka 1990, 69]). Спектакль этот был далеко не первой постановкой драмы Островского на чешской сцене, но первой, не имевшей здесь успеха, практически провалившейся и вызвавшей бурную реакцию в печати и в культурных кругах, в том числе в словацких. Примечательно, что провал спектакля объяснялся тогда желанием пражской публики развлекаться в театре и отсутствием у нее привычки размышлять над пьесами. После этой постановки Островский на долгие два с половиной десятилетия сходит с чешской театральной сцены и возвращается туда лишь в 1913 г., когда в том же Национальном театре выходит спектакль по его пьесе «Невольницы»².

Так что в Словакии имя Островского было известно задолго до появления первого словацкого перевода его пьесы в 1925 г. Однако в силу ряда обстоятельств, связанных с особенностями развития словацкого театра, до этого момента переводы его драм здесь не были востребованы, да и сами их постановки вряд ли были бы возможны: в Словакии не существовало ни одной словацкой профессиональной театральной труппы вплоть до марта 1920 г., когда, наконец, состоялось открытие Словацкого национального театра (*Slovenské národné divadlo*, SND) в Братиславе. Любительские же театры, еще с 1840-х годов действовавшие в разных городах Словакии, делали ставку, за редким исключением, на национальный репертуар. По всей вероятности, произведения

¹ Подробнее о деятельности общества «Детван» см. в статье Н. Юрчишиновой [Jurčišinová 2010].

² Об этих постановках и в целом об Островском в чешской культуре в период с 1850-х до 1970-х годов см. обзорное исследование [Бернштейн, Богатырев 1974].

Островского казались им сложными как для постановки, так и для восприятия неискушенной провинциальной публикой. Об этом пишет, к примеру, театровед В. Штефко в книге, посвященной истории словацкого любительского театра, упоминая о том, что даже в более поздний период, в 1930–1940-е годы, пьесы Островского для словацких непрофессиональных трупп оставались «крепким орешком». Он называет лишь две его пьесы, которые уже в межвоенный период эпизодически появлялись в репертуаре: «На всякого мудреца довольно простоты» и «Гроза» [Čavojský, Štefko 1983, 257]. Что уж говорить о более ранних периодах, когда пьесы Островского даже еще и не печатались по-словацки.

Мощным импульсом для возбуждения интереса словацкой театральной общественности к творчеству Островского явились короткие гастроли «качаловской группы» МХТ в Братиславе в октябре 1921 г., которые произвели ошеломляющее впечатление на словацкую публику³. Своими постановками, в том числе спектаклем по комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «качаловцы» буквально перевернули представления словацких театральных деятелей о том, каким может быть театр. О глубочайшем потрясении их игрой, режиссурой и об их невероятном успехе в Братиславе можно прочесть, в частности, в опубликованных дневниковых записях актрисы Словацкого национального театра Гелены Петцовой [Petzová-Pauliny-Tóthová 1956, 43–44] и в книге воспоминаний Янко Бородача [Borodáč 1995, 83], будущего крупнейшего словацкого театрального режиссера и педагога, в то время только начинавшего свой актерский и режиссерский путь.

Именно Я. Бородач, который в 1924 г. был принят в труппу Словацкого национального театра, становится первым словацким режиссером, решившимся на постановку произведения Островского на сцене. Спустя пять лет после памятных гастролей русского театра он обращается к той же самой комедии «На всякого мудреца довольно простоты». Однако режиссера не удовлетворил к тому моменту уже опубликованный в 1925 г. перевод пьесы, выполненный М. Придавком, и он решает перевести ее сам (во время Первой мировой войны Бородач, сражавшийся на восточном фронте, попал в плен и несколько лет провел в русском лагере для военнопленных под Вяткой, где хорошо выучил русский язык). Так в 1926 г. появляется второй перевод этой пьесы, которая получает еще одно свое словацкое название, чуть более приближенное к оригиналу, чем предыдущее, — *Každý múdry je dosť hlúpy* (букв. Каждый мудрец в чем-то глуп). Под этим заголовком комедия Островского и появилась в афише главного театра Словакии 7 января 1927 г. Однако успеха спектакль не имел.

Спустя годы Бородач рассказывал об этом первом опыте постановки пьесы Островского: «Мы старались перешагнуть с отечественной платформы на мировую. Мы решали, какая драматическая литература своим идейным миром, своими героями была бы наиболее близка словацкой. И тут как ни выкручиваясь, невозможно отрицать, что из всех литератур наиболее близкой нам кажется литература русская. И уж поскольку мы теперь стали такой актерской командой, что в пьесах на словацком языке нам принадлежала ведущая и — главное — направляющая роль, мы озаботились постановкой пьесы русского классика и пустились в работу. Однако после премьеры, чего мы вовсе не предполагали, пришло разочарование. [...] Хочешь — не хочешь, ищи причину. И помимо всего прочего, мы нашли причину интересную, но естественную для нашего начального этапа развития. Я читал русскую литературу

³ Подробнее об этом см. мою статью [Пескова 2021].

в оригинале и не мог надивиться ее красотой. Но сравнив перевод и оригинал с языковой, литературно-эстетической стороны, убедился, что оригинал — кладезь всевозможных богатств, а перевод — лишь жалкая помощь нуждающимся. Ну, говорю, попробуй сам. И я попробовал. Но результат был точно таким же. Первые мои переводы были лишь скромными, убогими спасательными средствами, как и вся наша тогдашняя переводная драматическая литература (Островский был выдающийся писатель, но переводчики были очень слабые)» [Borodáč 1995, 83].

Эти сетования Бородача относятся не только к двум упомянутым переводам пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», но и к его собственным переводам других русских и советских произведений, которых им было сделано немало (П. Романов «Землетрясение», Л. Толстой «Анна Каренина», А. Толстой «Фабрика молодости» и др.).

В 1931 г. Бородач предпринимает вторую попытку представить словацкому зрителю творчество любимого и высоко ценимого им самим Островского, осуществляя постановку «Леса» (*Les*) по изданному в том же году переводу Г. Руппельдтовой. Но и этот спектакль не принес режиссеру особого успеха. Часть критиков, особенно принадлежавших к так называемым «людацким» кругам⁴, в пух и прах раскритиковали саму идею постановки переводной пьесы, требуя от режиссера обратить взор на продукцию отечественных драматургов. Вовсе не поняв смысла, заложенного автором и режиссером в произведение, словацкие газеты называли его «ненужным», «некачественным» и «не имеющим никакой ценности для словаков»⁵.

Несмотря на это Бородач не оставляет надежд «влюбить» словацкую публику в творчество русского драматурга и уже через год берется за очередную пьесу Островского — на этот раз за драму «Гроза» (*Búrka*), перевод которой выполнил Ф. Есенский (племянник выдающегося писателя Я. Есенского и родной брат известнейшей переводчицы русской литературы З. Есенской). Этой постановкой ему, наконец, удается заслужить признание общественности: она была воспринята как большая режиссерская удача Бородача сезона 1932/33 гг., очень важного в истории Словацкого национального театра. В тот год драматическая труппа театра была разделена на чешскую и словацкую, то есть словацкие актеры и режиссеры получили долгожданную «автономию» и возможность, наконец, самостоятельно создавать сценические произведения без поддержки чешских коллег. Бородач был назначен главным режиссером словацкой части театрального коллектива, и «Гроза» стала первым его спектаклем на этом посту (премьера состоялась 30 сентября), ознаменовавшим яркое начало самостоятельной работы словацкой труппы. К созданию спектакля «Гроза» был также привлечен выдающийся словацкий художник Людовит Фулла, предложивший вполне авангардную для братиславского театра сценографию. Кроме того, критиками отмечался и великолепный актерский ансамбль этой постановки: Гана Меличкова (Катерина), Ольга Сикорова (Кабаниха), Свето Гурбан (Тихон), Андрей Багар (Борис) и другие актеры, в течение последующих лет ставшие настоящими звездами словацкого театра. Постановка явилась самым громким спектаклем всего театрального сезона, а спустя годы даже расценивалась некоторыми словацкими театроведами как «наибольший вклад Бородача в режиссуру того времени» [Mrlian 1960, 82].

⁴ Приверженцам крайне правой националистической Словацкой народной партии Андрея Глинки (*Hlinkova slovenská ľudová strana*).

⁵ Robotnícke noviny.

Успеху и популярности «Грозы» на словацкой сцене способствовал и выход перевода этой пьесы в книжной серии «Театральная библиотека» (*Divadelná knižnica*), издававшейся Объединением словацких любительских театров (*Ústredie slovenských ochotníckych divadiel, ÚSOD*). Благодаря этому изданию уже в 1934 г. «Грозу» начинают ставить и любительские театральные труппы Словакии, в частности, старейший и известнейший словацкий любительский театр «Словенски спевокол» (*Slovenský spevokol*) из г. Мартин. В начале 1934 г. туда приходит работать Фердинанд Хоффманн, будущий видный словацкий театальный режиссер, тогда делавший лишь первые шаги в режиссуре. Свою творческую работу с коллективом театра он начинает именно с постановки «Грозы». В газете «Народне новiny» критик А. Мраз писал об этом спектакле так: «Он придал ей (пьесе — А.П.) все, что нужно. Необходимую лиричность, прекрасный темп игры, детальную разработку сцен, а главное — цельность. Было заметно в каждой детали, что режиссер совершенно осознает, чего он хочет добиться своей игрой, какого эффекта достичь...» [Mrlian 1960, 82]. Отмечая вклад в создание спектакля художника-постановщика Йозефа Цинцика, А. Мраз особо обращает внимание на его работу со светом, который помогает «дорисовывать и подчеркивать характер сценического действия» [Ibidem]. Позднее, в самом начале 1940-х годов, став уже режиссером Словацкого национального театра, Ф. Хоффманн вновь задумывает поставить «Грозу», теперь на большой профессиональной сцене, однако в тот момент это невозможно по политическим соображениям, о чем речь пойдет далее.

В 1930-е годы целый ряд словацких театральных деятелей, в частности, режиссеры Словацкого национального театра Я. Бородач, В. Шульц, Я. Ямницкий, посещают театральные фестивали в Советском Союзе, получают возможность увидеть работы советских режиссеров А. Таирова, В. Мейерхольда, Н. Охлопкова, Е. Вахтангова, С. Радлова, С. Михоэлса и многих других. Для всех них без исключения эти поездки становились решающими и даже поворотными моментами в их собственной творческой биографии, и репертуар каждого из режиссеров после посещения Москвы и Ленинграда обогащался произведениями русских и советских авторов. Так, В. Шульц, никогда ранее не обращавшийся к русскому материалу, ставит на сцене Словацкого национального театра «Подростка» Ф. Достоевского (1934), «Егора Булычова» М. Горького (1934), «Далекое» А. Афиногенова (1936) и «Маленькие трагедии» А. Пушкина (1937). В свою очередь Я. Ямницкий, посетивший СССР в 1936 г., в качестве первой русской пьесы в своем режиссерском репертуаре выбирает «Бесприданницу» (*Nevesta bez vena*) А. Островского (1938). Этот спектакль стал его первой значительной сценической работой в Словацком национальном театре, в которой он также продемонстрировал возможности игры со светом, что было новаторским приемом для тогдашнего братиславского театра.

Из опубликованных сразу же по возвращении из СССР впечатлений Я. Бородача видно, как подействовал на него знаменитый спектакль «Лес» в постановке В. Мейерхольда. Безусловно, Бородачу как поклоннику психологического театра Станиславского не был близок подход авангардного советского режиссера, который — напротив — всячески демонстративно дистанцировался от эстетики Художественного театра. Бородач отмечает в мейерхольдовском «Лесе» отсутствие психологических нюансов, палитры тонких ощущений и интонаций. «Вместо психологии — биомеханика, — пишет словацкий режиссер. — Он механизировал психологию действия, психологию драмы, тихого напряжения и лиричной нежности. Человек на сцене производит впечатление

движущейся скульптуры» [Borodáč 1934, 685]. И далее Бородач разочарованно подытоживает: «Островский бы не узнал свой “Лес” в режиссуре Мейерхольда» [Ibidem].

Спустя еще пять лет, в 1939 г., Бородач вновь решает обратиться к пьесе, с которой когда-то началось его знакомство с Островским, — к комедии «На всякого мудреца довольно простоты». На этот раз он берет за основу новый перевод, выполненный М. Гацеком, который дал произведению Островского словацкое название «*Kade horí, tade hasne*» (букв. Где горит, там и гаснет). В отличие от всех предыдущих, этим переводом режиссер был явно удовлетворен и в программном бюллетене, подготовленном к премьере спектакля, писал следующее: «Что значит качественный перевод для театра, в этом я убедился, когда увидел первый же хороший перевод [...] Уже на читках и особенно на репетициях и на спектаклях по хорошим переводам с русского языка я видел, что наши прежние проблемы были временными, вполне преодолимыми. Ведь не надо скрывать, что Чехов нам удался так, как это редко бывало за рубежом. Удавались нам и все другие пьесы из русской литературы. Теперь же у нас есть прекрасная возможность самим услышать все эти великолепные одухотворенные мысли в доступной и красивой форме» [Ibidem].

Осенью 1941 г. на той же сцене Я. Бородач готовился к постановке пьесы «Волки и овцы». Из воспоминаний молодого артиста театра Андрея Хмелко мы узнаем, что режиссер в своей страстной манере уже всюду вел репетиции, заражая занятых в спектакле актеров увлеченностью Островским, когда вдруг вышел указ о запрете постановок русского репертуара⁶. Это крайне болезненно ударило по Бородачу, как известно, очень тепло относившемуся именно к русским авторам. «Вечером я видел Бородача, задумчиво сидевшего в ложе. Ему как будто отрубили руку. Люди, которым он верил, теперь нанесли ему удар в самое сердце. Волки вгрызались не только в советскую землю, но и терзали овец в SND...», — пишет А. Хмелко [Chmelko 1989, 28].

После освобождения Словакии от фашизма именно Я. Бородач, в 1945 г. перешедший работать главным режиссером в Государственный театр в Кошице (*Štátné divadlo, Košice*), осуществляет там первую словацкую послевоенную постановку Островского. Ею стала все та же комедия «На всякого мудреца довольно простоты» в очередном новом переводе, сделанном тем же М. Гацеком, значившимся в афишах под псевдонимом П. Янчик. В кошицком театре пьеса шла под названием «*Lepšie s múdрым plakať, ako s hlúpyм skákať*» (букв. Лучше с умным плакать, чем с глупым прыгать).

Годы после окончания Второй мировой войны по понятным причинам в целом характеризуются обилием русских и советских пьес в репертуарах всех словацких театров. Достаточно сказать, что первой премьерой Словацкого национального театра сезона 1945/46 гг. стала советская драма «Чужой ребенок» (*Cudzie dieťa*) В. Шкваркина. За весь этот сезон на сценах трех действующих профессиональных словацких театров — Словацкого национального театра,

⁶ В марте 1939 г. Германия оккупирует чешские земли и создает Протекторат Богемия и Моравия, в то время как на словацких землях образуется новое государство — Словацкая Республика, фактически ставшая сателлитом Германии. СССР признало новую республику в сентябре 1939 г. и поддерживало с ней дипломатические отношения вплоть до июня 1941 г. Будучи союзником Германии, Словацкая Республика участвовала в военных действиях на стороне Третьего рейха, в том числе против Советского Союза. Все это отразилось и на театральном репертуаре тех лет: последняя премьера русской пьесы — спектакль «Смерть Тарелкина» А.В. Сухово-Кобылина в постановке Я. Ямницкого — состоялась в Словацком национальном театре 10 мая 1941 г.

Государственного театра в Кошице и Словацкого театра в Прешове — прошло 11 премьер русских и советских пьес (см. Приложение — Список постановок пьес А. Островского в словацких профессиональных театрах в 1925–2023 гг.).

Что касается пьес Островского, то в межвоенный период известно всего о пяти постановках его драм на словацкой сцене (о них речь шла выше), а в послевоенные годы число спектаклей по произведениям Островского начинает стремительно возрастать. За короткий период с 1944 по 1949 г. в Словакии было осуществлено семь постановок, причем трижды режиссеры обращались к драме «Волки и овцы», которая шла в Словацком театре в Прешове (1944) и в Государственном театре в Кошице (1948), обе в постановке А. Хмелко, и в Словацком национальном театре (1947) в постановке И. Лихарда.

1950-е годы становятся периодом наибольшей популярности русского драматурга в Словакии: 18 спектаклей по его пьесам, из которых наиболее часто словацкие театры выбирали комедии «Не все коту масленица» и «Свои люди — сочтемся» (по четыре постановки), а также драму «Поздняя любовь» (три постановки). Кроме того, известно, что в начале 1950-х годов пьеса «Не все коту масленица» входит и в список самых часто инсценируемых труппами любительских словацких театров.

В 1960-е годы популярность Островского среди словацких режиссеров заметно падает (всего лишь четыре профессиональные постановки за весь период). Объяснить это можно, вероятно, распространением в эти годы здесь, как и по всей Европе, новой эстетики театра абсурда и расцветом экспериментального театра. Литературные отделы театров чаще всего останавливали свой выбор на произведениях Э. Олби, С. Беккета, Г. Пинтера, Б. Брехта, Ф. Дюрренматта, Ж.-П. Сартра, А. Камю, В. Гавела и др. Начинают появляться и словацкие авторы, также творившие «новую» драму с элементами абсурда, парадокса, гротеска, такие как П. Карваш, Л. Фелдек, Р. Скукалек, Ст. Штепка, М. Ласица и Ю. Сатинский и др. Драматургия и театр 1960-х годов ломали все традиции и устои, шли по пути провокации, нонконформизма и причудливой творческой фантазии. В свою очередь драмы Островского с их вполне реалистическим языком никак не вписывались в эту новую парадигму и будто бы даже расходились с основными настроениями в обществе. Все четыре известные нам словацкие постановки Островского 1960-х годов были осуществлены на сценах небольших провинциальных театров, причем последняя из них датируется 1963 г., после чего наступает семилетний перерыв, когда Островский сходит со словацких подмостков.

Период после Пражской весны 1968 г. и до «бархатной революции» 1989 г., называемый в Словакии «нормализацией»⁷, вновь вернул на сцены театров русский и советский репертуар, в том числе комедии и драмы Островского. Вплоть до 1989 г. его произведения не сходят с афиш как столичных, так и провинциальных театров. Самая заметная словацкая постановка по Островскому 1970-х годов — спектакль режиссера В. Стрниско «Лес» (*Les*, 1971) в театре «Дивadlo на корзе» (досл. Театр на бульваре) — экспериментальной братиславской сцене, просуществовавшей лишь три сезона с 1968 по 1971 г., но вошедшей в историю как одно из ярчайших явлений словацкого театра XX в. Спектакль «Лес» стал последней, восьмой, постановкой «Дивадла на корзе», после чего театр был закрыт по политическим соображениям. Отличительными

⁷ Сам термин «нормализация» указывал на провозглашенное стремление нового руководства Чехословакии отказаться от попыток реформирования и возвратиться к «норме», т.е. к прежней модели социализма.

особенностями этого творческого коллектива были необычная работа с драматургическим текстом, отход от психологического, описательного искусства и попытка разговаривать со зрителями на языке абсурда и парадокса. Самыми громкими спектаклями театра, которыми он, собственно, заявил о себе и встал в один ряд с другими молодыми чехословацкими театральными труппами 1960-х годов («Редута», «Семафор», «Студио Y», «Вечерни Брно», «Радошинске наивне дивадло» и др.), были постановки пьесы «В ожидании Годо» С. Беккета (1968, реж. В. Стрниско, М. Ласица), трех одноактных пьес С. Мрожежа «Стриптиз», «Карол», «В открытом море» (1969, реж. П. Микулик) и «Женитьбы» Н. Гоголя (1969, реж. М. Пиетор). «Лес» органично вписался в этот ряд, поскольку режиссер все сценическое действие, как и предыдущих работ, «построил на принципе контрастов и переломов» [Podmaková 2021, 31], а также активно использовал свои любимые приемы контрапункта и гротеска.

Перевод «Леса» для этой постановки был сделан самим В. Стрниско совместно с драматургом М. Порубьяком, причем язык пьесы был максимально приближен к современному, а в некоторых местах были переписаны или даже дописаны отдельные реплики. Авторы переместили действие из России XIX в. в чехословацкие реалии 1960-х годов, создав произведение о современном им мире и стремительно меняющемся обществе и практически не акцентируя внимание на важной для Островского теме театра в театре и театра в жизни. При этом вполне оправданным оказалось использование приема активного взаимодействия актеров со зрителями, отчего пьеса производила впечатление чрезвычайно актуального произведения, убедительно передающего картину распада моральных ценностей в современном обществе.

Большую роль в популяризации творчества русского драматурга в Словакии сыграло издание в 1974–1977 гг. трехтомного собрания сочинений [Ostrovskij 1974–1977] его драматических произведений, в которое вошло девять пьес в переводе выдающегося переводчика Яна Ференчика: «Свои люди – сочтемся», «Гроза», «Доходное место», «На каждого мудреца довольно простоты», «Лес», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Бесприданница», «Таланты и поклонники». Я. Ференчик и ранее неоднократно обращался к творчеству Островского и переводил отдельные его произведения, но для этого издания все свои предыдущие переводы он подверг существенной переработке. Собрание сочинений Островского стало знаменательным событием, благодаря ему с творчеством драматурга смог познакомиться не только словацкий театральный зритель, но и широкий круг читателей.

Кроме того, если до выхода этого издания режиссеры для своих постановок по Островскому выбирали тексты, выполненные переводчиками с самым разным уровнем подготовки и квалификации, а порой – как мы неоднократно убеждались – и самостоятельно брались за перевод, что часто не лучшим образом сказывалось на его качестве, то отныне почти все театры при постановке Островского опирались именно на переводы Ференчика из этого собрания сочинений. По своему качеству они значительно превосходили все предыдущие попытки, особенно это касалось перевода разнообразных фразеологических единиц, которыми пестрят реплики персонажей Островского. Как мы понимаем, языковая выразительность его драматургических текстов, максимально насыщенных пословицами, поговорками, прибаутками, прочими фразеологизмами, чрезвычайно важна – все это придает языку его произведений экспрессивную образность, смысловую емкость, точность. Оттого и работе с этими языковыми единицами переводчики должны были придавать особое значение, тем более что они всегда представляют огромную трудность при переводе на

любой иностранный язык. И кажется, в случае с драматургией Островского Ференчику это действительно удалось лучше других⁸.

До издания этого собрания сочинений некоторые пьесы Островского никак не могли обрести своего словацкого названия. В первую очередь это касалось драм, в названии которых использовались пословицы: «Свои люди – сочтемся» и «На всякого мудреца довольно простоты». Начиная с 1920-х гг., было предпринято немало попыток найти подходящие соответствия этим паремиям. Оттого, к примеру, могли возникнуть ситуации, подобные той, когда в 1951–1952 гг. пьеса «Свои люди – сочтемся» одновременно шла на сценах трех словацких театров под тремя разными названиями: «*Bankrot*» (СНД, реж. В. Павлович), «*Vrana vrane oči nevykole*» (досл. Ворона вороне глаз не выклюет) (Словацкий театр в Прешове, реж. Й. Загребельский), «*Veď sme svoji*» (досл. Ведь мы свои люди) (Краевой театр в Нитре, реж. Р. Латка). После выхода в 1972 г. первого тома собрания сочинений Островского, куда вошла эта пьеса, за ней окончательно закрепилось словацкое название «*Bankrot*».

Комедия «На всякого мудреца довольно простоты» с момента ее первого перевода также приобрела немало самых разных словацких названий: «*Palicou lásky nevynútiš*» (1925), «*Každý múdry je dosť hlúpy*» (1927), «*Kade horí – tade hasne*» (1940), «*Lepšie s múdрым плакаť, ako hlúpym skákať*» (1945), пока в 1976 г. Я. Ференчик не придумал для заголовка этой пьесы удачный речевой оборот – так называемую псевдопословицу «*Aj múdry schybí*» (досл. И умный ошибается). Именно перевод Я. Ференчика и такой вариант названия пьесы укоренились в словацкой литературной и театральной культуре, и сегодня это придуманное переводчиком выражение воспринимается носителями языка как настоящая словацкая пословица, что подтверждают и данные из корпуса словацкого языка.

Говоря о комедии «На всякого мудреца довольно простоты», которая по сей день является самой востребованной пьесой Островского в Словакии, нельзя не упомянуть об одном из лучших словацких спектаклей по этому произведению – постановке В. Стрниско «*Aj múdry schybí*» (1983) на Новой сцене (Братислава). Предыдущая его работа в «Дивadle на корзе» над спектаклем «Лес» (1971), о которой мы говорили ранее, явно оставила серьезный след в душе режиссера, который спустя годы еще дважды с большими перерывами возвращался к Островскому: сначала в 1983 г., а затем уже в 2020 г. В спектакле на братиславской Новой сцене, в отличие от постановки 1971 г., он не вмешивался в текст Островского, а в результате внимательнейшего и точнейшего разбора драматургического материала – характеров, мотивировок персонажей – сумел донести до зрителя те смыслы, которые изначально были заложены автором и оказались чрезвычайно созвучны настроениям общества 1980-х. Как свидетельствовали критики, «зависть, притворство, расчетливость героев Островского указывали на деформацию всей системы ценностей (в том числе современного чехословацкого общества)» [Podmaková 2023, 373].

Еще один словацкий режиссер-постановщик, в чьей творческой биографии Островский занимает особое место – Любомир Вайдичка, на протяжении своей долгой театральной карьеры осуществивший пять постановок по произведениям русского драматурга на сценах различных словацких театров. Первая его встреча с Островским состоялась в 1972 г., когда на сцене Театра Словацкого национального восстания в Мартине он представил спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» (*Kade horí – tade hasne*). Спустя десять лет на той же сцене им был поставлен «Лес» (*Les*, 1982), а затем уже на подмостках

⁸ О переводе пословиц у Островского см. мою статью [Пескова 2024].

Словацкого национального театра – «Доходное место» (*Výnosné miesto*, 1984). Две последние его постановки по Островскому были осуществлены уже спустя тридцать лет в XXI в.: «Не все коту масленица» (2014, Театр Й. Заборского в Прешове); «Поздняя любовь» (2016, Спишский театр).

В 1970-х и первой половине 1980-х годов Островского, как и других русских и советских авторов, в Словакии ставили часто, однако по мере приближения «бархатной» революции число словацких постановок по Островскому резко сокращается: в период с 1980 по 1985 г. в Словакии прошло восемь премьер пьес Островского, тогда как в 1986–1990 гг. – лишь две. После событий 1989 г. не только Островский, но и другие русские авторы на некоторое время почти сходят со словацкой сцены⁹, чтобы во второй половине 1990-х годов снова появиться на афишах. Уже с 1995 г. практически ежегодно в Словакии выходили театральные премьеры по произведениям Островского. Всего с 1995 по 2023 г. в Словакии было осуществлено 22 постановки его пьес, причем самым популярным названием по-прежнему остается комедия «На всякого мудреца довольно простоты», с 2014 г. она уже выдержала пять постановок. Почти каждый известный современный словацкий режиссер хотя бы раз ставил что-то из Островского: помимо уже упоминавшихся В. Стрниско и Л. Вайдички, это также Р. Полак, Я. Сладечек, М. Ольга, Л. Брутовский, В. Шульцова и др. Остановимся лишь на некоторых самых ярких словацких спектаклях по Островскому последнего тридцатилетия.

Театр «Асторка Корзо '90» (*Astorko Korzo '90*), созданный в 1990 г. как продолжатель традиций театра «Дивадло на корзе», в 1997 г. представил наиболее заметную постановку пьесы Островского этого десятилетия: «Лес» режиссера Р. Полака. В тот год авторы постановки собрали призы во всех самых престижных номинациях главной театральной премии Словакии «*Dosky*» (досл. Подмостки): за лучший спектакль, лучшую режиссуру, лучшую сценографию (Алеш Вотава). Работа Р. Полака с текстом Островского напоминала подход режиссера-постановщика «Дивадла на корзе» В. Стрниско в спектакле 1971 г. Полак отчасти переписал и даже дописал пьесу, отодвинул на задний план факт продажи леса и промотанных денег и основной акцент перенес на лицемерие, коррупцию, фальшь и карикатурность приходящего нового поколения. При этом он настолько активно апеллировал к современности, что границы между сценическим действием и реальностью конца 1990-х практически стирались. И хотя местами пьеса производила «остро негативное» и даже «вульгарное» [Podmaková 2023, 380] впечатление, все же этот «не по-человечески человеческий» [Mistrík 1996, 13] спектакль Полака нашел отклик у зрителей. Примечательно, что даже спустя годы критики в своих рецензиях на новые спектакли по «Лесу» все еще продолжают вспоминать ту постановку 1997 г.

Чрезмерные преувеличения и заострения, доведенные до абсурда, стали значимыми выразительными приемами и в спектакле «Доходное место» (*Výnosné miesto*, 2012) режиссера Л. Брутовского в театре «ЛАВ» Высшей школы изящных искусств в Братиславе. Гротеск, в целом характерный для режиссерского языка Л. Брутовского, в этом спектакле определил общую тональность сценического действия: актеры неожиданно пускались в пляс или затягивали арию, застреленные герои вдруг оживали, реплики диалогов порой начинали звучать все одновременно хором, подчеркнуто демонстрируя, что персонажи

⁹ По моим подсчетам и по сведениям словацкого театроведа Д. Подмаковой, общее количество постановок русских и советских пьес в словацких театрах в начале 1990-х годов было следующим: в 1990 г. – шесть, в 1991 г. – пять, в 1992 г. – две, в 1993 г. – пять, в 1994 г. – две.

Островского не хотят слышать друг друга и т.п. В похожем стиле была выдержана и постановка «Леса», представленная Брутовским и его постоянным со-автором драматургом М. Дахо в 2014 г. на сцене Словацкого камерного театра в Мартине. Спектакль имел большой успех у критиков и зрителей и продержался в репертуаре четыре сезона. В нем было заметно множество переключек с предыдущими известными словацкими сценическими версиями «Леса», в частности, с постановкой Р. Полака 1997 г. На первый план в этом спектакле выступила тема игры и театральности в жизни, противопоставление фальши, лицемерия Гурмыжской и ее окружения, с одной стороны, искренности и внутренней глубине Счастливецца и Несчастливецца — с другой. Тяга к абсурдности, гротесковости, нарочитым преувеличениям, присущая стилю Брутовского, в этой постановке удачно помогала донести режиссерский замысел до зрителя.

Наконец, самой яркой словацкой интерпретацией Островского 2020-х годов пока можно назвать спектакль Театра Я. Паларика в Трнаве по той же пьесе «Лес» (2020). Его автор — именитый В. Стрниско, который спустя почти пятьдесят лет вновь обратился к этому драматургическому материалу, но взглянул на него совершенно иначе. Если в 1970-х важная для Островского тема театра в театре и театра в жизни казалась второстепенной, то в 2020-х именно она более других резонировала с настроениями создателей спектакля и их взглядом на окружающую действительность. Художником постановки выступил известный сценограф Ю. Фабры, на счету которого уже был один «Лес» — спектакль Л. Вайдички (1982), в котором он тогда использовал совершенно незабываемый прием: в конце пьесы часть декорации превращалась в ширму кукольного театра и живых актеров на сцене заменяли их копии-марионетки. На этот раз Ю. Фабры все действие пьесы поместил в интерьер провинциального театра (декорации представляли собой сцену и закулисы — гардероб, гримерную) и виртуозно использовал оригинальный прием игры теней. Все вместе это великолепно подчеркивало основную идею авторов постановки о театральности нашей жизни, притворстве и двуличности героев этой драмы и придавало новые смыслы сценическому действию.

Таким образом, вполне можно утверждать, что в Словакии интерес к Островскому (как, впрочем, и к русскому драматургическому материалу в целом) практически неизменен. Безусловно, это связано с непреходящим значением его пьес, с теми темами и проблемами, которые он затрагивает и которые актуальны во все времена, — одним словом, с общечеловеческими смыслами, заложенными в текстах его произведений. Сегодня Островского в Словакии уже почти нигде не играют как костюмную драму или комедию из XIX в. Отличительной особенностью большинства последних спектаклей по его пьесам является перенос действия в современные реалии, максимальное его приближение ко зрителю. И в каждой рецензии на любую из постановок по Островскому непременно отмечена актуальность произведения для сегодняшнего дня, насущность затрагиваемых им тем и проблем, неизменность человеческой природы, а следовательно, жизненность характеров и ситуаций.

Несмотря на стойкую популярность комедий Островского в словацких театрах (в первую очередь, «На всякого мудреца довольно простоты», «Свои люди — сочтемся» и «Не все коту масленица»), все же наиболее яркий след в истории словацкого театра оставили постановки драмы «Лес». Словацкие зрители видели целый ряд выдающихся спектаклей по этому произведению, созданных в разные эпохи порой очень не похожими друг на друга режиссерами, и каждый из этих спектаклей определенным образом повлиял на развитие театрального искусства Словакии. Более того, мы можем наблюдать отголоски

идей и сюжетных поворотов «Леса» и в современной словацкой литературе. Один из талантливейших современных писателей П. Криштуфек в своем романе «Суфлер» (*Šepkár*, 2008) своеобразно развил и довел до абсурда заложенную у Островского идею о театральности нашей жизни. Знаменитая финальная сцена «Леса», в которой Несчастливцев произносит свой пламенный обличающий монолог, оказывающийся в результате, к удивлению всех присутствующих, отрывком из шиллеровских «Разбойников», вдохновляет П. Криштуфека на развитие этого сюжета в его собственном тексте. Главный герой романа – театральный суфлер, который в жизни буквально разговаривает отрывками из различных театральных постановок. Так же как и у Островского, в романе никто из окружающих не догадывается об этом факте, и героя даже приглашают в предвыборную команду к косноязычному политику, баллотирующемуся на высокий государственный пост. Во время публичных выступлений суфлер незаметно подсказывает ему слова из известных классических пьес, что моментально делает политика самым популярным в стране. Таким образом писательская фантазия П. Криштуфека доводит идеи Островского о нашем мире-театре до абсолютного гротеска. Причем, как мы видим, мир в романе «Суфлер» – это уже не просто театр, а настоящий театр абсурда.

Нет сомнения, что творчество Островского и дальше будет вдохновлять все новых и новых режиссеров Словакии на создание спектаклей, которые, в свою очередь, будут находить путь к сердцам зрителей и побуждать их к внутреннему анализу и размышлениям о современности. Для этого в его пьесах заложен поистине неисчерпаемый потенциал. И хотя сами тексты его произведений в Словакии не переиздавались уже много десятилетий (последнее издание его избранных сочинений на словацком датируется 1982 г. [Ostrovskij 1982]), однако в юбилейном 2023 г., когда отмечалось 200-летие со дня рождения Островского, три словацких театра сыграли премьеры по его пьесам «Последняя жертва» и «Доходное место». Особенно внушает оптимизм тот факт, что в последние годы при всем обилии, разнообразии и доступности литературного материала в современном мире, произведения Островского все чаще интересуют молодое поколение словацких режиссеров и актеров: его пьесы ставятся в молодежных театрах, в качестве выпускных спектаклей на учебных сценах театральных вузов, а это значит, что ценности и язык русского драматурга несколько не устаревают и по-прежнему остаются близки и, главное, необходимы даже самым юным его читателям и зрителям.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

SND – Slovenské národné divadlo
ÚSOD – Ústredie slovenských ochotníckych divadiel

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Robotnícke noviny. 26.03.1931.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн И.Я., Богатырев Ш.Ш. Островский в Чехословакии // Литературное наследство. Т. 88. 1974. № 2. С. 419–458.
- Пескова А.Ю. Словацко-русские связи в области драматургии и театра. Первая половина XX века // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 290–302.
- Пескова А.Ю. Драматургия А.Н. Островского в Словакии: к вопросу о переводе пословиц // Пословицы в театральной драматургии и кинематографе славянских стран. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. С. 62–75.
- Borodáč J. Z divadelného festivalu v Moskve // Slovenské pohľady. Roč. 50. 1934. S. 685.

- Borodáč J. Z domácej platformy – na svetovú. Divadelný bulletin k premiére Ostrovského veselohry Kade horí, tade hasne. 10. XI. 1939. // *Borodáč J. O Slovenské národné divadlo*. Bratislava: Osveta, 1953. S. 165–168.
- Borodáč J. Spomienky. Bratislava: Národné divadelné centrum, 1995. 344 s.
- Čavojský L., Štefko V. Slovenské ochotnícke divadlo 1830–1980. Bratislava: Obzor, 1983. 504 s.
- Chmelko A. V zajatí Tálie. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1989. 332 s.
- Jurčišinová N. Zameranie činnosti slovenského spolku Detvan v Prahe (1882–1914) // *Annales historici Presovienses*. 2010. Roč. 9. S. 136–157.
- Mistrík M. Ostrovského Les v Divadle Astorko-Korzo '90 // *Teatro*. 1996. Roč. 2. Č. 7–8. S. 13.
- Mráz A. (bez názvu) // *Národné noviny*. 11.2.1934. S. 6.
- Mrlian R. Počiatky a rozvoj činohry Slovenského národného divadla // *Pamätnica Slovenského národného divadla*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1960. S. 57–109.
- Ostrovskij A.N. Hry v 3 zväzkoch. Bratislava: Tatran, 1974–1977.
- Ostrovskij A.N. Hry: Bankrot, Búrka, Výnosné miesto. Bratislava: Tatran, 1982. 220 s.
- Pašteka J. Dramatika v epoche realizmu. Bratislava: Tatran, 1990. 408 s.
- Petzová-Pauliny-Tóthová H. Ako sme začínali v Bratislave // *Slovenské divadlo*. 1956. Roč. 4. Č. 1. S. 27–48.
- Podmaková D. Vzostupy a dozvuky tvorby režiséra Vladimíra Strniska na slovenských javiskách // *Slovenské divadlo*. 2021. Roč. 69. Č. 1. S. 26–48.
- Podmaková D. Smutný klaun Marián Zedníkovič // *Slovenské divadlo*. 2023. Roč. 71. Č. 4. S. 367–385.
- Vajanský S.H. Nekrológ // *Národné noviny*. 1886. Č. 91.

Рукопись поступила в редакцию 10.02.2024

Рукопись принята к печати 25.02.2024

REFERENCES

- Bernshtein I.Ia., Bogatyrev Sh.Sh. Ostrovskii v Chekhoslovakii *Literaturnoje nasledstvo*, 1974, vol. 88, no. 2., pp. 419–458. (In Russ.)
- Borodáč J. Z divadelného festivalu v Moskve. *Slovenské pohľady*, vol. 50, 1934, pp. 685. (In Slov.)
- Borodáč J. Z domácej platformy – na svetovú. Divadelný bulletin k premiére Ostrovského veselohry Kade horí, tade hasne. 10. XI. 1939. *O Slovenské národné divadlo*. Bratislava: Osveta, 1953, pp. 165–168. (In Slov.)
- Borodáč J. *Spomienky*. Bratislava, Národné divadelné centrum Publ., 1995, 344 p. (In Slov.)
- Čavojský L., Štefko V. *Slovenské ochotnícke divadlo 1830–1980*. Bratislava, 1983. 504 p. (In Slov.)
- Chmelko A. *V zajatí Tálie*. Bratislava: Slovenský spisovateľ Publ., 1989. 332 p. (In Slov.)
- Jurčišinová N. Zameranie činnosti slovenského spolku Detvan v Prahe (1882–1914). *Annales historici Presovienses*, 2010, vol. 9, pp. 136–157. (In Slov.)
- Mistrík M. Ostrovského Les v Divadle Astorko-Korzo '90. *Teatro*, 1996, vol. 2, no. 7–8, pp. 13. (In Slov.)
- Mráz A. (no title) *Národné noviny*, 11.2.1934, p. 6. (In Slov.)
- Mrlian R. Počiatky a rozvoj činohry Slovenského národného divadla. *Pamätnica Slovenského národného divadla*. : Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry Publ., 1960, pp. 57–109. (In Slov.)
- Ostrovskij A.N. *Hry v 3 zväzkoch*. Bratislava, Tatran Publ., 1974–1977. (In Slov.)
- Ostrovskij A.N. *Hry: Bankrot, Búrka, Výnosné miesto*. Bratislava, Tatran Publ., 1982, 220 p. (In Slov.)
- Pašteka J. *Dramatika v epoche realizmu*. Bratislava, Tatran Publ., 1990, 408 p. (In Slov.)
- Peskova A.Iu. Slovatsko-russkije sviazi v oblasti dramaturgii i teatra. Pervaia polovina XX veka *Mezhslavianskije kul'turnyje sviazi. Rezul'taty i perspektivy issledovanii*, Moscow, 2021, pp. 290–302. (In Russ.)
- Peskova A.Iu. Dramaturgiia A.N. Ostrovskogo v Slovakkii: k voprosu o perevode poslovits. *Poslovitsy v teatral'noi dramaturgii i kinematografe slavianskikh stran*, St. Petersburg, 2024, pp. 62–75. (In Russ.)
- Petzová-Pauliny-Tóthová H. Ako sme začínali v Bratislave. *Slovenské divadlo*, 1956, vol. 4, no. 1, pp. 27–48. (In Slov.)
- Podmaková D. Vzostupy a dozvuky tvorby režiséra Vladimíra Strniska na slovenských javiskách. *Slovenské divadlo*, 2021, vol. 69, no. 1, pp. 26–48. (In Slov.)
- Podmaková D. Smutný klaun Marián Zedníkovič. *Slovenské divadlo*, 2023, vol. 71, no. 4, pp. 367–385. (In Slov.)
- Vajanský S.H. Nekrológ. *Národné noviny*, 1886, no. 91. (In Slov.)

Received on 10.02.2024

Accepted 25.02.2024

Информация об авторе:

Пескова Анна Юрьевна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0992-0180
E-mail: apeskova@yandex.ru

Information about the author:

Anna Yurievna Peskova

PhD (Philology), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0992-0180
E-mail: apeskova@yandex.ru

Приложение. Список постановок пьес А.Н. Островского в словацких профессиональных театрах в 1927–2023 гг.

Год премьеры	Название спектакля	Театр	Режиссер
1927	<i>Každý múdry je dosť hlúpy</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Словацкий национальный театр	Я. Бородач
1931	<i>Les</i> (Лес)	Словацкий национальный театр	Я. Бородач
1932	<i>Búrka</i> (Гроза)	Словацкий национальный театр	Я. Бородач
1938	<i>Nevesta bez vena</i> (Бесприданница)	Словацкий национальный театр	Я. Бородач
1939	<i>Kade horí – tade hasne</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Словацкий национальный театр	Я. Бородач
1944	<i>Vlci a ovce</i> (Волки и овцы)	Словацкий театр, Прешов	А. Хмелко
1945	<i>Lepšie s múdрым plakať, ako s hlúpym skákať</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Государственный театр, Кошице	Я. Бородач
1947	<i>Vlci a ovce</i> (Волки и овцы)	Словацкий национальный театр	И. Лихард
1947	<i>Na rušnom mieste</i> (На бойком месте)	Словацкий камерный театр, Мартин	К.М. Скоумал
1948	<i>Chudoba cti netráť</i> (Бедность не порок)	Украинский национальный театр, Прешов	Й. Фельбаба
1948	<i>Vlci a ovce</i> (Волки и овцы)	Государственный театр, Кошице	А. Хмелко
1949	<i>Nevolníci</i> (Невольницы)	Словацкий театр, Прешов	М. Ivák
1950	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Словацкий камерный театр, Мартин	Д. Янда
1950	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Краевой театр, Трнава	Д. Янда
1951	<i>Bankrot</i> (Свои люди – сочтемся)	Словацкий национальный театр	В. Павлович
1951	<i>Talenty a ctitelia</i> (Таланты и поклонники)	Государственный театр, Кошице	А. Хмелко
1951	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Деревенский театр	М. Локвенцова
1951	<i>Vrana vrane oči nevykole</i> (Свои люди – сочтемся)	Словацкий театр, Прешов	Й. Загребельский

Год премьеры	Название спектакля	Театр	Режиссер
1952	<i>Ved' sme svoji</i> (Свои люди — сочтемся)	Краевой театр, Трнава	Р. Латка
1952	<i>Búrka</i> (Гроза)	Театр в Жилине	М. Габриш, Э. Стреднянский
1952	<i>Bankrot</i> (Свои люди — сочтемся)	Деревенский театр	К. Благовец
1952	<i>Kto hľadá, nájde</i> (За чем пойдешь, то и найдешь)	Театр Й.Г. Тайовского, Зволэн	М. Голлый
1953	<i>Chudoba cti netratí</i> (Бедность не порок)	Украинский национальный театр, Прешов	Э. Нестерова
1953	<i>Kade horí — tade hasne</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Театр в Жилине	Й. Палка
1954	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Украинский национальный театр, Прешов	Э. Нестерова, Й. Загребельский
1954	<i>Pozdná láska</i> (Поздняя любовь)	Театр в Жилине	И. Гегуш
1955	<i>Kto hľadá, nájde</i> (За чем пойдешь, то и найдешь)	Театр Й. Заборского, Прешов	Й. Галяма
1955	<i>Pozdná láska</i> (Поздняя любовь)	Деревенский театр	Ш. Мунк
1956	<i>Sviatočný sen</i> (Праздничный сон — до обеда)	Театр армии, Мартин	Д. Янда
1956	<i>Pozdná láska</i> (Поздняя любовь)	Краевой театр, Нитра	О. Криванек
1960	<i>Bankrot</i> (Свои люди — сочтемся)	Краевой театр, Спишска Нова Вес	И. Петровицкий
1963	<i>Búrka</i> (Гроза)	Театр Словацкого национального восстания, Мартин	П. Римский
1963	<i>Bankrot</i> (Свои люди — сочтемся)	Венгерский областной театр, Комарно	Й. Конрад
1963	<i>Krásavec</i> (Красавец-мужчина)	Краевой театр, Трнава	Д. Янда
1970	<i>Búrka</i> (Гроза)	Краевой театр, Нитра	К. Спишак
1971	<i>Les</i> (Лес)	«Дивadlo на корзе», Братислава	В. Стрниско
1971	<i>Les</i> (Лес)	Краевой театр, Нитра	М. Гиншт
1972	<i>Búrka</i> (Гроза)	Венгерский областной театр, Комарно	А. Беке
1972	<i>Ved' sme svoji...</i> (Свои люди — сочтемся)	Театр Й.Г. Тайовского, Зволэн	А. Турчан
1972	<i>Kade horí — tade hasne</i> (На всякого мудреца...)	Театр Словацкого национального восстания, Мартин	Л. Вайдичка
1972	<i>Búrka</i> (Гроза)	Словацкий национальный театр	К.Л. Захар

Год премьеры	Название спектакля	Театр	Режиссер
1972	<i>Pozdná láska</i> (Поздняя любовь)	Студия DISK, Трнава	
1976	<i>Les</i> (Лес)	Государственный театр, Кошице	В. Петрушка
1978	<i>Aj múdry schybí</i> (На всякого мудреца...)	Театр Й.Г. Тайовского, Зволен	А. Турчан
1980	<i>Aj múdry schybí</i> (На всякого мудреца...)	Театр Андрея Багара, Нитра	М. Какош
1981	<i>Aj múdry schybí</i> (На всякого мудреца...)	Венгерский областной театр, Комарно	Й. Сюч
1982	<i>Les</i> (Лес)	Театр Словацкого национального восстания, Мартин	Л. Вайдичка
1982	<i>Bankrot</i> (Свои люди — сочтемся)	Украинский национальный театр, Прешов	Э. Гюртлер
1983	<i>Vlci a ovce</i> (Волки и овцы)	Театр Й.Г. Тайовского, Зволен	М. Ольга
1983	<i>Aj múdry schybí</i> (На всякого мудреца...)	Новая сцена, Братислава	В. Стрниско
1983	<i>Talenty a ctítelia</i> (Таланты и поклонники)	Театр Й. Заборского, Прешов	Й. Шимканич
1984	<i>Výnosné miesto</i> (Доходное место)	Словацкий национальный театр	Л. Вайдичка
1985	<i>Búrka</i> (Гроза)	Новая сцена, Братислава	Г. Мароевич
1986	<i>Dievča bez vena</i> (Бесприданница)	Театр Андрея Багара, Нитра	М. Какош
1989	<i>Talenty a ctítelia</i> (Таланты и поклонники)	Театр Словацкого национального восстания, Мартин	М. Ольга
1995	<i>Posledná obeť</i> (Последняя жертва)	Театр Й.Г. Тайовского, Зволен	Я. Сладечек
1996	<i>Dievča bez vena</i> (Бесприданница)	Трнавский театр, Трнава	М. Спишак
1997	<i>Les</i> (Лес)	Театр «Асторка Корзо'90», Братислава	Р. Полак
1998	<i>...Hráme duráka!</i> (Волки и овцы)	Театр Андрея Багара, Нитра	В. Козменко Де-линде
2000	<i>Nevesta bez vena</i> (Бесприданница)	Высшая школа изящных искусств, Братислава	Й. Чайлик
2001	<i>Business je biznis</i> (Свои люди — сочтемся)	Театр Словацкого национального восстания, Мартин	М. Ольга
2005	<i>Dohodneme sa, veď sme svoji</i> (Свои люди — сочтемся)	Словацкий национальный театр	П. Микулик
2008	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Высшая школа изящных искусств, Братислава	Ю. Биелик
2009	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Театр «Divadlo a.h.a.», Братислава	Ю. Биелик

Год премьеры	Название спектакля	Театр	Режиссер
2009	<i>Bankrot</i> (Свои люди — сочтемся)	Спишский театр, Спишска Нова Вес	Я. Сладечек
2012	<i>Výnosné miesto</i> (Доходное место)	Театр «LAB», Братислава	Л. Брутовский
2013	<i>Dievča bez vena</i> (Бесприданница)	Театр Андрея Багара, Нитра	М. Вайдичка
2014	<i>Aj múdry schybí</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Городской театр П.О. Гвездослава, Братислава	В. Шульцова
2014	<i>Les</i> (Лес)	Словацкий камерный театр, Мартин	Л. Брутовский
2014	<i>Aj múdry schybí</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Академия искусств в Банской Быстрице	Я. Овшонкова
2014	<i>Nemá kocúr večne hody</i> (Не все коту масленица)	Театр Й. Заборского, Прешов	Л. Вайдичка
2016	<i>Pozdná láska</i> (Поздняя любовь)	Спишский театр, Спишска Нова Вес	Л. Вайдичка
2020	<i>Les</i> (Лес)	Театр Я. Паларика, Трнава	В. Стрниско
2020	<i>Aj múdry schybí (I mudrýiaш домудрые)</i> (На всякого мудреца довольно простоты)	Театр Александра Духновича, Прешов	М. Ольга
2023	<i>Posledná obeť</i> (Последняя жертва)	Театр «Štronzo», Бела-Дулице	Ю. Бенчик
2023	<i>Výnosné miesto</i> (Доходное место)	Театр «Г*АСТОР», Липтовский Градок	М. Томаши
2023	<i>Výnosné miesto (ako časť inscenácie Srdce, kotva, kríž)</i> (Доходное место)	Мартинский молодежный театр, Мартин	М. Томаши

К ЮБИЛЕЮ ЖАННЫ ЖАНОВНЫ ВАРБОТ

Славяноведение, 2024, № 5, с. 64–66

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 64–66

DOI: 10.31857/S0869544X24050052, EDN: YTQNSK

Оригинальная статья / Original Article

Жанна Жановна Варбот

© 2024 г. Т.В. Шалаева

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская федерация)

koulkuk@gmail.com

Ссылка для цитирования: Шалаева Т.В. Жанна Жановна Варбот // Славяноведение. 2024. № 5. С. 64–66. DOI: 10.31857/S0869544X24050052, EDN: YTQNSK

Zhanna Zhanovna Varbot

© 2024. Tatiana V. Shalaeva

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

koulkuk@gmail.com

For citation: Tatiana V. Shalaeva. Zhanna Zhanovna Varbot // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 5. Pp. 64–66. DOI: 10.31857/S0869544X24050052, EDN: YTQNSK

15 октября 2024 г. отмечает юбилей доктор филологических наук, профессор, заведующая Отделом этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Жанна Жановна Варбот. Уже несколько десятилетий она работает в отделе (ранее – секторе), созданном О.Н. Трубачевым для составления «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд».

В 1957 г. Жанна Жановна окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1962 – его аспирантуру. В 1966 г. под руководством П.С. Кузнецова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Анализ морфемной структуры соотносительных с глаголами имен, образующих этимологические гнезда». В 1969 г. в издательстве «Наука» вышла ее первая монография «Древнерусское именное словообразование». Вторая книга, «Праславянская морфонология, словообразование и этимология» (М.: «Наука»), была опубликована в 1984 г. – она основана на докторской диссертации на тему «Морфонологические и словообразовательные аспекты реконструкции и этимологизации праславянской лексики», защищенной в 1981 г. Кроме того, Жанна Жановна является автором монографий «Исследования по русской и славянской этимологии» (М.-СПб: Нестор-История, 2012) и «Память славян

в словах. Этимологические этюды» (М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2023 г.)¹.

Работу в «Этимологическом словаре славянских языков» Жанна Жановна начала со сбора материала чешского и словацкого языков, в 1987 году она стала автором словарных статей, в 2014 — ответственным редактором словаря и руководителем коллектива.

Основной научный интерес для Жанны Жановны всегда представляла этимологизация славянской лексики и праязыковая реконструкция. Ей принадлежит большое количество оригинальных этимологических решений: например, о происхождении таких праславянских форм, как **xorošъjъ*, **koristъ*, **kъrma*, **laskati*, **město*, **naglъjъ*, **pěstovati*, **podbъlъ(jъ)*, **rana*, **skorъjъ*, **(s)kręga*, **straxъ*, **strěla*, **ščeka* и др. Значительная часть ее работ посвящена генезису лексики отдельных славянских языков, центральное место среди которых ожидаемо занимает русский. Так, Жанной Жановной были предложены этимологии слов *застить*, *зга* (в обороте *ни зги не видно*), *измываться*, *калякать*, *копчик*, *кумекать*, *настропалить*, *настырный*, *пострел*, *проворонить*, *трунить*, *ряженка* и т.д. Но исследует она этимологию словарного состава и других славянских языков, в первую очередь западнославянских. А именно ею написаны работы о происхождении чешских (*mlovina*, *nahraditi*, *omat'*, *pasáry*, *povlovní* и др.), словацких (*migľ'anc*, *pahýl*, *stih* и др.), польских (*przełaj*, *uszczyby*, *wnęka*, *wykoпрzeć* и др.) и кашубских (*cášk*, *miřa*, *pažev*, *peł*, *sěrbac* и др.) лексем.

Большое внимание Жанна Жановна уделяет этимологии не только литературной, но и диалектной лексики, особенно русской, активно используя ее в изучении праславянских форм. Так, у нее есть целая серия статей, посвященных русским диалектным дополнениям, преимущественно из новых источников, к праславянским этимологиям и реконструкциям. Широкую известность приобрели ее работы о специфике диалектной этимологии.

И в целом Жанна Жановна не ограничивается анализом отдельных лексических единиц, но затрагивает и теоретические вопросы этимологического исследования, его различных аспектов. Например, у нее имеются работы об особенностях применения в этимологии словообразовательного и семантического анализа, о системном подходе к лексическому материалу при изучении его происхождения, народной этимологии, специфике этимологизации заимствований.

Жанна Жановна сотрудничает с научными справочными изданиями, будучи автором статей «Этимология», «Этимологический словарь», «Народная этимология», «Табу» в энциклопедии «Русский язык» и «Лингвистическом энциклопедическом словаре». При ее активном участии в 1999 г. был подготовлен к печати двухтомный «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черныха — один из наиболее авторитетных в русистике. Она регулярно печатает статьи в популярной периодике, например в журнале «Русская речь», где в разное время выходили ее публикации о лексемах *бейка*, *детинец*, *жухнуть*, *кавычки*, *лайка* ‘сорт мягкой кожи’, *о'кей*, *пряник*, *хорохориться* и др. Выступает Жанна Жановна и в средствах массовой информации — на радио и телевидении, где всегда живо и обаятельно рассказывает о происхождении того или иного слова.

Кроме того, она принимает активное участие в проектах, смежных с этимологией, уже много лет являясь членом российской комиссии «Общеславянского лингвистического атласа», где занимается составлением обобщающих

¹ Рецензию М.М. Валенцовой на эту монографию см. на с. 111–120.

легенд к картам, охватывающим всю славянскую территорию, и этимологизацией русского диалектного материала.

Помимо «Этимологического словаря славянских языков», Жанна Жановна является ответственным редактором периодического сборника научных статей «Этимология», а также входит в редакционные коллегии ведущих российских журналов — таких как «Русский язык в научном освещении» и «Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН».

Научные заслуги Жанны Жановны неизменно получают высокую оценку коллег-лингвистов как в России, так и за рубежом. Ее регулярно приглашают участвовать на престижных международных конференциях, в тематических и юбилейных сборниках. Она входит в состав этимологической комиссии при Международном комитете славистов.

Невозможно не упомянуть преподавательскую деятельность Жанны Жановны. С 1998 по 2013 гг. она работала на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, где читала курс «Введение в славянскую филологию», спецкурс «Введение в этимологию» и вела спецсеминар «Славянская этимология», программы которых опубликованы на сайте *etymolog.ruslang.ru*. Под руководством Жанны Жановны было написано множество дипломных работ и защищено девять кандидатских диссертаций как в университете, так и в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Для некоторых из ее аспирантов научная деятельность стала профессией.

Коллеги, друзья и ученики поздравляют Жанну Жановну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья и продолжения насыщенной творческой работы!

Редакция журнала «Славяноведение» присоединяется к поздравлениям.

Информация об авторе:

Шалаева Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9836-0105

E-mail: koulkuk@gmail.com

Information about the author:

Tatiana V. Shalaeva

PhD (Philology), Researcher
Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9836-0105

E-mail: koulkuk@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 5, с. 67–78

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 67–78

DOI: 10.31857/S0869544X24050065, EDN: YTLBQO

Оригинальная статья / Original Article

**«Этимологический словарь славянских языков.
Праславянский лексический фонд»: проект, разработка,
состояние, проблемы, решения**

© 2024 г. Ж.Ж. Варбот

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

zhannavarbot@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются важные аспекты работы над «Этимологическим словарем славянских языков» (ЭССЯ), грандиозным проектом, основанным на концепции выдающегося лингвиста академика О.Н. Трубачева. Описывается контекст возникновения и развития идеи создания уникального словаря, формулируются основные принципы реконструкции праславянского лексического фонда, положенные в его основу. Первоначальный замысел предполагает этимологизацию не только литературной, но и других страт всех славянских языков (историческая, диалектная и жаргонная лексика). Обозначаются насущные проблемы в мировой этимологической науке (кадровые, финансовые), которые испытывает и коллектив ЭССЯ, в силу которых он вынужден немного отступать от первоначального замысла. Однако основная задача остается неизменной, проблемы решаются путем ограничения праславянских производных третьей ступени и некоторых поздних образований славянских языков.

Ключевые слова: этимология, реконструкция, диалектология, праславянская лексика, лексикография, О.Н. Трубачев.

Ссылка для цитирования: Варбот Ж.Ж. «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд»: проект, разработка, состояние, проблемы, решения // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 67–78. DOI: 10.31857/S0869544X24050065, EDN: YTLBQO

**«Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock»:
The Project, Development, State, Problems, Solutions**

© 2024. Zhanna Zh. Varbot

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

zhannavarbot@yandex.ru

Abstract. The article highlights important issues of the work on the «Etymological Dictionary of Slavic Languages» (ESSYa), an impressive project based on the concept of the outstanding linguist, the academician O.N. Trubachev. The context of the origin

and development of the idea of creating a unique dictionary is described, and the main principles of reconstruction of the Proto-Slavic lexical fund, which formed its basis, are formulated. The initial idea assumes etymologization not only of literary, but also other strata of all Slavic languages (historical, dialectal and slang vocabulary). The urgent problems in the world etymological science (personnel, financial ones), which are experienced by the ESSJa team, are outlined, due to which it is forced to deviate a little from the original plan. However, the main task remains unchanged; the problems are solved by restricting Proto-Slavic derivations of the third degree and some late formations of Slavic languages.

Keywords: etymology, reconstruction, dialectology, proto-Slavic lexis, lexicography, O.N. Trubachev.

For citation: Zhanna Zh. Varbot «Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock»: The Project, Development, State, Problems, Solutions // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 5. Pp. 67–78. DOI: 10.31857/S0869544X24050065, EDN: YTLBQO

Из истории разработки словаря

Проект «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ)¹ был предложен О.Н. Трубачевым в 1957–1960 гг. и опубликован в 1963 г. под названием «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи» (далее Проспект). Основная группа разработчиков была сформирована в Институте русского языка в 1961–1965 гг., с некоторыми последующими изменениями состава, никогда не превышавшего количества семи научных сотрудников. В настоящее время над словарем работают четверо лингвистов.

Актуальность проекта для середины XX в. определялась значительными успехами славянской исторической лексикологии, исследований в области словообразования и собственно этимологических исследований славянских и индоевропейских языков. Большую роль в актуализации этимологических проектов сыграла активизация диалектной и исторической лексикографии: появление диалектных словарей и начало разработок словарей исторических. Об актуальности проблематики праславянского словаря свидетельствует одновременное начало работы над похожими лексикографическими трудами в Германии, Чехии и Польше.

В Германии «*Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen*» Л. Садник и Р. Айтцетмюллера опубликован в пяти выпусках (a–b) [Sadnik, Aitzetmüller 1963–1970], затем, после смерти авторов, работа над словарем прекратилась. В Чехии по проекту «*Etymologický slovník slovanských jazyků*» изданы два тома «*Slova gramatická a zájmena*» Фр. Копечного [Korečný 1973; 1980]. Этот труд уникален по тематике, тщательности разработки и этимологической значимости, но дальнейших публикаций не последовало. Работа над праславянским словарем, издаваемым в Польше («*Słownik prastowiański*», далее SP), была долго остановлена. После того как в 1974–2001 гг. вышли первые восемь томов (*a – *gyža), лишь в 2023 г. был опубликован т. 11 (*kqb(ъ)lati – *kyvati) [SP 1974–2023], тома 9 и 10 готовятся к печати.

Принципы создания словаря, проблемы и трудности

Характеризуя в Проспекте принципиальную новизну ЭССЯ, О.Н. Трубачев подчеркивал, что не только существовавшие праславянские реконструкции

¹ В статье источники и научная литература, за исключением нескольких позиций (в квадратных скобках), даются в соответствии с принципами ЭССЯ в круглых скобках, см. [ЭССЯ 1, 41–42].

Ф. Миклошича и Э. Бернекера, но и более новые проекты базируются на словниках, составленных по результатам этимологических трудов, объектом которых являлась преимущественно литературная лексика (см., например, брненский список [Кореšný 1981]). В отличие от известных словарей Ф. Миклошича [Miklosich 1886] и Э. Бернекера [Berneker 1908–1913], а также других проектов, словник ЭССЯ базируется на этимологическом анализе лексики всех славянских языков во всех стратах (литературный язык, исторический фонд, диалекты, жаргоны). При этом объем словника определяется представлением о праславянском языке как языке с развитой системой словообразования, способном обслуживать этнос с высокоразвитой социальной организацией, материальной и духовной культурой. Практически это означает, что фундаментом словника ЭССЯ должны были стать 15 этимологических словарей типа болгарского этимологического словаря [БЕР]. В задачи ЭССЯ входила не только реконструкция праславянского лексического фонда, но и создание своего рода справочника по этимологии. Из необходимости этимологизации лексики славянских языков как основы для реконструкции праславянского лексического фонда вытекает и третья задача: создание «справочника по праславянскому словообразованию» [Проспект, 13]. Очевидный колоссальный объем исследований, предполагаемый уже формулировками задач, кажется, все-таки не был осознан автором проекта, ориентировавшегося на словарь из десяти выпусков по 20 ал. [Там же, 36].

Трудности работы, связанные с необходимостью освоения постоянно нарастающего количества лексикографических источников славянской лексики с учетом первоначальных методических установок, были особенно остро осознаны составителями при переходе к лексике с чисто грамматическими по функции префиксами (**na-*), но автор проекта не считал возможным отход от заявленных принципов. Видимо, подобные же трудности испытал и краковский «Праславянский словарь», о чем свидетельствуют опубликованные первые его восемь томов. Краковский словарь SP сходен с ЭССЯ по объему этимологизируемого материала и по представлениям о праславянском словообразовании, поэтому (не утверждая определенно), думаю, не исключено, что именно с этими проблемами связано его определенное «замирение».

Практика создания ЭССЯ, особенно первых 13 выпусков, написанных целиком О.Н. Трубачевым, свидетельствует об ориентации автора проекта не только на этимологизацию лексики славянских языков как базы праславянской реконструкции, но и на включение в ЭССЯ славянской лексики, которая получает объяснение на базе реконструированного праславянского фонда, с широким охватом производных, в том числе производных третьей ступени, независимо от степени их этимологической прозрачности [Проспект, 27]. В ЭССЯ, наряду с **drobiti* – **drobъ* – **drobьnъ(jь)* входит и **drobьnica*, ср. аналогично **dvorьnikъ*, **dъždъevьnikъ*, также **domoltъkъ*². Такова же, в сущности, и практика SP (см. те же позиции). При структурном соответствии славянских лексем определенной праславянской реконструкции, разброс их значений как правило не оговаривается, поскольку признается реальность семантических изменений первичного значения лексемы.

Коллектив авторов ЭССЯ руководствуется этими методическими установками и не отходит от них: мы не можем отказаться от этимологизации лексики

² Кстати, именно разработка славянских производных различных ступеней в ЭССЯ вызвала особенно острые замечания В.Б. Крысько в его рецензии, где он критикует ЭССЯ за то, что словарь становится тезаурусом праславянского словообразования и его отражения и развития в славянских языках [Крысько 2014, 118].

славянских языков в их разных состояниях как базы праславянской реконструкции, от ориентации на диалектное членение праславянского языка, на реальность специфических лексических схождения славянских языков и реальность праславянских диалектизмов.

Между тем, очевидная трудность отражения в ЭССЯ этимологического анализа лексики 15 славянских языков (по типу статей в болгарском словаре [БЕР] или в [Фасмер]) в сочетании с допуском многоступенчатой производности усугубилась к настоящему времени трудностями кадрового порядка и проблемой финансирования публикации. Назрела необходимость ускорить темпы работы над ЭССЯ путем сокращения объема словника для будущих выпусков.

Основанием для сокращения словника ЭССЯ служит параллелизм развития словообразования в истории отдельных славянских языков. Этот параллелизм предписывает осторожность в отнесении к праславянскому состоянию производных образований (особенно далее второй ступени). Соответственно, основное внимание следует уделять критериям оценки производных.

Очевидна необходимость учета в отношении каждого производного слова диахронических характеристик словообразовательной структуры слова: степень древности и продуктивности модели, наличие в слове чередований, как в корневых, так и в словообразовательных морфемах, наличие неславянских цельнолексемных соответствий и, что весьма существенно, возможность праславянской реконструкции производящей основы как цельной лексемы. Еще один критерий — представленность лексемы в славянских языках. Признание реальности праславянских диалектизмов допускает реконструкцию праславянской лексемы даже на основе единичной реализации. Подобные реконструкции в ЭССЯ вызвали постоянную критику Ф. Славского на страницах SP (116 статей под звездочкой), что, в свою очередь, породило недоумение польского рецензента [Lewaszkiwicz 2020, 14], отметившего противоречие между этой критикой и собственным признанием Ф. Славским наличия праславянских диалектизмов. Правда, в SP случаи праславянской реконструкции на базе одной фиксации слова в славянских источниках крайне малочисленны. Очевидно, что количество языковых отражений праславянской лексемы может толковаться в пользу ее праславянской древности. Но здесь появляется проблема семантического тождества/семантической близости/семантических различий слов-рефлексов. Признание вероятности семантических изменений праславянских лексем в истории славянских языков не отменяет проблему надежности генетического отождествления структурно тождественных славянских слов в качестве праславянских рефлексов. Степень надежности подобного отождествления уменьшается с усложнением структур, особенно с продуктивными словообразовательными морфемами, т.е. с увеличением ступеней производности возрастает вероятность параллельного словообразования.

Основываясь на этих соображениях, мы считаем возможным свести до минимума включение в словник реконструкций славянских производных третьей ступени, оставляя только случаи семантического тождества соответствующих групп славянских рефлексов. Очевидно, сокращение текста за счет производных незначительно, но это дает выигрыш не только в объеме будущей публикации, но и во времени по написанию словаря.

При наличии частичного (группового) тождества признается вероятность как праславянской древности, так и параллелизма в истории славянских языков. Например, **pętak*³:

³ Далее приводится материал соответствующей статьи в т. 43 ЭССЯ, готовящемся к публикации. Выделение жирным шрифтом сделано только для настоящей публикации.

болг. *neták* 'прежняя медная или никелевая монета стоимостью в 2½ стотинки; (перен.) что-л. незначительное' (БТР 547), диал. *neták* (*netaché*) 'пятачок' (Ив. Кепов // СБНУ XLII, 272), *ném'ák* 'кусок, полоска' (Ковачев Ст. Троянск. // БД IV, 217), *neták* 'пятница' (Бунина. Г-р ольшанских болгар 39), макед. *netak*, *-ци* арх. 'пятак' (Димитровски и др. РМЖ / Конески 157), сербохорв. *petak* 'пятерка, quinarus, денежный знак' (Belost., Bart.) (Mažuranić II, 913), *nětāk*, *netāka* м.р. 'пятиклассник, солдат пятого полка, пятерка (денежный знак), пятилетний мальчик' (Толстой 593), *petak* 'пятилетний ребенок или животное' (Mikalín, Belín, Bjelost., Stulic, Vuk), 'крупный денежный знак равный пяти мелким (Vuk); размер бочки равный пяти меньшим (Славония); один из пяти опанков, вырезаемых из одной кожи (в Лике); груды в пять снопов (в морав. Сербии); камешек в детской игре' (в Лике и Темничу) (RJA IX, 810), диал. *pětāk*, *-āka* 'размер бочки равный пяти меньшим; пятилетний конь' (Peić, Bačlija. Rečnik bačkih Bunjevaca 238), *neták* 'ковёр размером 5×4 аршина' (Живковић. Пиротск. 113), словен. *peták* 'стоимость в пять динаров; прежде австрийская банкнота в пять золотых динаров', (диал.) обычно в сочетаниях: *gosak petak* 'пятилетний гусак' (SSKJ III, 581), *petak* quinarus (Kastelec — Vorenc 278), *pětak* 'пятница' (Sl. Prekmurja 431), чеш. *pět'ak*, *-u* 'пятак, пятерка; (Прежде) четверть златого' (PSJČ IV, 1, 221), *paták*, *-u* 'монета в пять грошей; (морав.) четверть гроша; (слвц.) семь крейцеров' (Kott II, 508; Kott. Dod. k Bart. 75), диал. *paták* 'старая медная монета; (валаш.) горшок в пять мерок (žejdlíkū)' (Bartoš. Dial. sl. morav. 283; Jindřich. Chodsk. 208)), *pětāk* 'нож за пять крейцеров' (Kott. Dod. k Bart. 76), ст.-слвц. *pātāk* [*pā*-, *pa*-, *pe*-] 'пятилетний молодец; монета достоинством в пять единиц (динаров и т.п.), грош; монета достоинством в 1¼ динара, 6¼, 7½, 10, 5, 2, 5 дин.' (Histor. sloven III, 491), слвц. *piatak* (нов.) 'ученик пятого класса, пятого года обучения (в школе)' (SSJ III, 65), слвц. диал. *pātāk* (*pie'ak*, *piaták*), центр.-слвц., зап.-слвц. устар. 'монета в десять галеров' (Sloven. nár. II; 759), в.-луж. *pjatak*, *-a* 'пятый (слуга), пять крейцеров' (Pfuhr 457), польск. *piątak*, диал. *piętak* 'монета стоимостью в пять самых мелких монет (диал.) сорт меда' (Warsz. IV, 136—137; Sl. gw. pol. IV, 84, 101), помор. *piątāk*, *piątāk* 'пятница' (Lorentz. Pomor. Wb. II, 1, 26), русск. *пята́к*, *-а́* (простореч.) 'монета в 5 копеек, сумма в 5 копеек' (Ушаков III: 1090), диал. *пята́к* 'небольшое ровное место, где гуляет молодежь; окно с чистой водой в болоте' (ворон.), 'небольшой карась' (свердл.), 'небольшое круглое пятно (в окраске змеи)' (псков.), *чушиный пята́к* 'пятачок свиньи' (Р. Урал) (СРНГ 33, 218), 'пятно, (экспр.) лицо' (Селигер 5, 225), 'синяк, ушиб' (Сл. рус. г-ров Прибайкалья О-Р, 128), 'мелкая камбала' (Мызников. Рус. г-ры Беломорья 352), 'предмет, который прячут в ладонях в игре «колечко, золотое хоронить», игрок, у которого колечко' (Востриков. Традиционная культура Урала IV, 56—58), *раскаты́ть пята́к* 'преувеличить' (Сл. перм. г-ров II, 253), разговор., жарг. *пята́к* ('пренебр.) что-л. числом или количеством пять единиц; (груб.) о лице или носе человека' (Сл. разговор. речи 516), (шк.) 'оценка «отлично», (арест, угол.) 'пять лет лишения свободы, холодное оружие «наладонник», место сбора воров', (молад.) 'место встречи гомосексуалистов, проституток и т.п., анальное отверстие, лодырь, глупый, некрасивый мужчина', (нарк.) 'окурок папиросы с гашишем' (Мокиенко, Никитин. БСЛРусЖарг 494; Сл. молод. сл. 443; Сл. тюрем.-лагер. 202), *надава́ть пята́ков* (одобр.) 'неожиданно для всех ответить четко, ясно, без запинки' (Аннушкин. Сл. шк. жарг. 226), ст.-укр. *пѣтакъ (пѣтока XV в.) 'пятилетний конь' (Сл. ст.-укр. мови XIV—XV ст. II, 281), укр. *п'ята́к*, *-а́* (разгов.) 'пятикопеечная монета', (перен.) 'небольшая площадь, огороженный чем-л. участок земли' (СУМ VIII, 420), диал. *п'ята́к* 'бревно длиной в 5 сажени' (Онишкевич. Сл. бойк. г-рок II, 165), 'две с половиной копейки' (Сл. укр. г-рів Одещини 167), *п'ата́к*, *-а́* 'ученик пятого класса' (Чабаненко. Сл. нижн. Наддніпр. 3, 303), 'пятикопеечная монета, (устар.) связка из пяти снопов соломы для покрытия крыши' (Корзонюк 205), *п'єт а́к*, *-а́* (гончар.) 'большой горшок емкостью в 18 литров' (Шило. Наддністр. сл. 199), ст.-блр. *пята́к*, *пята́к* 'пятилетнее животное' (1565, 1588, 1593 гг.) (Гістар. сл. белар. мовы 24, 271), блр. *пята́к*, *-ка́* (разгов.) 'пятак' (БРС/ Крапива 771), диал. *пята́к* 'мера вытрепанного льна' (Атлас белар. г-рак 4, 64), 'пята часть надела, укладка из пяти снопов' (Сельская гаспадарка 181, 189; Сцяшкови́ч. Грод. 407), 'открытая площадка для танцев' (Сцяшкови́ч. Слоўн. 395), 'высокое людное место' (Яшкін. Блр. геагр. назвы 160); сюда же русск. диал. *пята́ка*, *-и* м. и ж. р. 'лошадь на пятом году жизни' (Сл. донск. казачества 440).

Суш., производное с суф. *-акъ* от числ. *пѣтъ (см.)⁴ или *пѣтъь (см.).

⁴ Здесь и далее (см.) означает отсылку к соответствующей статье в ЭССЯ.

Как видим, здесь очевидна реализация разных мотиваций наименования предмета: пятый по счету, обладающий другим количественным признаком ('лошадь на пятом году'), состоящий из пяти частей, пятая часть, с разнообразными переносными значениями. Это свидетельствует о наибольшей вероятности наслоения на праславянскую семантику параллельных (хотя иногда и тождественных) изменений в истории славянских языков.

Нам импонирует предложение польского рецензента [Lewaszkiewicz 2020, 14] отмечать знаком вопроса спорные в каком-либо отношении статьи ЭССЯ, но мы не можем отойти от принятого автором проекта формального представления. Полагаем, что сомнения могут высказываться в тексте статей.

Современное состояние работы над ЭССЯ

К настоящему времени изданы 42 выпуска ЭССЯ (1974–2021), содержащие реконструкцию и этимологизацию праслав. лексики в объеме **a* – **perzъ*; ведется работа по написанию 43 выпуска, ориентировочно **petьl'a* – **plъvati*. Представляется необходимым остановиться подробнее на реализации в ЭССЯ принципа максимального привлечения в исследование диалектного материала. Общеизвестно, что в этимологических исследованиях диалектная лексика расширяет и обосновывает представления о языковой и территориальной представленности лексем, их фонетических, морфологических и словообразовательных вариантах и преобразованиях, их семантическом объеме и реализации в разных сферах функционирования языка, что создает условия для уточнения этимологических результатов, в том числе – лингвогеографических характеристик лексем и обнаружения праславянских диалектизмов⁵.

Как и в предыдущих выпусках, в исследование вовлекается по возможности максимальный доступный диалектный материал. Ниже излагаются некоторые результаты расширения славянской диалектной базы для решения проблем реконструкции и этимологизации праславянской лексики в процессе подготовки 43 вып. ЭССЯ (**petьl'a* – **plъstь*).

I. Впервые в праславянский словарь вводятся как самостоятельные позиции **два непроеизводных праславянских существительных**, производящих для суффиксальных существительных.

1. **rěszъ*: непроеизводное существительное индоевропейского происхождения, являющееся производящей основой для праслав. **rěszkъ* (см.); возможность существования праслав. **rěszъ* предполагается в связи с наличием непроеизводных и.-е. соответствий: др.-инд. *pāṁsú* 'пыль, песок', авест. *pąsnuš* 'то же' (см. **rěszkъ*). Собственно славянские основания для реконструкции непроеизводного существительного, при отсутствии его непосредственных продолжений в славянских языках, немногочисленны, но все-таки должны быть рассмотрены ввиду наличия противоречивых толкований некоторых производных образований в различных славянских языках. Авторы «Этимологического словаря старославянского языка» [ESJS 11, 639] впервые обсудили в этимологическом словаре возможность реконструкции непроеизводного праслав. **rěszъ* и обобщили некоторые материалы для этой реконструкции: русск. *супесь*, н.-луж. *pěs* (которое Шустер-Шевц считает вторичным образованием (Schuster-Šewc. Histor.-etymol. Wb. 14, 1058), польск. *piach* 'песок' – вероятнее всего,

⁵ См. публикации последнего времени: о соотношении гапаксов славянских диалектов и праславянских диалектизмов [Варбот 2018, 35–40], о восточнославянских праславянских диалектизмах [Куркина 2021, 128–153]. Кстати, прошу считать принципиально противоречащей позиции авторского коллектива ЭССЯ статью А.К. Шапошникова [Шапошников 2021], хотя он был одним из авторов ЭССЯ (вып. 34–42).

экспрессивное образование от *piasek*, чеш. диал. морав. *písnik* ‘высокий берег, где добывают песок’ — «возможно, младший дериват при регулярном чеш. *písečnik*» [ESJS 11, 639]. Этот материал можно дополнить местными названиями и гидронимами, в которых, однако, можно предполагать фонетическое упрощение исконных структур с *-šč-*: словен. *Pešnica*, *Pešenka*, *Pšenk* < **pěščēn-* (Bezljaj. Sl. v. imena II, 87), словен. *Pěsnica*, *Pšnica*, чеш. *Pisnica*, польск. *Piaśnica* < **pěš-čēnica* (Snoj. Etym. sl. sloven. zemljepisn. imen 303, 308), однотипные н.-луж. стар. *Pěsnica* (Muka II, 33), кашуб. *Pjōšnica* (Ramuł. Sł. Kaszub. II, 36), апеллятив укр. *пісниця* ‘земельный участок с песчаным и глиняным грунтом; место добычи песка’ (Сл. народ. геогр. терм. Кіровоградщини 148). Необязательно, однако, видеть фонетическое преобразование *песчина* в русск. диал. *пешина* ‘песок’ (арханг., олон. СРНГ 27, 13). Но есть еще образования, где невозможно или маловероятно упрощение групп согласных. Это болг. диал. шумен. *песовник* ‘песчанник’ и *песуляк* страндж. ‘вид почвы’, пирот. ‘оползень на горе’, которые авторы «Болгарского этимологического словаря» считают производными от праслав. **pěšъ* ‘песок’ (БЕР 6, 132), и русск. диал. *песьяной* ‘песчаный’ (см. **pěščanъ(jь)*), *песной* ‘песчаный’ (см. **pěščъnъ(jь)*), *песовый* ‘песочного цвета’ (см. **pěškovъ(jь)*), *песовина* ‘песчаное место на реке, мель’ (см. **pěškovina*). В этих болгарских и русских диалектизмах можно предполагать обратное образование от **pěšъkъ* (при восприятии *-ъkъ* как суффикса уменьшительности), но, с другой стороны, допустимо предположение, что эти диалектизмы являются (как и русск. *сунесь*) производными от праслав. ***pěšъ*, непосредственные продолжения которого в славянских языках вытеснены производным **pěšъkъ*.

2. Относительно праслав. **plěsnъ* преобладает версия о структуре с суффиксом *-snъ*, см. (Brückner 418; Machek² 460; Skok II, 683; Schuster-Sewc. Histor.-etym. Wb. Sorb. Sp. 1103; Králik 446; Rejzek 476; Фасмер III, 279; БЕР 5, 336–337; ЕСУМ IV, 449). О суфф. структуре см. (Sławsky. Zarys I, 118). Однако Скок предположил существование производящего **plěšъ*: сербохорв. *plijes* м.р. ‘плесень’ (Mikašin, употреб. в Далмации) (RJA X, 1, 62), словен. *plēs* м.р. ‘плесень’ (Plet.² II, 56), *plēs* (plēs), то же (Egjavcs LMS 1880, 170), *ples* ‘то же’ и (арг.) ‘грибковая болезнь’ (Zatolmin. 44), к которым теперь присоединяются кашуб. *ples*, *-e* м.р. ‘плесень’ (Sychta IV, 73) и имена с *-i-* основами: польск. диал. *plesz* ‘плесень’ (M. sł. gw. pol. 192), *pleś* ж.р. ‘плесень’ (Olesch. Annaberg 207), помор. *ples*, *-e* ж.р. ‘плесень’ (Lorentz. Pomor. Wb. I, 634), русск. диал. *плесь* ‘плесень’ (ряз., орл.) (СРНГ 27, 119), ‘плесневая пучка, зонтичное растение с горьким стеблем’ (Сл. рус. г-ров Низовой Печоры 2:47), блр. диал. зап.-гом. *плесь* ‘налет на квашеной капусте’ (Дыял. атлас белар. мовы 4).

Существительные с *-o-* и *-i-* основами могут быть результатом фонетического упрощения **plěsnъ* (см. особенно *-i-* основы), что вероятно в истории отдельных языков (ср. русск. разгов. и диал. *жись* < *жизнь*). Однако не исключена также возможность субстантивации прилагательного ***plěšъ*, родственного с лит. *pelėti*, *pelėja* ‘плесневеть’, лтш. *pelēt* то же, лит. *pālšas* ‘светло-серый (только о скоте)’, лтш. *pālss* ‘то же’, при общем происхождении из и.-е. **pel-* ‘серый’ (Pokorny I, 805). (См. Snaj 453; Boryś 441, допускает сущ. **plěšъ*; Bezljaj 3: 55 (с доп. М.Ф. по Сною); ЭСБМ 9, 190–191.)

Принятие реконструкции праслав. **plěšъ* (см.) позволяет предполагать для **plěsnъ* другую словообразовательную модель: от **plěšъ* с суффиксом *-nъ*, возможно, через ступень прилагательного **plěsnъ*: см. ст.-слав. *плѣснь* ‘заплесневелый, серый’ (Zach.), реальность которого подвергается сомнению (см. ESJS 11, 657), или ***plěšъnъ* (см. Snaj 453; Bezljaj 3, 55, доп. М. Фурлан по Сною; Boryś 441; ЭСБМ 9, 191).

II. Диалектные материалы служат основанием для новых этимологических толкований.

1. Праслав. **pětatī*:

русс. диал. *pěmatъ*, -аю несврш. ‘бить, колотить’ (зап., твер., курск., южн.), ‘мучить, терзать, изнурять’ (волог., вят.), ‘выполнять тяжелую работу’ (арханг., курск., сарат.), ‘едва, через силу говорить’ (олон.), ‘знать, понимать’ (арханг.) (СРНГ 26, 325; также Даль² III, 105; Дилакторский. Сл. волог. наречия 424; Волог. словечко 198; Сл. вят. г-ров, 260), ‘трудиться’ (Новг. обл. сл. 7, 134), ‘давить, душить’ (Дуров. Сл. помор. яз. 296), ‘понимать, соображать; топтать, мять’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 490), ‘с усилием тащить; до предела класть, пихать’ (Устьян. народ. Сл., 239), ‘быстро, с аппетитом есть’ (Сл. волог. г-ров. *Полка – по-рядному* 52), *pěmatъся*, -аюсь ‘стараться, трудиться, усиленно заниматься чем-л.’ (арханг., волог. север., вят., новг., посков., смол., курск., брян., колым.), ‘сильно уставать’ (волог., новгор.), ‘добиваться чего-л., заботиться о чем-л.’ (север., курск.), ‘ходить взад и вперед, шататься’ (мурман.), ‘торговаться’ (тамб.) (СРНГ 26, 325–326; также Даль² III, 105, 550; Дуров. Сл. помор. яз. 296; Псков. обл. сл. 26, 81; Дилакторский. Сл. волог. наречия 358; Мосеев. Поморьска говора 94 и др.), ‘мучиться’ (Сл. волог. г-ров. *Полка – по-рядному* 52–53), то же и ‘баловаться, шалить; буяннить, безобразничать’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 490), *pěmatъся* ‘отбиваться, корячиться (во время борьбы)’ (Богораз 106; Зотов. Сл. лекс. Сев.-Вост. России 35), *pěmatъся* и *pěxtatъся* ‘усиленно или изнеможенно возиться с чем-л., делать тяжелую или кропотливую работу’ (Устьян. народ. сл. 239), блр. *pětaць* ‘бить, колотить’ (Носович 542); сюда же соотносительное русск. диал. *pěmиться*, -чусь ‘стараться, трудиться, усиленно заниматься чем-л.’ (перм.), ‘добиваться чего-л., заботиться о чем-л.’ (СРНГ 26, 327), производные русск. диал. *pětovatъ*, -аю и *pětovátъ*, -аю ‘бить, колотить’ (зап., южн., брян., смол.), ‘мучить, тиранить’ (СРНГ 26, 328), *pětovatъся*, -туюсь ‘поднимать что-л. тяжелое’ (калуж). (СРНГ 26, 328), укр. диал. *pětuvatъ*, -ую ‘мучиться, страдать от тяжелой работы’ (Чабаненко. Сл. нижн. Наддніпр. 3, 109), блр. диал. *pěтаваць* и *pěтывыць* ‘бить’ (Бялькевіч. Магіл. 326), *pěтавацца* ‘непосильно, тяжело работать’ (Стрэшин, правобер. Днепра) (Жывое слова 118); сюда же относят (вероятно, как производное от утраченной *-*no*-основы) болг. диал. *pětnim* ‘воспитывать, обучать, исправлять’, *‘гнать’ (*pětni врага до прага*) (БЕР 5, 202); сюда же производные сущ.-ные русск. диал. *pětarъ* м.р. ‘слишком старательный, работающий человек’ (волог.) (СРНГ 26, 325), *pětarіца* ‘старательная, работающая женщина’ (волог.) (СРНГ 26, 325), блр. *pěтун* ‘обжора’ (Бялькевіч. Магіл. 326).

Существующие этимологические версии вызывают критические замечания: производность от *pěxtatъ* (Преобр. II, 52), что сомнительно фонетически (русс. диал. устьян. *pěxtatъся* при *pěmatъся* – результат народной этимологии); родство с греч. *παίω* ‘бить, толкать’ (Носович 542), не учитывающее греч. корневое **и* в греч. глаголе; родство с **pītatī* и соответственно происхождение из гнезда и.-е. **pēǵ(ə)* – ‘быть тучным, изобиловать’ (Соболевский ЖМНП 1886, сент., стр. 145 и РФВ 15, 412; Фасмер III, 251; Куркина Этимология. 1972. М.: 1974, 60–64; ЭСБМ 9, 106–107), не объясняющее семантику ‘бить’, см. критику толкования болг. материала, аргументирующего семантику давления для **pītatī* (БЕР 5, 203, 264: *numa*).

Опираясь на значения ‘совать, пихать’ (см. выше русск.), ‘топтать, мять’ и ‘бить, колотить’ (русс., блр.), которые могут как первичные объяснить появление вторичных ‘быстро, с аппетитом есть, мучиться(ся), трудиться, стараться, добиваться’ (вост.-слав.), можно предположить глубинное, на и.-е. уровне,

родство **pětati* с **pъxati* / **pěšiti* — соотношение двух глаголов как и.-е. однокоренных вариантов с различными детерминативами: *s* в **pъxati* и *t* в **pětati* при и.-е. корне ***pei-* / **poi-* с семантикой давления (для иранских языков предполагается, хотя и с сомнениями, корень **pai-* / **pi-* ‘раздроблять, раздавливать’, см. Эдельман ЭСИЯ 6, 83). Ср. и.-е. **pē(i)-* / **pī-* ‘вредить, повреждать’: гот. *faian* ‘ненавидеть’, др.-инд. *pīyati* ‘хулить’ (Pokorny I, 792; LIV 459–460, в последнем весь материал подвергается сомнению: гот. — как темный, вед. — как контаминация).

2. Русск., укр. и блр. глаголы дали основу для реконструкции вост.-слав. диалектизма праслав. языка:

***pětriti** / ***pětrati**: русск. диал. *pětrитъ* ‘понимать, соображать’ (волог., костр., влад., пенз., смол., моск., тамб., свердл., кемер., новосиб, курган.) (СРНГ 26, 329; также Сл. перм. г-ров II, 97; Псков. обл. сл. 26, 88; Сл.рус. г-ров Респ. Мордовия II, 809), ‘объяснять’ (Сл. вят. г-ров 7, 260), ‘ощущать, чувствовать (о руках)’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 492), разгов. *pětrитъ* ‘понимать, соображать; разбираться в каком-л. вопросе’ (Сл. разгов. речи 435), то же и ‘воровать’ (Сл. народ.-разг. речи г. Архангельска I, 131), жарг. *pětrитъ* ‘понимать что-л., знать что-л., догадываться о чем-л.; (угол.) проговариваться, нечаянно выдавать какую-л. информацию’ (БСЖ 431; Сл. тюрем.-лагер. 174), *pětrитъся* ‘(угол.) догадываться о чем-л.’ (БСЖ 431), блр. диал. *pěтрыць, pěтрыць* ‘понимать’ (Народная лексика Гомельщины 112; Сл. Віцеб 2, 142; Янкоўскі III, 94; Сцяшковіч. Сл. Грод. 357; Сл. паўн.-заход. Беларусі 3, 510), ‘понимать, соображать’ (Живое наша слова 174);

укр. *pětrати, -аю* разг. ‘понимать’ (СУМ 6, 345), диал. *pětrати, -раю* ‘понимать’ (Вашенко. Сл. полтав. I, 73; Москаленко. Сл. діал. Одес. 56).

Глаголы обычно признаются трудными, существующие версии: родство с **pěti se* (Брандт РФВ 23, 292; Преображенский II, 166; Bezlaž 3, 31; Фасмер III); с **pětiti* (ЭСБМ 9, 108); образование от собств. имени *Петро* (ЕСУМ 4, 361). Наиболее вероятна производность от **pětati* ‘давить, бить’ (см.) с экспрессивным *-r-*, предположение см. (Елистратов. Толк. сл. рус. сленга: 288), ср. русск. диал. *pětать* ‘топтать, мять; понимать, соображать’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 490), болг. диал. *pětnim* ‘воспитывать, обучать, исправлять’ и *pětrять* ‘шупать, проверять руками’ (Громов. Жгон. яз. 59) и русск. простор. *вбить в голову* ‘объяснить, вразумить’.

3. Семантика движения послужила основанием для отделения от глагола **pěditi* со значением ‘измерения пядью’ глаголов

***pěditi (se)** II / ***pědati (se)**: чеш. редк. *píditi, píditi se* ‘сильно спешить’ (PSJČ IV, 1, 236), *píditi* ‘вытекать’ (Bartoš. Dial. sl. morav. 288), *páditi* ‘тянуть с трудом (например, о коне, корове)’ (Bartoš. Dial. sl. morav. 276), слов. *páditi* ‘экспр. редк. ‘быстро бежать’ (SSJ III: 8), *piaditi* книжн., редк. ‘бежать, убегать, стремиться’, *piaditi sa* редк. ‘спешить’ (SSJ III, 65), русск. диал. *пядить* ‘попадать, бить чем-л. по чему-л. (напр., при игре в бабки)’ (олон.) (СРНГ 23, 210);

Возможно также сербохорв. *pědati, pědâm* ‘медленно, вяло идти; копаться; говорить неясно, тягуче’ (Stulić, Popović) (RJA IX, 751).

Предполагается исходный праслав. глагол **pěditi*, родственный праслав. **pъditi* ‘гнать, побуждать’ (см.) и восходящий к и.-е. **(s)pend-* ‘тянуть, натягивать’ (производному от **(s)pen-* ‘тянуть’), с семантической реконструкцией ‘тянуть на веревке’ → ‘гнать’, при родственном лит. *spėsti, spėndžia* ‘устанавливать ловушку, западню’.

4. Предлагаем новое этимологическое толкование для **plovьta* / **plujьta* / **plyjьta*:

**plovьta* / **plujьta* / **plyjьta* русск. диал. *плóйма* ж.р. ‘множество, большое количество кого-л., чего-л., о детях’ (псков., смол., брян.), ‘о скоплении насекомых, червей’ (смол.), ‘о детях в многодетной семье или стечении их где-л.’ (брян., смол.) (СРНГ 27, 145–146; также: Расторгуев. Сл. рус. г-ров Зап. Брянщины; Добровольский 606; Сл. рус. г-ров Респ. Мордовия II, 824), блр. *плóй-ма* ж.р. (разг.) ‘большое количество, уйма; (о людях) скопище, орава’ (БРС / Крапіва 697; Байкоў, Некрашэвіч БРС 239; Готовец, Мясникова. Блр.-рус. сл. 166), диал. *плóйма* ‘множество чего-л.’ (Дыял. сл. Брэстчыны 168; Сцяшковіч. Грод. 375; Шатэрнік. Кр. сл. Чэрвен. 218 и др.), ‘орава’ (Касьяровіч. Віцеб. сл. 244), ‘множество, дети, детвора’ (Бялькевіч. Магіл. 333), ‘гурьба детей; пух’ (Чалавэк. Тэмац. сл. 17, 13 и др.), ‘табун, стадо коров, овец’ (Жывёльны свет 104, 109; Атлас блр. г-рак 1, 31);

блр. диал. *плўйма* (наряду с *плóйма*) ж.р. ‘множество чего-л.; гуляка, бездельник’ (Сл. паўн.-заход. Белар. 4, 14);

укр. диал. *плійма* ж.р. ‘толпа, стая’ (Корзонюк. Мат. західноволин. 186), *пльїма* ‘уйма, тьма (о живых существах)’ (Лексика Полесья 57), блр. диал. *плій-ма* (наряду с *плóйма*) ж.р. ‘множество чего-л.’ (Сл. паўн.-заход. Белар. 4, 14);

сюда же ст.-чеш. *plovto* нареч. ‘потоком’ (StěSl 16, 266); ср. еще ст.-русск. *плоимыи* прилаг. ‘относящийся к плаванию’ (ВМЧ, Окт. 1–3, 208. XVI в. ~ XII в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 97).

Существительное, производное с суф. *-ьta* от вариантных корней **plov-* / **plu-* / **ply-* глаголов **plovati* (см.), **ploviti* (см.), **pluti* (см.), **plyti* (см.).

Наиболее вероятна первичность формы **plovьta* с последующим преобразованием в сторону сближения с актуальными глаголами.

Относительно *-ьm-* > *-jm-* в **plovьta* см. **plovьba*.

5. **plovьba*: сербохорв. *plónba*, -у ж.р. ‘плавание’ (Porović; RJA X, 1, 87), словен. *plónba* ‘плавание’ (SSKJ III, 646); сюда же сербохорв. диал. *plôjba*, -е и *pjôjba* ж.р. ‘место, где капает и набирается вода’ (Dulčić. Brušk. 595), относительно *-ьb-* > *-jb-* ср. *plôjka* и *plovka* ‘детская игра в плоские округлые камешки’ (Iveković — Broz II: 48), ср. еще **plovьta* (см.); предложенная ранее авторская реконструкция (Варбот // Этимология 1986–1987, 62–63) основы **ploi-* должна быть отвергнута, но гипотеза о конечном происхождении из и.-е. гнезда **pel-* ‘наполнять, лить, течь’ (откуда и праслав. гл. **pluti*) остается в силе; по Скоку *plôjba* — заимств. вульг.-лат. *plqṽia* (Skok II, 687–688).

Сущ., производное с суф. *-ьba* от гл. **plovati* (см.), **ploviti* (см.) или от основы наст. вр. гл. **pluti*, **plovq* (см.).

Заключение

Формулировка профиля словаря — этимологический словарь славянских языков — обязывает включать в словарь толкования «непрозрачных» **исконных, хотя и вторичных производных**. Соответственно в статью о праслав. глаголе **plēti* ‘слабо гореть, тлеть’ включено как дополнение объяснение русск. диал. **плящий** ‘сильный, жгучий’ (чаще о морозе) как адъективированного действительного причастия **pletьjь*. Причастие, несомненно, праславянская форма, но адъектив — русская.

В словарь включена также реконструкция **pl'usati* на базе только кашуб. *plòsac* ‘извергать пену, слюну’, как интенсив от **pl'uti* < **pl̃vati* / **pl'ujq*, и **pl'udati* на базе русск. диал. **плюдѣть** ‘плевать’, также от **pl'uti* < **pl̃vati* / **pl'ujq*.

К подобным реконструкциям на базе единичных или редких этимологически непрозрачных лексем славянских языков, образованных от основ/слов

праславянского лексического фонда, относится вызывающая возражения у рецензентов и критиков ремарка «праслав. древность проблематична». Этимологизация вторичных производных предполагается самим названием словаря.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БЕР — Български етимологичен речник. София, БАН. Т. I—VIII-. 1971— .
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964—1973. Т. I—IV.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—42 / под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1—31), О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева (вып. 32), А.Ф. Журавлева (вып. 33—39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып. 40), Ж.Ж. Варбот (вып. 41, 42). М.: Наука, 1974—2021.
ESJS — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zajmena. Sv. 1. Sest. Fr. Kopečný. Sv. 2. Sest. Fr. Kopečný, V. Šaur, V. Polák. Praha: Academia, 1973, 1980.
SP — Słownik prasłowiański / pod red. Fr. Sławskiego. T. 1—8, 11. Wrocław- Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wyd. PAN, 1974—2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варбот Ж.Ж. Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского лексического фонда // Славянское языкознание. Доклады российской делегации. XVI Международный съезд славистов. Белград., 20—27 августа 2018. М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 35—40.
Крысько В.Б. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34—38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 110—119.
Куркина Л.В. Праславянские лексические диалектизмы восточнославянского словаря (по материалам ЭССЯ, вып. 1— 41) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 4. С. 128—153.
Проспект — Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 214 с.
Шапошиников А.К. Старые русские диалектизмы и лексикографические фантомы ЭССЯ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2021. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1908—1913.
Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba* / spolupracovali: PhDr. Eva Havlová, CSc. PhDr. Hermína Plevačová, PhDr. Antonín Mátl. Academia. Praha, 1981.
Lewaszkiewicz T. *Hasła z gwiazdkami w Słowniku prasłowiańskim (1974—2001) pod redakcją Franciszka Sławskiego* // *Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 55, 1—17.
Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wien, 1886. 558 p.
Sadnik L., Aitzetmüller R. *Vergleichendes Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1963—1970. 653 p.

Рукопись поступила в редакцию 28.02.2024

Рукопись принята к печати 30.05.2024

REFERENCES

- Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1908—1913.
Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba* / spolupracovali: PhDr. Eva Havlová, CSc. PhDr. Hermína Plevačová, PhDr. Antonín Mátl. Academia. Praha, 1981.
Krys'ko V.B. Marginalii k «Etimologicheskomu slovari slavianskikh iazykov» (vyp. 34—38). *Voprosy iazykoznanii*, 2014, no. 1, pp. 110—119. (In Russ.)
Kurkina L.V. Praslavijskije leksicheskie dialektizmy vostochnoslavianskogo slovaria (po materialam ESSIA, vyp. 1—41). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*, 2021, no. 4, pp. 128—153. (In Russ.)
Lewaszkiewicz T. *Hasła z gwiazdkami w Słowniku prasłowiańskim (1974—2001) pod redakcją Franciszka Sławskiego*. *Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 55, 1—17.
Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wien, 1886, 558 p.
Prospekt — *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov (praslavijskii leksicheskii fond)*. *Prospekt. Probnyje stat'ji*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 214 p. (In Russ.)

- Sadnik L., Aitzetmüller R. *Vergleichendes Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1963–1970, 653 p.
- Shaposhnikov A.K. Staryje russkije dialektizmy i leksikograficheskiye fantomy ESSIA. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniia*. 2021, St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2021, pp. 587–602. (In Russ.)
- Varbot Zh.Zh. Praslavianskije dialektizmy, gapaksy slavianskikh iazykov i otnositel'naia khronologiya leksiki rekonstruirovannogo praslavianskogo leksicheskogo fonda. *Slavianskoje iazykoznanije. Doklady rossiiskoi delegatsii. XVI Mezhdunarodnyi s'jezd slavistov*. Belgrad., 20–27 avgusta 2018. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V.Vinogradova RAN, 2018, pp. 35–40. (In Russ.)

Received on 28.02.2024

Accepted on 30.05.2024

Информация об авторе:

Варбот Жанна Жановна

доктор филологических наук, зав. отделом
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9783-4292
E-mail: zhannavarbot@yandex.ru

Information about the author:

Zhanna Zh. Varbot

DSc. (Philology), Head of the Department
V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9783-4292
E-mail: zhannavarbot@yandex.ru

обнѣдѣ сътворити или обнѣдѣти? О месте глагольных перифраз
с семантикой ‘причинение вреда’
в старославянском лексическом инвентаре

© 2024 г. В.С. Ефимова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

valeriefimova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению старославянских глагольных перифраз. Понятие «глагольная перифраза» восходит к представлениям Шарля Балли, впервые обратившего внимание на глагольные перифразы, выделив их во французском языке среди фразеологических сочетаний. Однословные греческие глаголы в оригиналах старославянских текстов могут передаваться при переводе как однословными старославянскими глаголами, так и глагольными перифразами. В статье представлен анализ употребления в старославянских текстах однословных глаголов и глагольных перифраз в рамках небольшой тезаурусной греческо-старославянской группы с семантикой ‘причинение вреда’. Греческие однословные глаголы действительного залога с семантикой ‘причинение вреда’ могут передаваться глагольными перифразами с глаголами творити, сътворити, дѣяти, перифразы с глаголами прѣнѣти, прѣнѣмѣти служат для передачи форм глагольной парадигмы тех же самых греческих однословных глаголов, но форм медиопассивных. Роль информативно восполняющих заведомых слов выполняют «старые» славянские лексемы обнѣда, врѣдѣ, пакость, напасть, огавнѣ, унаследованные, скорее всего, из праславянского. Представленный материал свидетельствует, что глагольные перифразы с семантикой ‘причинения вреда’ не были результатом фразеологического калькирования греческих или латинских образцов, а были образованы на собственно славянской почве.

Ключевые слова: старославянский язык, лексический фонд языка, глагольная перифраза, греческие соответствия.

Ссылка для цитирования: Ефимова В.С. обнѣдѣ сътворити или обнѣдѣти? О месте глагольных перифраз с семантикой ‘причинение вреда’ в старославянском лексическом инвентаре // Славяноведение. 2024. № 5. С. 79–91. DOI: 10.31857/S0869544X24050072, EDN: YTDUNG

ОБНАЖ СЪТВОРНТИ ОГ ОБНАДЪТН? On the Position of Verbal Periphrases with the Semantics of ‘Causing Damage’ in the Old Church Slavonic Lexical Inventory

© 2024. Valeriya S. Efimova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

valeriefimova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of Old Church Slavonic verbal periphrases. The concept of «verbal periphrasis» goes back to the conception of Charles Bally, who first drew attention to verbal periphrases, distinguishing them among phraseological phrases (restricted collocations) in French. One-word Greek verbs in the originals of Old Church Slavonic texts can be rendered as one-word Old Church Slavonic verbs and verbal periphrases. The article analyzes the use of one-word verbs and verbal periphrases in Old Church Slavonic within the framework of a small thesaurus Greek-Old Church Slavonic group with the semantics of ‘causing damage’. Greek one-word verbs of the active voice with the semantics of ‘causing damage’ can be rendered by verbal periphrases with the verbs *творити*, *сътворити*, *дыти*. Periphrases with the verbs *принати*, *принимати* serve to render the forms of the verbal paradigm of the same Greek one-word verbs but forms of the media-passive voice. The role of informatively compensating dependent words is played by “old” Slavic lexemes *обнада*, *врѣдъ*, *пакость*, *напастъ*, *огавнѣ*, inherited, most likely, from Proto-Slavic. The presented material indicates that verbal periphrases with the semantics of ‘causing damage’ were not the result of phraseological calquing of Greek or Latin counterparts but were formed on a proper Slavic basis.

Keywords: Old Church Slavonic language, lexical fund of the language, verbal periphrasis, Greek counterparts.

For citation: Valeriya S. Efimova. *обнаж сътворити ог обнадѣтн?* On the Position of Verbal Periphrases with the Semantics of ‘Causing Damage’ in the Old Church Slavonic Lexical Inventory // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 5. Pp. 79–91. DOI: 10.31857/S0869544X24050072, EDN: YTDUNG

1. В недавно опубликованной статье было показано, что в старославянских текстах имеет место передача одних и тех же греческих однословных глаголов как однословными глаголами, так и глагольными перифразами [Ефимова 2024]¹. В настоящей работе рассматривается вопрос о месте глагольных перифраз в старославянском лексическом инвентаре на примере анализа небольшой тезаурусной греческо-старославянской группы².

Наш анализ мы вынуждены предварить объяснением термина «глагольная перифраза», принятого в дальнейшем изложении. Наше понимание этого

¹ Следует отметить, что поводом для написания упомянутой статьи, а затем и дальнейших исследований, послужило утверждение А.М. Пентковского (ссылавшегося, в свою очередь, на мнение В.А. Погорелова [Погорелов 1925, 4]), что появление словосочетания *прѣлюбы творити* в старославянском Евангелии, а также и другие случаи передачи одного греческого слова двумя славянскими словами, обязаны влиянию латинского текста [Пентковский 2019, 79–80].

² Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах см. [Ефимова 2014]. В определении понятия «старославянский язык» придерживаемся концепции акад. Н.И. Толстого, согласно которой старославянский язык, существовавший во второй половине IX – начале XI в., являлся начальным этапом общего для всех славян литературного древнеславянского языка [Толстой 1988, 34–52].

термина восходит к представлениям Шарля Балли, впервые, видимо, и обратившего внимание на глагольные перифразы (*les périphrases verbales*) во французском языке, выделив их среди фразеологических сочетаний (*séries phraséologiques*) [Bally 1921, 66, 72–73]. Таким образом, «глагольная перифраза» в нашем понимании отражает глагол глубинной структуры в поверхностной структуре языка несколькословным наименованием. В современном русском языке глагольные перифразы представлены тяготеющими к канцелярско-деловому стилю фразеологическими сочетаниями (*оказать помощь/содействие/услугу, делать выбор* и мн. др.), в которых глагол претерпевает полную или частичную десемантизацию. Как отмечал в свое время Д.Н. Шмелев, собственное значение глагола во многих таких сочетаниях «сводится к роли грамматического аффикса — показателя глагольности», когда «*оказать помощь*» представляется (в синхронном плане) неким расщеплением глагола *помочь...*» (курсив автора. — В.Е.) [Шмелев 1964, 221–222]. Вместе с тем в литературе (и что особенно в данном случае важно, в литературе, посвященной греческому языку и его истории) распространено и более узкое понимание термина «глагольная перифраза» («*verbal periphrasis*») как глагольной формы, входящей в парадигму глагола ([Moser 1988; Bentein 2016] и др.)³. Как будет ясно из последующего изложения, анализу старославянского материала адекватно более широкое понимание термина «глагольная перифраза» («*verbal periphrasis*»), восходящее к представлениям Шарля Балли.

Основные старославянские словари⁴ и даже иногда Словарь Айцетмюллера—Садник 1955 г.⁵ отмечают устойчивые словосочетания с глаголами *творнѣти*, *сътворнѣти*, *дѣяти*, *сздѣяти*, *прнѣяти*, *прнмѣяти*, а также некоторыми другими глаголами, однако отмечают беспорядочно и несистемно. В 60-х — начале 70-х годов прошлого века глагольные словосочетания оказались в центре внимания М.М. Копыленко, изучавшего на материале древнерусских рукописей (в том числе и на материале древнерусских списков со старославянских протографов) фразеологическое калькирование [Копыленко 1961; 1969; 1971; 1973]. Целью М.М. Копыленко было выявить среди глагольных словосочетаний фразеологические кальки с греческих образцов. Следуя принятой в то время методологии исследований, он сопоставлял с греческим каждое конкретное обнаруженное в тексте словосочетание, опираясь на данные о наличии/отсутствии его в современных славянских языках, в результате чего он определил «как несомненные кальки следующие сочетания: *творити волж*, *прѣяти заповѣдь*, *прѣяти отвѣтъ*, *прѣстѣжити законъ*, *дрѣжати мѣсто*, *творити врьдъ* и *творити безаконіе*» [Копыленко 1969, 48]. Согласно нашим представлениям, такая методология исследований не приводит к адекватным выводам о применении книжниками фразеологического калькирования, и, следовательно, вопрос о происхождении глагольных перифраз в старославянском языке и их месте в старославянском лексическом инвентаре остается для нас открытым⁶.

³ Ср., например, у Амалии Мозеп: «An obvious criterion for the characterization of a form as periphrasis is its position to the verbal system. When a construction forms part of the system, there is no question that it is a periphrasis» [Moser 1988, 31].

⁴ SJS, CC, CP.

⁵ Aitzetmüller, Sadnik 1955.

⁶ Следует заметить, что в последние годы устойчивые словосочетания с глаголами (среди которых имеются и глагольные перифразы) стали интенсивно изучаться на материале древнерусских текстов ([Курлюта 2007; Шевелева 2019; Пименова 2020; Зайнулина 2020; Килина 2020] и др.), что, конечно, повышает актуальность исследований старославянского материала.

2.1. Попытаемся рассмотреть эти вопросы на примере анализа употребления в старославянских текстах однословных глаголов и глагольных перифраз в рамках небольшой тезаурусной греческо-старославянской группы с семантикой ‘причинение вреда’. Старославянский и греческий материал извлечем из ряда рукописей как входящих в «старославянский канон»⁷, так и восходящих к старославянским протографам (см. список источников), а также из их греческих оригиналов⁸.

Греческий материал в этой тезаурусной группе представлен в большинстве случаев однословными глаголами ἀδικεῖν (медиопассивом ἀδικεῖσθαι) и βλάπτειν (медиопассивом βλάπτεσθαι), реже однословными глаголами ἐνοχλεῖν, παρενοχλεῖν, ἐπηρεάζειν (медиопассивом ἐπηρεάζεσθαι), συκοφαντεῖν, κολαφίζειν, διασεῖν, πλῆσσειν, ἐπιπλήσσειν, λυμαίνεσθαι, τυραννεῖν, παραβλάπτειν, πολεμεῖν, πάσχειν.

Среди старославянских соответствий в этой группе имеем пары «однословный глагол – глагольная перифраза» ѡбнѣти – ѡбнѣ творити/сзтворити; вѣдѣти/вѣдѣти сѧ/вѣждѣти – вѣдѣ творити⁹. Ср., например:

Мт 20:13: Ἐταῖρε, οὐκ ἀδικῶ σε· οὐχὶ δηναρίου συνεφώνησάς μοι; (; – знак вопроса)

– друже не ѡбнѣдѣ тебе . не по пѣназоу ли сзвѣштахъ сѧ тобоѣ . Мар, Ас, Остр; ὃν ἀδικεῖν, εἰς τοῦτον κατάχρησαι τὴν φιланθρωπίαν

– емоу же ꙗко ѡбнѣдоу сзтворѣхъ томоу сзтворѣ ѡловѣколюбне . Изб 1073 85a1;

ἐπανίστανται ἡμῖν πολλάκις οἱ ποτε φίλοι ἢ καὶ ὑποχείριοι λοιδοροῦντες καὶ ἀδιοῦντες ἡμᾶς

– вѣстаѣтъ на нѣ многаѣхъ правнѣ друзѣхъ нахъ повннѣннѣхъ потѣзѣхъште н ѡбнѣдѣ нѣ творѣште . Изб 1073 191a26–27;

καταπλαγέντες ὅτι οὔτε ὅλως ἠδίκησεν αὐτὸν ἡ τοιαύτη βάσανος...

– оужасоша сѧ . ꙗко не вѣдѣхъ ꙗко нѣкакѡже таковаѧ мѣка . Супр 269:1 (Житие Ионы и Варахисия);

τί γὰρ ὑμᾶς βλάπτει τὰ γράμματα; (; – знак вопроса)

– что вѣ вѣдѣ творѣтъ пнсмена¹⁰. Супр 404:3 (Слово О зависти);

Μίμῃσαι τῆς μελίσσης τὸ ἰδιότροπον, ὅτι, οὐδενὶ λυμαινομένῃ, οὐδὲ καρπὸν ἄλλότριον διαφθείρουσα, τὰ κηρία συμπήγνυται.

– подражанъ бѣхъ еяна своѣкрѣмзства . нмѣ же нн комѣже вѣдѣ творѣшн . нн тоужаго плода не казешн . сзставѣѣтъ меѣвзми сзты . Шест 187d9.

Как видим, для перевода различных форм греческих однословных глаголов могут употребляться «с одинаковым успехом» и однословные старославянские глаголы, и глагольные перифразы. Глагольные перифразы с глаголами прѣнѣти, прѣнѣмѣти используются – наряду с однословными глаголами – для передачи греческих медиопассивов. Например:

Οὕτε γὰρ εὐφημούμενος κερδαίνει θεὸς οὔτε βλασφημούμενος βλάπτεται πάντως·

– не бо н хвалѣмъ прѣобрѣтаѣтъ что бѣ . нн коуѣмъ пакы вѣдѣ прѣѣмѣтъ . Шест 191b18–19;

⁷ Понятие «старославянский канон», широко используемое палеославистами, примерно совпадает с кругом рукописей, положенных в основы словников старославянских словарей [СС; Aitzetmüller, Sadnik 1955], а также известной монографии Р.М. Цейтлин о старославянской лексике [Цейтлин 1977].

⁸ Греческие оригиналы подобраны по изданиям [Robinson, Pierpont 2005; Merk 1984; Rahlfs 1952; Заимов, Капалдо 1982–1983; Frček 1933–1939; Sadnik 1967–1983; Aitzetmüller 1958–1971; Симеонов сборник 2015; Тотоманова 2022]. В поиске данных мы опирались как на собственные выписки из памятников, так и – в некоторой мере – на изданный первый том Пражского Греческо-старославянского индекса [RSI].

⁹ Интересны наблюдения М.И. Чернышевой на древнерусском материале о наличии семантики ‘причинение вреда’ у самого глагола творити [Чернышева 2019, 143–147].

εὐθέως τῶν λογισμῶν τὰς πλοκάς κινουῖσι, καὶ ἐπεισάγοθιν. Οὐκοῦν ἐτμήθη... οὐκοῦν ἐπαθε...

— то авнѣ н мѣсан поженуѣтѣ плешоуѣ н рекоуѣ . то разлогчнѣз се ѣстѣ н врѣдѣз прнѣлѣз . Шест 191b6—7.

Ср.: ταῖς θριξίν τὴν κεφαλὴν ὀροφώσας πρὸς τὸ μὴ βλάβτεσθαι ταῖς μεταβολαῖς τῶν ἁέρων...

— власѣ же главѣ покрьѣлѣ есн да не врѣднѣз са нзмѣненнемъ вѣтрѣз . Евх 7b11.

Таким образом, перифразы с глаголами прнѣтн, прннмѣтн служат для передачи форм глагольной парадигмы тех же самых греческих однословных глаголов, что и перифразы с глаголами творнѣтн и сзтворнѣтн, но только форм медиопассивных.

2.2. Однако наиболее употребительными глагольными перифразами с семантикой ‘причинение вреда’ в старославянских текстах оказываются перифразы со словом пакость — пакость/пакостн творнѣтн/сзтворнѣтн, пакость/пакостн дѣѣтн, пакость прнѣтн/прннмѣтн, которые фактически не имеют «партнеров» в виде однословных старославянских глаголов¹⁰. Этими перифразами переводятся не только глаголы βλάπτειν и ἀδικεῖν в значении ‘причинять вред’, но и другие глаголы, имеющие в своем семантическом спектре интересующее нас значение. Например, ἐνοχλεῖν:

μηδενὶ ἀνθρώπων ἐνοχλεῖν μήτε βλάπτειν...

— ннкомуѣже отѣ ѹловѣкѣз да не творнѣтѣ пакостн... Супр 37:12—13 (Житие Кона Исаурийского);

Евр 12:15: ἐπισκοποῦντες μὴ τις ὑστερῶν ἀπὸ τῆς χάριτος τοῦ θεοῦ· μὴ τις ῥίζα πικρίας ἄνω φύουσα ἐνοχλῇ, καὶ διὰ ταύτης μιανθῶσιν πολλοί·

— прнѣлюдающе . еда кто лнштѣ са ѡт бѣгѣдѣтн бѣжнѣ . еда кто корень горестн вѣспрь прозѣбаѣ . пакость сзтворнѣтѣ . н тѣмъ оскѣрнѣтѣ са мнози . Христ (... пакость творнѣтѣ ... Шиш);

ἐπιπλήσσειν:

1Тим 5:1: Πρεσβυτέρω μὴ ἐπιπλήξῃς, ἀλλὰ παρακάλει ὡς πατέρα·

— старцоу не творнѣ пакостн нѣ оутѣшѣн ѣко оца . Слепч 77v (... не сзтворнѣ пакостн ... Шиш).

κινδυνεύειν:

μὴ καθάπερ τροφῇ τῇ ὑπὲρ δύναμιν βαρηθέντες καὶ ἡλιακῷ φωτὶ σαθροτέραν ἔτι προσβαλλόντες τὴν ὄψιν, καὶ εἰς τὸ κατὰ δύναμιν κινδυνεύουσιν·

— да не акѣ брѣшнѣмъ ѣже вѣшѣ снѣзи отѣжѣѣвѣшѣ . н на сѣзнѣѣнѣзнн свѣтѣз бошняма оушнѣма вѣзнѣнѣшѣтѣ . н вѣ моушнѣнемъ пакость прннмоуѣтѣ . Изб 1073 221b5—6.

Глагольная перифраза пакость сзтворнѣтн в равной мере способна перевести как глагол βλάπτειν, так и ἀδικεῖν. Ср.:

Ἐὰν μὴ ἀφῆς τῷ ἐχθρῷ, οὐκ ἐκείνον ἠδίκησας, ἀλλὰ σαυτόν· ἐκείνον μὲν γὰρ πολλάκις εἰς τὸν παρόντα βίον ἐβλαψας· σαυτόν δὲ ἀσύγνωστον ἐποίησας πρὸς τὴν ἀπολογίαν εἰς τὴν μέλλουσαν ἡμέραν.

— аште не оставншн враждѣзи врагоу . не томоу бо пакость сзтворнѣ . нѣ паѣе себѣ . ономоу бо многѣкратѣз въ сен жнзнн пакость сзтворнѣ . нѣ н себѣ без многостн сзтворнѣ . оѣвѣтѣз вѣ сѣдѣзнн днь . Супр 422:19,21 (Слово О предательстве Иуды).

Есть в старославянских текстах и примеры употребления глагольной перифразы со словом пакость (пакостн) и глаголом дѣѣтн, относящейся, очевидно, к

¹⁰ Пражский словарь указывает производные от пакость глаголы пакостовати и пакостьствовати [SJS III, 5, 7], но они встречаются только в Беседах на Евангелие папы Григория Великого — памятнике XI в. богемского происхождения (сохранившегося в русских списках начиная с XIII в.). Таким образом, можно считать, что они фактически относятся к чешскому изводу церковнославянского языка.

менее продуктивной модели, чем глагольные перифразы с глаголом творѣти, так как глагольные перифразы с глаголом дѣяти вообще гораздо меньше распространены в старославянских текстах, чем глагольные перифразы с глаголом творѣти:

Мт 26:67: Τότε ἐνέπυσαν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ καὶ ἐκολάφισαν αὐτόν·

— тѣгда заплѣваш лице его . ѿ пакостн емоу дѣаша . Зогр, Мар, Сав 98а8, Остр

— пакостн... дѣахъ Ас, Сав 112а13–14;

2Кор 12:7: ἐδόθη μοι σκόλοψ τῇ σαρκί, ἄγγελος Σατᾶν, ἵνα με κολαφίσῃ, ἵνα μὴ ὑπεραίρωμαι.

— дастъ бо мн са пострѣкатель пѣти агѣз сотонннз . да мн пакостн дѣет (так!) да не прѣвзгношъ са . Слепч ббоб. (пакостн дѣетъ в Охр 36об.; пакостн дѣети в Христ, Струм, Шиш);

Νῦν οὖν τρεῖς εἰσὶν οἱ πολεμοῦντες ἡμᾶς· ὁ σατανᾶς καὶ ὁ δοῦξ καὶ ὁ ἡγεμὼν...

— нзына оубо трон сѣтъ пакостн дѣѣште намъ . сотона н доуѣз н воєвода... Супр 73:1–2 (Житие Сорока Севастийских мучеников).

Употреблена глагольная перифраза дѣяти пакостн и в Синайском евхологии: помнлоуи ѣка сего възпнѣшааго дѣношъ ... не дѣи емоу пакостн ни рѣкама . ни нѣгама . ни вѣсеому тѣлесн . Евх 36б10 (греческого нет или неизвестен).

2.3. Встречаются также в старославянских текстах глагольные перифразы с семантикой ‘причинение вреда’ и со словом напасть. На самом начальном этапе становления старославянского языка в переводе евангельского текста появляется глагольная перифраза творѣти напасть/напасти в виде образованного от нее с причастной формой несколькословного наименования лица творѣща напасть (вариант творѣща напасти). Старославянское наименование передает наименование лица в греческом оригинале в виде субстантивно употребленного причастия от глагола ἐπιτρεᾶζειν и, таким образом, номинирует один лингвистический концепт¹¹:

Мт 5:44: καλῶς ποιεῖτε τοῖς μισοῦσιν ὑμᾶς, καὶ προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπιτρεαζόντων ὑμᾶς, καὶ διωκόντων ὑμᾶς·

— добро творите ненавѣдѣшннмъ васъ . н молите . за творѣшта вамъ напасть . н нзгонаштаъ взи . Ас 33д, Остр

— ... ѿ молите . за творѣштаъ вамъ напасти . ѿ нзгонаштаъ взи . Зогр, Мар.

(«Влияние латинского текста» на образование глагольной перифразы исключается: *benefacite his qui oderunt vos, et orate pro persequentibus et calumniantibus vos.*)

Подобное несколькословное наименование лица с причастной формой, образованное от глагольной перифразы напасть дѣяти, встречается и в Синайском евхологии — при том, что, как уже было отмечено, глагольные перифразы с глаголом дѣяти вообще гораздо меньше распространены в старославянских текстах, чем глагольные перифразы с глаголом творѣти:

ходн по заповѣдемъ гнѣмъ прсно благовора напасть дѣѣшннмъ тебѣ . Евх 89б3 (греческого нет или неизвестен).

Однако глагольные перифразы со словом напасть с семантикой ‘причинение вреда’ встречаются гораздо реже, чем со словом пакость. Уже в переводе тетра в синоптическом Евангелии от Луки в стихе Л 6:28 субстантивированное

¹¹ О понятии лингвистического концепта применительно к старославянскому материалу и, в частности, о наименованиях с семантически недостаточными причастными формами, требующими информативно восполняющих зависимых слов, см. [Ефимова, Желязкова 2014, 35–39]. При анализе старославянских текстов мы имеем дело с «конкретными» концептами предметов (в широком смысле слова), признаков и действий, которые более традиционно можно было бы называть «стоящими за словами понятиями» (ср. [Верещагин, Костомаров 2005, 43–62]).

причастие от глагола ἐπιτρεᾶζειν передается несколькословным наименованием лица, образованным от глагольной перифразы творити обндѣж:

Л 6:28: εὐλογεῖτε τοὺς καταρωμένους ὑμῖν, προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπιτρεαζόντων ὑμᾶς.

— бл҃свите влзпнѣштаѣ взи . моанте са за творштаѣ вамз обндѣж . Зогр, Мар.

(«Влияние латинского текста» здесь также исключается: Benedicite maledicentibus vobis et orate pro calumniantibus vos.)

Отметим, что как и перифразы со словом пакость, перифразы со словом напасть не имеют «партнера» в виде однословного старославянского глагола с интересующим нас значением. Субстантивно употребленное причастие от производного от напасть глагола напастьствовати выглядит явной инновацией Саввиной книги:

Мт 5:44: добро творите ненавѣдѣшима васъ . и моантеж дѣйте о напастьствовѣж—щнхъ вамз . Сав.

Чаше слово напасть входит в глагольные словосочетания вѣз напасть/напаствн вѣзпаствн/вѣзпадѣти/вѣзнѣти, фразеологизировавшиеся в процессе их употребления. Однако в них проявляется не семантика ‘причинения вреда’, а семантика ‘искушения’, и такие словосочетания появились, скорее всего, под влиянием греческих оригиналов (возможно, в результате фразеологического калькирования). Ср.:

Καὶν εἰς ἐπιβουλὰς ἐμπέσῃς...

— аште н вѣз напаствн вѣзпадѣшн . Супр 383:6 (Слово О толковании Евангелия от Матфея);

Προσεύχεσθαι μὴ εἰσελθεῖν εἰς πειρασμόν·

— моантн са не вѣзнѣти вѣз напасть . ЗАриан 156a18.

Вместе с тем словосочетание вѣзпадѣти вѣз напасть может использоваться уже и качестве глагольной перифразы, примером чего является употребление в Синайском евхологии образованного от нее несколькословного наименования с причастной формой для передачи греческого субстантивно употребленного причастия:

ὁ τοῖς ἐπιτρεαζομένοις μέγας ἐπήκοος φανεῖς...

— авлен са вельмн послоушаѣ вѣзпадѣжщнхъ вѣз напасть . Евх 63b18.

2.4. Говоря о глагольных перифразах с семантикой ‘причинение вреда’, нельзя не упомянуть о перифразах — хотя и редко встречающихся — со словом огавнѣ. Глагольная перифраза огавнѣ творити употреблена в переводе Псалтыри, т.е. на самом начальном этапе становления старославянского языка:

Пс 34:13: ἐγὼ δὲ ἐν τῷ αὐτοῦς παρενοχλεῖν μοι ἐνεδυόμην οὐκ οὐκ

— азъ же вьнегда онн огавнѣ творѣахъ мн . облаучахъ (вм. -хъ) сѣ вѣ врѣтнще . Син.

Пражский словарь указывает на наличие глагольных перифраз огавнѣ творити и огавнѣ дѣятн в древнейших списках Кормчей — Устюжской XIII в. и Иоасафской XVI в.¹²

3. Во всех рассмотренных нами глагольных перифразах в этой тезаурусной греческо-старославянской группе с семантикой ‘причинение вреда’ роль информативно восполняющих зависимых слов выполняют «старые» славянские лексемы обндѣ, врѣдъ, пакость, напасть, огавнѣ, унаследованные, скорее всего, из праславянского [ЭССЯ 31, 47–48; ЭССЯ 40, 229; ЭССЯ 22, 208–209; ESJS 18, 1086; ESJS 10, 574]. Надо полагать, что эти и подобные им глагольные

¹² SJS II, 510.

перифразы восходят к свободным словосочетаниям, существовавшим в славянской народной речи и фразеологизировавшимся в процессе употребления с течением времени¹³. Разница между таким словосочетанием и глагольной перифразой состоит в том, что в словосочетании каждый компонент номинирует свой лингвистический концепт (т.е. сохраняется собственная семантика глагола), тогда как глагольная перифраза — один лингвистический концепт, что в случае сопоставления старославянских переводов с греческими оригиналами наглядно демонстрируется соотношением старославянских глагольных перифраз однословным греческим глаголам. Вместе с тем иногда природа старославянских глагольных перифраз «просвечивает» в некоторых примерах перевода, когда однословные греческие глаголы передаются книжниками именно словосочетаниями, прибавляющими — в сравнении с греческим оригиналом — дополнительный смысл путем использования определений к существительному. Ср.:

Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ ἡγεμὼν μηδὲν ἀδικηθέντας, ἐμμανὴς γενόμενος...

— мжунтель же видѣвъ сватаѹ . не прѣнмѣша вѣда нѣкакогоже . възвѣснѣз са ...
Супр 184:29 (Житие Терентия, Африкана и Помпия);

Ἐπὶ πρέσβί με γὰρ φησί, καὶ τὰ μέγιστα με ἐπλεονέκτησε.

— пакость бо мн рече сътвори велнкѹ . нъ зѣло ма прѣзнюорн . Супр 422:11–12
(Слово О предательстве Иуды);

καὶ αὐτὸς μὲν ἐβλάπτετο ἀναφέρων τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν ἐπὶ τὸ ξύλον τῷ σώματι αὐτοῦ...

— н тѣ же нѣкоѣ пакостн не прѣмааше възносѣ грѣхѹ наша на тѣлѣ своемъ .
Ариан 3, 160a17.

Представленный материал неопровержимо, как кажется, свидетельствует, что глагольные перифразы с семантикой ‘причинения вреда’ не были результатом фразеологического калькирования греческих (и тем более латинских) образцов, а были образованы на собственно славянской почве. Возможно, среди глагольных перифраз, рассмотренных в этой тезаурусной группе, наиболее «молодыми» являются перифразы со словом *овнда*, так как в обследованных текстах они имели только семантику ‘причинение вреда’. Вместе с тем в Изборнике 1073 г. неоднократно¹⁴ были отмечены различные формы глагола *овндѣти* в соответствии с глаголом *ἀθετεῖν* в значении ‘отвергать, устранять, делать недействительным’, которое, очевидно, ближе к исходному с этимологической точки зрения значению глагола *овндѣти*¹⁵. В первых славянских переводах, т.е. переводах Евангелия и Псалтыри, глагол *овндѣти* в этом значении не встречается. Характерно, однако, что при цитации в Изборнике 1073 г. евангельского стиха Л 10:16 перевод глагола *ἀθετεῖν* и образованного от него субстантивно употребленного причастия *ὁ ἀθετῶν* глаголом *отзмѣтати са* и образованным от него субстантивно употребленным причастием *отзмѣтаѹн са* последовательно заменяется переводом глаголом *овндѣти* и образованным от него субстантивно употребленным причастием *овндан*. Ср.:

Л 10:16: καὶ ὁ ἀθετῶν ὑμᾶς ἐμὲ ἀθετεῖ.

— ѿ *отзмѣтаѹн са* васъ . мене *са отзмѣтаетъ* . Зопр, Мар, Ас 129а, Сав 132а, Остр 231об.

¹³ Ср. сделанное в свое время В.В. Колесовым наблюдение о «формулах народного происхождения», которые сначала «ничем не отличаются от обычных оборотов речи» [Колесов 1989, 136–147]. Напомним, что исторически и некоторые формы, входящие в парадигмы глаголов, также восходят к некогда свободным словосочетаниям.

¹⁴ Изб 1073 45с67; 45b16; 55b13–14; 177d5; 189b20; 189b21; 192a22.

¹⁵ ЭССЯ 31, 48–51.

- н ОБНДАН ВАСЪ МЕНЕ ОБНДЪТЪ . Изб 1073 45с67;
- ОБНДАН ВАСЪ МЕНЕ ОБНДН . Изб 1073 189b20 и 21.

4. В заключение отметим, что наличие и количество глагольных перифраз данной тезаурусной греческо-старославянской группы в старославянских рукописях зависит как от их объема, так и от содержания. Так, в Синайской псалтыри употреблена только одна глагольная перифраза данной тезаурусной группы — огавнѣ творѣтн (Пс 34:13); в евангельском тексте только творѣщан напасть/напаств в Мт 5:44, творѣщан обнѣж в Л 6:28 и пакостн дѣятн в Мт 26:67; в Синайском евхологии дважды пакостн творѣтн (Евх 36b10 45b6 и 88b10), пакостн дѣятн (Евх 36b10) и напасть дѣятн (Евх 89b3, с причастной формой). В Супрасльской рукописи, достаточно большой по объему (285 листов), встречаются врѣдз творѣтн (Супр 404:3), прѣмѣтн врѣдз (Супр 185:1), обнѣж сътворѣтн (Супр 50,4–5), обнѣж прѣмѣтн (Супр 455:14), несколько раз пакостъ творѣтн/сътворѣтн (Супр 37:12–13; 113:15; 250:21–22; 422:19 и 21), пакостъ прѣмѣтн (Супр 179:7; 379:25), пакостн дѣятн (Супр 73:1–2); в большой по объему рукописи Изборника Святослава 1073 г. (266 листов) встречаются только обнѣж творѣтн (Изб 1073 191a26–27), обнѣж сътворѣтн (Изб 1073 85a1), пакостъ прѣмѣтн (Изб 1073 221b5–6). Также в большой по объему древнесербской рукописи Шестоднева Иоанна Экзарха 1263 г. (267 листов) из глагольных перефраз данной тезаурусной группы встречаются только врѣдз творѣтн (Шест 101b21; 103a21; 187d9), врѣдз прѣмѣтн (Шест 191b6–7; 191b18–19) и пакостн творѣтн (Шест 3a6; 178d23); в Богословии Иоанна Экзарха — только пакостъ прѣмѣтн (Бог 345a2–3) и врѣдз прѣмѣтн (Бог 31a4, но переводящая отглагольное прил. *παθητός* (!)). В Третьем слове против ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского дважды встречается глагольная перифраза пакостъ прѣмѣтн (Пенкова 2016: 14765; 16266), а в Первом слове (издано недавно [Тотоманова 2022]) глагольных перефраз данной тезаурусной группы мы не обнаружили. Также не были обнаружены глагольные перефразы данной тезаурусной группы в недавно изданном В.Б. Крысько и В. Хоком Мучении Ирины [Крысько 2021]. Таким образом, представление о месте глагольных перифраз в лексическом инвентаре старославянского языка является тем более верным, чем больше введено в научный оборот памятников, восходящих к старославянским протограммам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ариан 3 — Третье слово против ариан, русская рукопись 1489 г.
Ас — Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Бог — Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.
Зогр — Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Евх — Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Изб 1073 — Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.
Мар — Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Остр — Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.
Охр — Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Сав — Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Син — Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Слепч — Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.
СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 841 с.
СР — Старобългарски речник. София: «Валентин Траянов», 1999. Т. 1. 1028 с.; София: «Валентин Траянов», 2009. Т. 2. 1326 с.
Струм — Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Супр — Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

- Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
 Шиш – Шишатовский апостол, древнесербская рукопись 1324 г.
 Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 22 / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1995. 256 с.; Вып. 31 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 2005. 260 с.; Вып. 40 / под ред. А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 2016. 238 с.
 Aitzetmüller R., Sadnik L. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. Heidelberg: Carl Winter, 1955. 341p.
 ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 10. Praha: Academia, 2000; Seš. 18. Brno: Tribun EU, 2016.
 RSI – Řecko-staroslověnský index. Praha: Euroslavica, 2008–2014. Т. I. (Fask. 1–8.)
 SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Praha, Nakladatelství ČAV, 1958–1997. Т. I–IV.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.
 Ефимова В.С. Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 408–422.
 Ефимова В.С. К вопросу о происхождении старославянских глагольных перифраз с глаголами творити/сътворити, дѣяти/сѣдѣти // Славянское и балканское языкознание». Вып. 24: Палеославистика–5 / отв. ред. В.С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2024. С. 363–375.
 Ефимова В.С., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica. 38. 2014. № 3. С. 33–48.
 Заимов Й., Капалдо М. Супрасьски или Ретков сборник. София: Издательство БАН, 1982. Т. 1. 564 с.; София: Издательство БАН, 1983. Т. 2. 603 с.
 Зайнуллина С.Р. Устойчивые сочетания с глаголом *творити* в русских житийных текстах // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): Материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.). Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 34–36.
 Килина Л.Ф. Проблемы изучения устойчивых глагольно-именных сочетаний русского языка в диахроническом аспекте // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): Материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.). Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 36–38.
 Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. 296 с.
 Копыленко М.М. О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Глагольно-именные фразеологизмы) // Византийский временник. 1961. Т. 20. С. 164–183.
 Копыленко М.М. Опыт сопоставительного изучения фразеологических единиц типа *дать совет* в славянских языках // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 46–53.
 Копыленко М.М. О языке славянского перевода «Жития Нифонта» (Глагольно-именные фразеологизмы) // Византийский временник. 1971. Т. 31. С. 146–161.
 Копыленко М.М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский временник. 1973. Т. 34. С. 141–150.
 Крысько В.Б., Хок В. Мучение Ирины, Византийское житие в старославянском переводе: Издание. Исследование. Указатели. М.; СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2021. 344 с.
 Курлюта И.Н. Парадигма глаголов с общим значением «причинять, приносить» (на материале древнерусских текстов XI–XIV вв.) // Вестник Российского гос. университета им. И. Канта. Серия: Филологические науки. 2007. Вып. 6. С. 26–31.
 Пенкова П. Свети Атанасий Александрийски (Велики). Трето Слово против арианите. Изследване и издание на текста. София: Изд-во «Валентин Траянов», 2016. 544 с.
 Пентковский А.М. Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) – XI вв. // Наслеђе и стварање. Свети Пирило. Свети Сава: 869–1219–2019. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2019. Т. 1. С. 73–152.
 Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 7. С. 178–193.
 Погорелов В.А. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. I. Латинское влияние в переводе Евангелия. Bratislava, 1925 (Sborník Filosofické fakulty Un-ty Komenského. Roč. III. Čís. 32. (6.). S. 1–20).

- Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Изд-во БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.
- Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.
- Тотоманова А.-М., Христов И., Славова Т., Ганева Г., Пенкова П., Тотоманова-Панева М. Първо слово против арианите. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2022. Т. I. Издание на текста / Athanasius Alexandrinus. Oratio I contra arianos. T. I. Editio textus. I. 432 с.
- Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.
- Чернышева М.И. Новое прочтение словарных описаний // Славянская историческая лексикология и лексикография: Сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. Вып. 2. С. 143–150.
- Шевелёва М.Н. О древнерусском глаголе имѣти, посессивных конструкциях и сложном будущем с имамъ/иму в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.
- Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.
- Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Joannes // Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti. Graz, Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1958–1971. Т. I–VI.
- Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. Т. 1. 331 p.
- Bentein K. *Verbal Periphrasis in Ancient Greek: Have- and Be- Constructions*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 392 p.
- Frček J. *Euchologium Sinaiticum* // *Patrologia orientalis*. Paris, 1933, Т. XXIV; Paris, 1939, Т. XXV.
- Merk A.S.J. *Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum* edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae: Sumptibus Pontificii Instituti Biblici, 1984. 878 p.
- Moser A. *A History of the Perfect Periphrases in Greek*. PhD thesis. Cambridge: University of Cambridge, 1988. 313 p.
- Rahlfs A. *Septuaginta*. Ed. 5. Stuttgart: Privileg. Württ. Bibelanstalt, 1952. Vol. II. 943 p.
- Robinson M.A., Pierpont W.G. *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass., Chilton Book Publ., 2005. 587 p.
- Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / *Monumenta linguae slavicae*. Vol. V. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br, U.W. Weiher Publ., 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br, U.W. Weiher Publ., 1983.

Рукопись поступила в редакцию 12.03.2024

Рукопись принята к печати 20.04.2024

REFERENCES

- Aitzetmüller R. *Das Hexaemeron des Exarchen Joannes. Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. Graz, Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1958–1971, t. I–VI.
- Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, t. 1. 331 p.
- Bentein K. *Verbal Periphrasis in Ancient Greek: Have- and BeConstructions*. Oxford, Oxford University Press, 2016. 392 p.
- Ceitlin R.M. *Leksika staroslavianskogo iazyka: Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv.* Moscow, Nauka Publ., 1977. 336 p. (In Russ.)
- Chernysheva M.I. *Novoje prochtenije slovarnykh opisaniy. Slavianskaia istoricheskaja leksikologiya i leksikografiia: Sbornik nauchnykh trudov*, отв. ред. V.N. Kalinovskaia, I.A. Malysheva. St. Petersburg, Institut lingvistichekikh issledovaniy RAN, 2019, vyp. 2, pp. 143–150. (In Russ.)
- Efimova V.S. *Ob izuchenii staroslavianskoi leksiki v tezaurnykh grechesko-staroslavianskikh gruppakh. Slavianskii al'manakh 2013*. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 408–422. (In Russ.)
- Efimova V.S. *K voprosu o proiskhozhdenii staroslavianskikh glagol'nykh perifraz s glagolami tvoriti/sъtvoriti, dъяти/sъdъяти*. *Slavianskoje i balkanskoje iazykoznanije*, vyp. 24: *Paleoslavistika*–5, отв. ред. V.S. Efimova. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia Publ., 2024, pp. 363–375 (In Russ.)
- Efimova V.S., Zhelyazkova V. *Neskol'koslovnyje nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh. Palaebulgarica*, 38, 2014, no. 3, pp. 33–48. (In Russ.)
- Frček J. *Euchologium Sinaiticum. Patrologia orientalis*. Paris, 1933, t. XXIV; Paris, 1939, t. XXV.
- Kilina L.F. *Problemy izucheniia ustoichivykh glagol'no-imennykh sochetanii russkogo iazyka v diakhronicheskom aspekte. Frazheologiya i paremiologiya v diakhronii i sinkhronii (ot arkhazatsii k neologizatsii)*:

- Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kostroma, 24–25 sentiabria 2020 g.)*. Kostroma, Kostromskoi gos. un-t Publ., 2020, pp. 36–38. (In Russ.)
- Kolesov V.V. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk*. Leningrad, Izd-vo Leningrad. un-ta, 1989. 296 p. (In Russ.)
- Kopylenko M.M. O iazyke drevnerusskogo perevoda «Istorii Iudeiskoi voiny» Iosifa Flavii (Glagol'no-imennyye frazeologizmy). *Vizantiiskii vremennik*, 1961, t. 20, pp. 164–183. (In Russ.)
- Kopylenko M.M. Opyt sopostavitel'nogo izucheniia frazeologicheskikh jedinit tipa *dat' sovet* v slavianskikh iazykakh. *Voprosy iazykoznaniia*, 1969, no. 2, pp. 46–53. (In Russ.)
- Kopylenko M.M. O iazyke slavianskogo perevoda «Zhitiia Nifonta» (Glagol'no-imennyye frazeologizmy). *Vizantiiskii vremennik*, 1971, t. 31, pp. 146–161. (In Russ.)
- Kopylenko M.M. Kal'ki grecheskogo proiskhozhdeniia v iazyke drevnerusskoi pis'mennosti. *Vizantiiskii vremennik*, 1973, t. 34, pp. 141–150. (In Russ.)
- Krys'ko V.B., Khok V. *Muchenije Iriny, Vizantiiskoje zhitije v staroslavianskom perevode: Izdaniye. Issledovaniye. Ukazateli*. Moscow, St. Petersburg, Izd-vo «Nestor-Istoriia» Publ., 2021. 344 p. (In Russ.)
- Kurliuta I.N. Paradigma glagolov s obshchim znacheniem «prichiniat', prinosit'» (na materiale drevnerusskikh tekstov XI–XIV vv.). *Vestnik Rossiiskogo gos. universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologicheskije nauki*. 2007, vyp. 6, pp. 26–31. (In Russ.)
- Merk A.S.J. *Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S.J.* Ed. 10. Romae, Sumptibus Pontificii Instituti Biblici Publ., 1984. 878 p.
- Moser A. *A history of the perfect periphrases in Greek*. PhD thesis. Cambridge, University of Cambridge Publ., 1988. 313 p.
- Penkova P. *Sveti Atanasii Aleksandriiski (Veliki). Treto Slovo protiv arianite. Izsledvane i izdaniye na teksta*. Sofia, Izd-vo «Valentin Traianov» Publ., 2016. 544 p. (In Bulg.)
- Pentkovskii A.M. Slavianskii perevod Jevangelii i jeho ispol'zovanie v bogosluzhenii v IX (posl. tret') – XI vv. *Naslezhje i stvaranje. Sveti Hirilo. Sveti Sava: 869–1219–2019*. Beograd, Institut za srpski jjezik SANU Publ., 2019, t. 1, pp. 73–152. (In Russ.)
- Pimenova M.V. Leksikograficheskoje opisanije drevnerusskikh ustoichivyykh sochetanii slov (na materiale glagol'nykh oborotov). *Voprosy leksikografii*, 2020, no. 7, pp. 178–193. (In Russ.)
- Pogorelov V.A. *Iz nabliudeni v oblasti drevneslavianskoi perevodnoi literatury. I. Latinskoje vliianiye v perevode Jevangelii*. Bratislava, 1925 (Sbornik Filosofické fakulty Un-ty Komenského, roč. III, čís. 32 (6.)), pp. 1–20. (In Russ.)
- Rahlfs A. *Septuaginta*. Ed. 5. Stuttgart, Privileg. Württ. Bibelanstalt, 1952, vol. II. 943 p.
- Robinson M.A., Pierpont W.G. *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass., Chilton Book Publ., 2005. 587 p.
- Sadnik L. *Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / Monumenta linguae slavicae*, vol. V. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1967; vol. XIV. Freiburg i. Br, U.W. Weiher Publ., 1981; vol. XVI. Freiburg i. Br, U.W. Weiher Publ., 1983.
- Shevelëva M.N. O drevnerusskom glagole imieti, possessivnykh konstruktiiakh i slozhnom budushchem s имамъ/иму в ранних восточнославянских текстах. *Voprosy iazykoznaniia*, 2019, no. 6, pp. 32–50. (In Russ.)
- Shmelev D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo iazyka*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1964. 244 s. (In Russ.)
- Simeonov sbornik (po Svetoslavoviia prepis ot 1073). Sofia, Izd-vo BAN «Prof. Marin Drinov» Publ., 2015, t. 3: Gratski izvori. 1243 p. (In Bulg.)
- Tolstoi N.I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 237 p. (In Russ.)
- Totomanova A.-M., Khristov I., Slavova T., Ganeva G., Penkova P., Totomanova-Paneva M. *Parvo slovo protiv arianite*. Sofia, Universitetsko izd-vo «Sv. Kliment Okhridski» Publ., 2022, t. I: Izdaniye na teksta. Athanasius Alexandrinus. Oratio i contra arianos, t. I. Editio textus. I. 432 p. (In Bulg.)
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskije kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 509 p. (In Russ.)
- Zainullina S.R. Ustoichivyye sochetaniia s glagolom tvoriti v russkikh zhitiinykh tekstakh. *Frazeologiya i paremiologiya v diakhronii i sinkhronii (ot arkhazatsii k neologizatsii): Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kostroma, 24–25 sentiabria 2020 g.)*. Kostroma, Kostromskoi gos. un-t Publ., 2020, pp. 34–36. (In Russ.)
- Zaimov I., Kapaldo M. *Suprasalski ili Retkov sbornik*. Sofia, Izdatelstvo BAN Publ., 1982, t. 1. 564 p.; Sofia, Izdatelstvo BAN Publ., 1983, t. 2. 603 p. (In Bulg.)

Информация об авторе:

Ефимова Валерия Сергеевна

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом

Институт славяноведения Российской

академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5921-8475

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

Information about the author:

Valeriya S. Efimova

DSc. (Philology), Leading Researcher

Head of the Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of

Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5921-8475

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

Праславянское **rǫtъ*: реконструкция семантики и этимология

© 2024 г. М.Н. Саенко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

michail.sajenko@yandex.ru

Аннотация. Как о семантике, так и об этимологии праславянского слова **rǫtъ* был выдвинут целый ряд противоречащих друг другу гипотез. В статье подробно анализируются эти гипотезы. Доступный автору материал славянских письменных памятников и диалектов указывает на то, что древнейшим значением **rǫtъ*, вероятно, было ‘морда животного’. Среди этимологических гипотез наибольшего внимания заслуживают следующие: а) **rǫtъ* восходит к праиндоевропейскому **rutós*, причастию от глагола **ruH-* (> праслав. **ryti*); б) **rǫtъ* является собственно праславянским дериватом от **ryti* ‘рыть’, построенным по образцу модели **plyti* ‘плыть’ : *plǫtъ* ‘плот’; в) **rǫtъ* родственно глаголу **rypati*. Согласно приведенным в статье аргументам, наиболее вероятной выглядит вторая из этих гипотез.

Ключевые слова: праславянский язык, семантика, соматическая лексика, этимология.

Ссылка для цитирования: Саенко М.Н. Праславянское **rǫtъ*: реконструкция семантики и этимология // Славяноведение. 2024. № 5. С. 92–110. DOI: 10.31857/S0869544X24050087, EDN: YSTHQN

Proto-Slavic **rǫtъ*: Reconstruction of the Semantics and Etymology

© 2024. Mikhail N. Saenko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

michail.sajenko@yandex.ru

Abstract. A number of conflicting hypotheses about the semantics and etymology of the Proto-Slavic word **rǫtъ* have been put forward. This article provides a detailed analysis of these hypotheses. The available material from Slavic written monuments and dialects suggests that the earliest meaning of **rǫtъ* was likely ‘animal snout’. Among the etymological hypotheses, the following deserve the most attention: а) **rǫtъ* derives from Proto-Indo-European **rutós*, a participle of the verb **ruH-* (> Proto-Slavic **ryti*); б) **rǫtъ* is a proper Proto-Slavic derivative of **ryti* ‘to dig’, modelled after the pattern **plyti* ‘to float’ : *plǫtъ* ‘raft’; в) **rǫtъ* is related to the verb **rypati*. According to the arguments presented in the article, the second of these hypotheses appears to be the most probable.

Keywords: Proto-Slavic language, semantics, somatic vocabulary.

For citation: Mikhail N. Saenko. Proto-Slavic *rьtь: Reconstruction of the Semantics and Etymology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 5. Pp. 92–110. DOI: 10.31857/S0869544X24050087, EDN: YSTNHQ

1. Постановка задачи

В литературе можно найти следующие реконструкции семантики и этимологического значения праславянского *rьtь¹:

- ‘орудие, которым роют или рвут’ [Преображенский 2, 217];
- ‘выступ’ (‘projection’) [Lane 1933, 64];
- ‘лыжа’ [Sławski 2011, 501];
- ‘острый конец, острое; мыс; клюв; возвышение местности’ (‘szpic, ostrze; cypel, przylądek; dziób; wzniesienie terenu’) [Sławski 2011, 502];
- ‘выступающая часть предмета’ [Куркина 2021, 606];
- ‘выступ, острое возвышение’ > ‘клюв, губа, рот’ / ‘возвышенная часть местности (мыс, вершина горы)’ (‘Hervorragendes, spitz Emporstehendes’ > > ‘Schnabel, Lippe, Mund’ / ‘emporstehender Teil im Gelände (Landzuge, Bergspitze)’ [Schuster-Šewc 3, 208];
- ‘рот (первоначально, очевидно, ‘рот’ у животных)’ (‘рот (первісно, очевидно, ‘рот’ у тварин)’ [Німчук 1992, 310];
- ‘то, что возвышено, возвышенное место’ (‘kar je dvignjeno, dvignjeno mesto’) [Snoj 2016, 655];
- ‘то, что возвышено’ > ‘вершина, верхушка, нос (корабля)’ > ‘клюв’ > ‘рот, губа’ (‘co je zvednuto, vyvýšeno’ > ‘vrchol, špička, příd’ > ‘zobák’ > ‘ústa, ret’) [Rejzek 2001, 538];
- ‘нечто, выдвинутое вперед или вверх; острый кончик, верхушка чего-нибудь’ (‘coś wysuniętego ku przodowi lub ku górze, ostre zakończenie, ostry szpic, czubek czegoś’) [Boryś 2005, 352], (‘нешта высунатае наперад ці ўверх; вострае заканчанне, вяршыня чаго-нібудзь’) [ЭСБМ. Т. 11, 191–192];
- ‘острие, клюв’ (‘ostrze, dziób’) [Waniakowa 2008, 126];
- ‘рот; клюв’ (‘рот; дзьоб’) [ЕСУМ. Т. 5, 127];
- ‘выпуклость, острие’ (‘izbočina, oštrica’) [ERNJ 2, 308].

Далее попробуем определить, какие из этих гипотез находят наибольшую поддержку в материале.

2. Материал

2.1. Старославянский и церковнославянский

2.1.1. В «узком» каноне старославянских памятников присутствует лишь одна форма, которую часть исследователей идентифицирует как непосредственный континуант *rьtь. Речь идет о рѣть из Супрасльской рукописи (400, 16) в гомилии Иоанна Златоуста на Мф 12:14.

¹ Что касается ударения, в литературе можно столкнуться с отнесением этого слова к подвижной акцентуационной парадигме: *rьtь (с) [Скляренко 1998, 110], *rьtь (с) [ERNJ 2, 308]. Однако, согласно древнерусским данным, слово *rьtь относилось к акцентной парадигме (b) или (d), если соглашаться с выделением такой парадигмы. Так же себя ведут слова со схожей структурой – *plьtь, *krьtь и *sьtь [Зализняк 2019, 621–622]. Вероятно, в связи с этим фактом М. Сной реконструирует форму *rьtь [Snoj 2016, 655]. 3. Бабик в рамках своей концепции относит *rьtь к группе дериватов на *-to-, сохраняющих праиндоевропейскую окситонезу, характерную для nomina agentis (против баритонезы у nomina actionis, как в др.-греч. τομήс ‘режущий, острый’ vs. τόμος ‘ломтик, кусок’) [Babik 2012, 364–365].

Весь контекст звучит так: твоа жжа сжтъ грѣхѡвѣнии сѣжзи· твоа пленица сжтъ зависти· ѿ корабѣчиа вѣси· весла льсти· реть· лицемѣрство· прѣкладъ завистѣ· ливин· ѿ корабѣ тѣмаин зѣла плѣнѣ. Греческий оригинал выглядит следующим образом: οὗτοι οἱ σχοινίσματα εἰσι αἱ τῶν ἁμαρτημάτων σειραί, σοὶ ἐπιβάται εἰσὶν οἱ φθονεοὶ, ναῦται οἱ δαίμονες, κῶπαι οἱ δόλοι, αὐχὴν ἢ ὑπόκρισις, παρασαργίται οἱ φθονεοὶ. Ὡς πλοῖον μυρίων κακῶν! [Codex Suprasliensis].

По мнению ряда исследователей, перевод αὐχὴν ἢ ὑπόκρισις как *реть* *лицемѣрство* ошибочен, поскольку переводчик не понял, что αὐχὴν в данном контексте обозначает рукоятку кормила (см. набор значений греческого слова в [Liddel, Scott 1996, 285]) и вставил в текст свою версию.

Ф. Миклошич посчитал, что *реть* в данном случае стоит вместо *ръть*, включил данный контекст в соответствующую словарную статью под значение ‘prora’ (‘нос корабля’) и глоссировал греческим αὐχὴν и ‘sedes prorae edita’ из латинского перевода этого места Иоанна Златоуста [Miklosich 1977, 809]. Судя по логике этого решения, переводчик опирался на то, что первое значение αὐχὴν — ‘шея’, и подумал, что речь идет о носе корабля. Для перевода он выбрал слово *ръть*, которое в некоторых более поздних памятниках действительно обозначает нос судна. Переписчик Супрасльской рукописи якобы неверно понял текст и исправил **весла льсти· реть· лицемѣрство* «весла — хитрости, нос корабля — лицемерие» на *весла льсти· реть· лицемѣрство* «весла — хитрости, распря, лицемерие».

Такая версия была принята в словаре Садник и Айцетмюллера, где на основе приведенного выше контекста дается вокабула *ръть* (f.) ‘der erhöhte vordere bzw. rückwärtige Teil des Schiffes (αὐχὴν)’ [Sadnik, Aitzetmüller 1955, 115]. Совершенно то же самое мы находим в современном «Древнеболгарском словаре» — *ръть* ‘издигната предна [задна] част на кораб [образно]’ [СР. Т. 2, 630]. Близкая, хотя не идентичная словарная статья обнаруживается в пражском «Словаре старославянского языка»: *ръть* ‘нос (корабля)’ [SJS. D. 3, 655].

Иначе трактовал эту ситуацию А. Лескин. Он полагал, что слово *реть* изначально возникло в переводе потому, что переводчик спутал αὐχὴν с αἰχὴ ‘хвастовство, гордыня’ [Leskien 1910, 12]. Отметим, что само это существительное в греческих текстах довольно редко, но переводчик мог знать глагол, от которого оно произведено — αὐχέω ‘хвастаюсь’. Если учесть, что чуть ранее он ошибочно перевел ἐπιβάται ‘пассажиры’ как *пленица* ‘цепи’, такая путаница вполне вероятна. Однако старославянское *реть* значило не ‘хвастовство, гордыня’, но ‘рвение, усердие; соревнование; распря’ [SJS. D.3, 632]².

Р.М. Цейтлин также полагала, что *реть* из Супрасльской рукописи не следует отделять от других двух случаев, когда в старославянских памятниках встречается форма *реть* в значении ‘раздор, распря, спор; состязание, соревнование’ (Зографские листки, 2а, 22; Супр. 321, 1) [Цейтлин 1979; СтСл 1994, 580].

Наконец Т.А. Иванова указала на то, что это же место из гомилии Иоанна Златоуста в Успенском сборнике XII–XIII в. звучит как *рать* *лицемѣрство* (л. 199в, 25) [УС 1971, 333] и предположила, что Успенский сборник лучше отражает протограф. Слово *рать*, по мнению исследовательницы, обозначало румпель кормила, шире вообще ‘шест, рукоятка’, и сравнивать его следует с русскими историческими и диалектными обозначениями древка или рукоятки — *ратовище*, *ратище*, *ратанще*, *ратовье* [Иванова 1992, 76–77]. Слабым местом этой версии является то, что, кажется, ни в одном славянском языке не встречается

² О семантике слова *реть* смотри также статью [Мирчева 2017].

бессуфиксальных обозначений рукоятки, соответствующих *ратъ* из Успенского сборника (см. [Фасмер 3, 448; ЕСУМ. Т. 5, 30–31]).

Хотя гипотеза Ивановой небезукоризненна, необходимо признать, что форма *ратъ* из Успенского сборника существенно ослабляет позиции версии Миклошича, которая предлагает видеть в протографе *рътъ*. Если принять эту версию, нужно постулировать два независимых исправления, выполненных переписчиками: *рътъ* на *реть* в Супрасльской рукописи и *рътъ* на *ратъ* в Успенском сборнике.

Таким образом, наличие в старославянском *рътъ* ‘нос корабля’ весьма сомнительно. Однако слово *рътъ* как соматизм в старославянском было.

Об этом свидетельствует словосочетание *ротъ грѣбавъ*³ ‘загнутый клюв’, использованное при описании хищных птиц в Шестодневе Иоанна Экзарха (186b; ГИМ, Син. 213, сербский список, 1263 г.) в соответствии с греческим *χεῖλος ἄγκυλον* в оригинале [Aitzetmüller 5, 131]. То же самое — *ротъ горѣбавъ* мы находим и в восточнославянском списке этого памятника [Баранкова, Мильков 2001, 533], в то время как в болгарском списке ГИМ Син 35 это место подверглось порче — и *рѣдъ грѣбавъ* (л. 129б).

2.1.2. В одном из восточнославянских списков «Хроники Георгия Амартола» XVI в. греческое *ἀκροπόλις* скалькировано как *рътъ* града: *πλησίον οὐσης τῆς ἀκροπόλεως* — сущи искръ на *рътъ* града [Miklosich 1977, 808; Срезневский 3, 207].

В некоем сербском сборнике XVI века Ф. Миклошич встретил также значение ‘rostrum’, то есть ‘клюв’ [Miklosich 1977, 808]. В двух южнославянских рукописях (болгарский Номоканон XIII в., Пентатевх, сербская редакция, XVI в.) Миклошич также отметил значение ‘os’ (‘рот’) [Ibid., 808–809], однако без более подробных сведений эту информацию проверить затруднительно. Впрочем, как минимум в значении ‘рот свиньи’ это подтверждается следующим контекстом: *акы златъ оуѣкраъ свинни въ рѣтъ* (Слово св. Козмы Пресвитера на еретики, л. 509а; рукопись 1494 г., русский список) [Попруженко 1936, 25].

В некоторых сербско-церковнославянских списках Пролога *рътъ* употреблено в значении ‘нос корабля’ [Miklosich 1977, 809; Срезневский 3, 207], однако без более подробной информации сложно верифицировать эти сведения.

В «Беседах на книгу Бытия» Иоанна Златоуста (XV в., ГИМ Син. 36–37) при цитировании Быт 14:23 в качестве соответствия греч. *ἕως σφαιρωτῆρος ὑποδήματος* фигурирует до единого *ръта сапожнаго*⁴, на основе чего И.И. Срезневский приписал слову *рътъ* значение ‘ремень (?)’ [Срезневский 3, 207], однако на основании только греческого соответствия нельзя быть уверенным, что переводчик в данном случае вкладывал в *рътъ* именно такое значение, а не понял контекст по-своему, например, как ‘голенище сапога’.

2.2. Болгарский и македонский

Литературное болгарское *рът* значит ‘продолговатый холм’ (‘продълговат хълм; рид, бърдо, рътина’) [РБЕ]. Однако в юго-западных диалектах представлен и соматизм — *рот* ‘морда свиньи’ [БЕР. Т. 6, 329].

Македонское литературное *рѣт* означает ‘мыс’ (Тесен, истурен дел од копно што се дига во висина и се пружа во море и сл.) [ОДРМЈ], в говорах мы находим также *рот* ‘мыс’ (Пештани) [Stieber 1958, 285], *рот* ‘лицо’ (Корчанско, Костурско, Кичевско) [Дрвошанов 2005, 22; Шклифов 1977, 304].

³ Следует отметить неожиданный и требующий объяснения -о-вокализм этого слова. О македонских по происхождению формах с -о- из *ъ в сербских и хорватских рукописях см. [Вайан 2007, 47].

⁴ В церковнославянских списках книги Бытия можно найти следующие варианты: до възкоузы / встѣги / съоузы / свезы / звъзы сапожныа [Вілкул, Ніколаєв 2020, 174].

2.3. Сербохорватский и словенский

Хорватский RHiSJ определяет слова *rât* и *řt* как ‘острие, кончик; мыс’ [RHiSJ. Knj.13, 397–398; Knj.14, 203–204]. Те же или близкие значения находим в говорах: *p̃m* / *p̃m* ‘продолговатый холм’ [Стијовић 2014, 594]; *p̃m* ‘продолговатый холм с крутыми склонами’ [Богдановић 2008, 477]; *p̃m* ‘холм, невысокий склон’ [Златковић 2017, 880]; *p̃m* (gen.sg. *p̃ma*) ‘мыс, холм’ [Томић 1989, 131]; *p̃m* (в составе топонимов также *pam*) ‘мыс’ [Динић 2008, 721, 723]; *řt* (gen.sg. *řta*) ‘острие иглы’ [Kalsbeek 1998, 541]; *rt* ‘верхушка кучи зерна’ [Gusić 2004, 403].

Близкий набор значений находим в материалах ОЛА: ‘верх’ – *řt* / *vr̥s̥*⁵ (пункт 22, Жминь, Хорватия), *r̥:t* (44, Врбань, Хорватия), *ř:t* (68, Паковраче, Сербия), ‘лезвие, клинок (ножа)’ – *řt* (33, Бринье, Хорватия), ‘мыс’ – *r̥:t* (43, Трогир, Хорватия), *r̥:t* (56, Ластово, Хорватия, 65, Цавтат, Хорватия) [ОЛА ФГ. Вып. 46, 132].

Наконец в окрестностях Лики засвидетельствован дериват *řtve* ‘лыжи’ [RHiSJ. Knj. 14, 206].

Словарем современного словенского языка слово *řt* (gen.sg. *řta*) глоссируется как ‘мыс’, устар. ‘острие (копья)’ [SSKJ]. По мнению М. Сноя, значение ‘мыс’ скалькировано из сербохорватского [Snoj 2016, 655].

Словенско-немецкий словарь М. Плетишника конца XIX в. дает несколько более широкий набор значений: ‘острие (ножа, меча); вершина (скалы, горы); мыс; нос или корма корабля (в словаре Мегизера)’ [Pleteršnik 2, 441].

В костельском говоре *řt* зафиксировано в значении ‘холмик’ [Gregorič 2014, 389], однако это значение, по всей вероятности, возникло под хорватским влиянием.

В словенских говорах слово *rte*, или, чаще, в диминутивной форме *rtiče* известно в значении ‘сани’ – *ú:arte* (SLA 020), *artičà* (016), *artič* (195), *artiče* (198), *artiče* (206) [Jakop 2020, 111, 116–117].

2.4. Чешский и словацкий

В древнечешских текстах слово *ret* фиксируется начиная с XIV века в значении ‘губа’, причем известны формы и двойственного числа: *Aj toť sem sě dotekl tiemto rtú tvú* «Вот я коснулся этим губ твоих» (Proci rožmberští, рубеж XIV и XV вв., Národní knihovna České republiky, рукопись XVII D 33; Ис. 6:7) [StčTB].

В современном литературном чешском *ret* используется в том же значении, хотя в диалектах в значении ‘губа’ в настоящее время преобладает слово *pysk* [ОЛА ЛС. Вып.9, карта 17].

В словацких памятниках засвидетельствовано слово *ret* ‘губа’ [HSSJ 5, 54], которое, судя по фонетике, является богемизмом. Словарь словацкого литературного языка дает *ret* ‘губа’ с пометкой «поэтическое» [SSJ 3, 731].

Собственно словацкий семантический дрейф отражает диалектное *rata* (f.sg.), *raty* (f.pl.) и *reta* ‘изогнутый конец полозьев саней’ [SSN 3, 541].

2.5. Лужицкие языки

Верхнелужицкое *ert* означает ‘рот’, в нижнелужицком слово не сохранилось [Schuster-Šewc 3, 208].

2.6. Полабский и кашубский

В польских говорах форма *arty* записана в значении ‘лыжи’ (при *narty* в литературном языке) [SGP 2, 168].

Полабское *rât* глоссируется как ‘рот, морда (животного, о человеке пейоративно), нос (пейоративно)’ [SEJDP. Z.4, 631].

Кашубское *retk* значит ‘мыс на озере’, локально и вторично также ‘перешеек между двумя озерами’, ‘песчаная отмель’, ‘провал в дне водоема’, *retka* ‘углубление, вымытое волнами’ [Stieber 1958, 284; SEK. Т. 4, 179].

⁵ Данная форма, вероятно, объясняется как результат контаминации с *vrh*.

2.7. Восточнославянские языки

В древнерусском уже в довольно ранних рукописях *гѣтъ* имеет современное значение — ‘рот (человека и животного)’ [СДЯ. Т.10, 503–504]. В более поздних памятниках известен более широкий набор значений, включающий в себя ‘клюв’ (XV в.), ‘пасть крокодила’ (XVII в.), ‘мыс, коса’ (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII. Т. 22, 220].

Во множественном числе слово *рты* значило ‘лыжи’ [СлРЯ XI–XVII. Т.22, 224].

Слово *рот* является основным обозначением рта во всех трех современных литературных восточнославянских языках, а также преобладает в диалектах этих языков. Это яркая инновация, почти полностью совпадающая с восточно-западнославянской границей [ОЛА ЛС. Вып. 9, карта 16].

Отдельный интерес представляет рус. диал. *рты* ‘губы’ (тульск.) [СРНГ. Т. 35, 204].

В белорусских говорах можно найти форму *і́рты* ‘лыжи’ [Касьпяровіч 2011, 146; Бялькевіч 1970, 215] с характерным для белорусского протетическим *i-* перед консонантным кластером. Сюда же примыкает рус. орлов. *і́рты* ‘лыжи’ [СРНГ. Т. 12, 210].

2.8. Румынский

Интересующее нас слово было заимствовано из какого-то славянского языка (вероятнее всего, болгарского) в румынский в виде *rât* ‘морда свиньи’.

3. Производные

3.1. **obrъtъ*

В Хиландарских листках (1bα 5) обнаруживается глагол *оврътити сѧ* (φιόω) ‘замолчать’, в Супрасльской рукописи он же ошибочно переправлен — вместо *овръти сѧ* мы находим *оврати сѧ* (384, 3) [СтСл 1994, 398] в пассаже *и речеши ѿмѣлкни ѡбрати сѧ* в соответствии с греческим καὶ ἐρεῖς, Σιώλα, πεφίμωσο [Codex Suprasliensis]. Косвенно это может указывать на то, что в языке писца Супрасльской рукописи слово *гѣтъ* и производные от него уже были утрачены.

Глагол *оврътити сѧ*, а также невозвратная форма *оврътити* ‘обвязать морду животного’, которая встречается в памятниках широкого канона⁶ [SJS 2, 490] сопоставляют с русским диалектным *оброу́ить* ‘надеть на лошадь узду, обротать’ и производят от **obrъtъ* ‘узда’, которое в свою очередь является дериватом от **rъtъ* [ЭССЯ. Т. 29, 129, 131–132]. Континуанты **obrъtъ* сохранились преимущественно в восточнославянских языках, а отнесение к потомкам этого слова чешского *oprat’* и старословацкого *oprat* ‘поводок’, а также польского диалектного *obryć* ‘узда, уздечка’, как справедливо отмечает Ж.Ж. Варбот, весьма сомнительно [ЭССЯ. Т. 29, 131–132]. Однако старославянский глагол *оврътити сѧ*, а также польское диалектное *obretka* ‘узда, уздечка’ [Там же, 130] свидетельствуют о том, что **obrъtъ* ‘узда’ является словом праславянской древности.

3.2. *Артачиться*

Русскому литературному языку известен глагол *арта́читься* ‘не повиноваться наезднику; упрямыться’, в говорах также *рта́читься*. А.Е. Аникин восстанавливает в данном случае следующую цепочку: (о)рта́чить(ся) < *рѣта́чити ся < *рѣтачь ‘непослушный конь’ < *рѣтати или *рѣтити, которое соотносится со схр. *ārtati* (se) ‘лягаться, бросаться’ [Аникин 1, 295].

⁶ Христинопольский Апостол, XII век, русский извод; Слепчанский Апостол, XII век, болгарский извод; Шишатовский Апостол, XIV век, сербский извод. При этом не *оврътиши* исправлено на не *овратиши* в Охридском Апостоле (XII век, болгарский извод) и не *овратиши* в Струмицком Апостоле (XII век, болгарский извод) [SJS. D. 2, 490], что хорошо коррелирует с тем, что сказано выше о языке писца Супрасльской рукописи.

3.3. *narǫtь

На праславянскую древность может претендовать производное *narǫtь, среди потомков которого слвн. *nârt* ‘подъем ноги’, схр. *nàratak* ‘часть обуви, покрывающая переднюю часть, верх ступни; вязаная часть обуви, надеваемая поверх чулка; вид носков’ [ПСКН]. Кн. 14, 335], диал. *nàradak* ‘нижняя часть чулка, покрывающая стопу’ [Там же, 327], диал. *nàratka* ‘вид носков’ [Там же, 336], чеш. *nárt* ‘подъем ноги’, словц. диал. *nárt* ‘подъем ноги; верхняя часть обуви; нижняя часть поля’ [SSN], в.-луж. *narć* ‘подъем ноги; верхняя часть обуви, голенище’, н.-луж. *narś* ‘верхняя часть обуви’ [Schuster-Šewc 13, 990], др.-пол. *narty* (pl.t.) ‘союзки (нашивки на носок и подъем сапога) или ремни, которыми привязывают обувь к ногам; долина, поросшая лесом’ [SStp. Т. 5, 92], польск. *narta* ‘лыжа’, бел. *нарты* ‘нарты’, диал. *на́рты* ‘лыжи’ [СПЗБ 3, 176; Сцяшкови́ч 1972, 307], укр. *нарти* ‘нарты’, рус. *нарты*.

Развитие значения Х. Шустер-Шевц восстанавливал следующим образом: ‘Hervorstehendes, Erhebung, spitz’ > ‘Bergspitze; Oberfuß’ > ‘das auf dem Oberfuß befindliche Schuhleder, Verderschuh’ > ‘Schnürsohle, Sandalen’ > ‘Skier’ [Schuster-Šewc 13, 990]. Почти в том же виде это представлено в ЭССЯ: ‘острие, верх’ > ‘верх горы’ > ‘верх ноги’ > ‘зашнурованная нога, сандалия’ > ‘лыжи’ [ЭССЯ. Т. 23, 21–22].

4. Реконструкция семантики

Попробуем проанализировать распределение соматические значений континуантов *rǫtь в славянских языках.

Таблица 1. Соматические значения потомков *rǫtь

	клюв	морда животного	лицо	губа	рот
ст.-сл.	+	+			
ц.-сл.	+	+			
болг.		+			
мак.			+		
др.-чеш.				+	
чеш.				+	
в.-луж.					+
полаб.		+			+
др.-р.	+				+
бел.					+
укр.					+
рус.				+	+

Часть из этих значений узколокальна, потенциально на праславянскую древность могут претендовать только ‘морда животного’, ‘клюв’ и ‘рот’. Более широкую первоначальную распространенность значения ‘морда животного’ подтверждает наличие дериватов, в первую очередь *obrǫtь.

Учитывая, что основным праславянским обозначением рта человека было слово *usta, вряд ли *rǫtь использовалось в этом значении как нейтральное обозначение, но вполне могло применяться пейоративно.

Таблица 2. Несоматические значения потомков **гътъ*:

	нос или корма корабля	сани	конец полозьев	лыжи	мыс	верх холма, холм
ц.-сл.	+					
болг.						+
мак.					+	
схр.					+	+
слвн.	+	+			+	+
слвц.			+			
пол.				+		
каш.					+	
др.-р.				+		
бел.				+		
рус.				+		

Значение ‘холм’, вероятно, является, вторичным, поскольку в болгарском и сербском континуанты **гътъ* обозначают холм, как правило, продолговатый, что заставляет видеть здесь перенос ‘мыс’ > ‘холм’. По всей вероятности, эта инновация ограничена Южной Славией и нехарактерна для западно- и восточнославянских языков. Параллелью для такого дрейфа является непосредственно русское слово *мыс*, которое в говорах принимает также значения ‘возвышенность с очень крутыми склонами’, ‘горный отрог, пологий и невысокий’, ‘небольшая горка’, ‘вершина горы’, ‘возвышенное место, не покрытое лесом’ [СРНГ. Т. 19, 60]⁷. Единственным указанием на потенциально более широкое распространение значения ‘холм’ является топонимия: чешское *Rtyně*, словинское *Rtine* [Lorentz 2, 1517] / немецкое *Rotten*⁸ в Померании, русское *Свинорт* [Куркина 2021, 606]. В Польше имеется деревня *Retki* (Ловичский повят, Лодзинское воеводство) и *Retkinia* (в настоящее время часть Лодзи) [Stieber 1958, 285]. Однако неясно, насколько здесь следует доверять свидетельствам топонимии: деревня *Pomten* (*Петово*) расположена на берегу озера Гардно, нет уверенности, что название связано именно с холмом, а не с мысом. Для чешского *Rtyně* (три населенных пункта в северной Чехии) и польских *Retki*, *Retkinia* связь с холмом также неочевидна. В случае *Свинорт* первичной может быть форма *Свинорд*, возможно, скандинавского происхождения [Васильев 2012, 30].

Значение ‘мыс’ распространено несколько шире, но и оно представлено всего в двух ареалах: словенско-сербохорватском и кашубском. В этом случае можно предположить перенос с одного из представленных выше соматических значений. Аналогичные семантические дрейфы можно найти в нескольких случаях: англ. *headland* ‘мыс’, ит. *capo* ‘голова’ > ‘мыс’, тур. *burun* ‘нос, клюв’ > ‘мыс’⁹.

Словенское ‘сани’, вероятно, является результатом расширения значения ‘изогнутый конец полозьев саней’, зафиксированного в словацком, ср. близкие

⁷ Теоретически возможен дрейф и в обратную сторону, ср. греч. ἄκρον ‘вершина’, вторично также ‘мыс’.

⁸ После отхождения этой территории к Польше топоним был полонизирован в *Retowo*.

⁹ Бывают, конечно, дрейфы и в обратную сторону, например, бел. *мыса* ‘морда’ и рус. диал. *мыс* ‘рыбий нос со лбом, голова рыбы’, ‘голова палтуса’ [СРНГ. Т. 19, 60]. Близкий случай — литовское *žambas* ‘край, угол’ и *žamba* ‘морда’ [LKŽ].

примеры в русских говорах: терск. *полозья* ‘санки с высокими ручками для катания с горы’ [СРНГ. Т. 29, 104], смол. *полозки* ‘легкие санки’ [Там же, 105]. Здесь можно постулировать перенос с соматического значения, например, ‘морда’ > ‘передний (изогнутый) конец полозьев саней’, ср. параллельный пример русского диалектного *голова* ‘передняя часть саней, передок’, ‘передняя изогнутая часть полоза саней’ [Там же. Т. 6, 300]¹⁰.

Значение ‘нос или корма корабля’ также крайне ограничено ареально и, видимо, возникло в результате переноса соматизма, что является распространенным сценарием, ср. рус. *нос* (у человека и у корабля), пол. *dziób* ‘клюв’ > ‘нос корабля’, словц. *čelo* ‘лоб’ > ‘нос корабля’, лат. *rōstrum* ‘клюв, морда, рыло’ > ‘нос корабля’, тур. *burun* ‘нос’ > ‘нос корабля’, тур. *kıç* ‘задница’ > ‘корма’¹¹.

Сложнее ситуация с «лыжными» значениями. Нам кажется, что в данном случае правильное всего будет отталкиваться от **narъtъ*, которое, похоже, первоначально обозначало подъем ноги и/или часть обуви или одежды, покрывающую подъем ноги, что хорошо сохраняется в большинстве славянских языков. Если предположить, что слово **rъtъ* могло обозначать носок обуви с семантическим дрейфом из исходного значения ‘морда животного’¹², то **narъtъ* вполне логично объясняется как часть обуви над носком. На основании этого значения вполне мог состояться метонимический перенос на ремни, которыми привязывались к обуви лыжи, или крепления для этих ремней. Затем в рамках этой гипотезы в польском и восточнославянских языках произошел перенос на сами лыжи, в результате чего континуанты **narъtъ* вступили в конкурентные отношения с потомками слова **lъža*. В русском языке *нарты* не выдержали конкуренцию, и значение этого слова специализировалось: оно начало обозначать особые сани для езды на собаках или оленях. В польском произошла обратная ситуация: именно слово *narty* стало основным обозначением лыж, в то время как слово *łyżwy* сменило значение на ‘коньки’.

Этой схеме, казалось бы, противоречит то, что и непосредственно континуанты **rъtъ* могут обозначать лыжи в том же ареале: польский и восточнославянские языки. Однако, как кажется, такие формы представлены скорее маргинально по сравнению с широко распространенными *нарты/narty*. Для возникновения у потомков **rъtъ* значения ‘лыжа’ можно предложить следующий сценарий: иногда значение деривата переносится на производящее слово в дополнение к его исконному значению или же вместо него. В качестве примера можно привести рус. диал. *перст* / *перс* ‘наперсток’ [СРНГ. Т. 26, 290] или русское разговорное *уши* ‘наушники’.

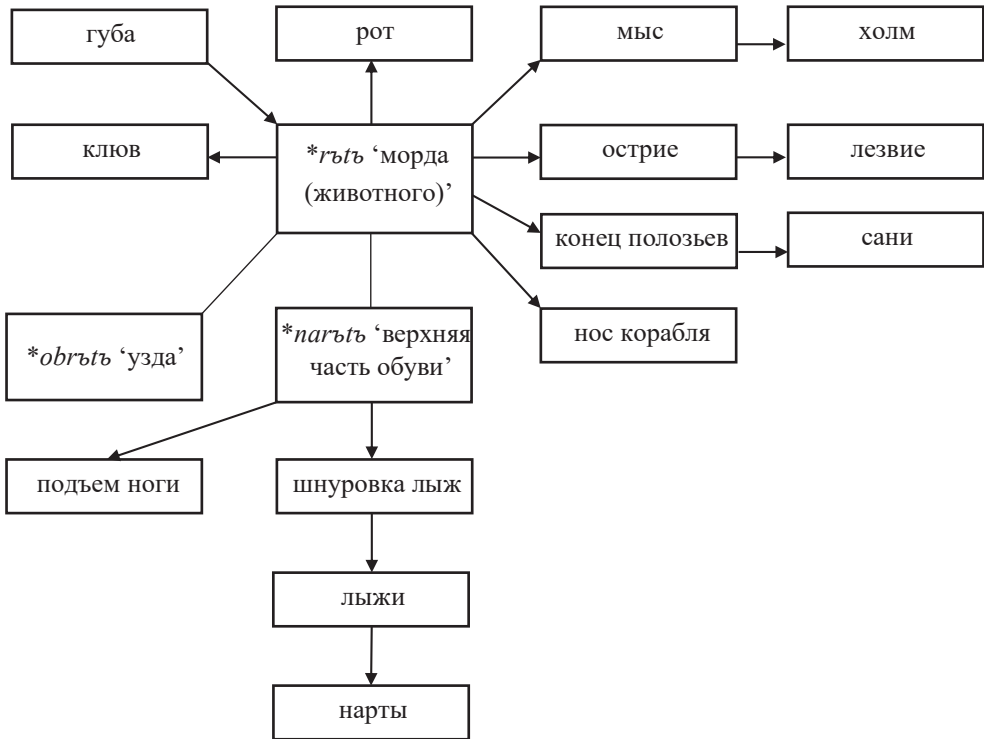
Таким образом, древнейшим значением **rъtъ*, вероятно, было ‘морда животного’, а производные **obrъtъ* и **rъtati* (se) указывают на то, что не в последнюю очередь **rъtъ* применялось к морде лошади.

¹⁰ В целом, как свидетельствует чеш. *sanice* ‘полоз саней’ > ‘нижняя челюсть’, возможен и обратный перенос, с части саней в сферу соматической лексики, но распределение значений у потомков праславянского **rъtъ* говорит о том, что «санные» значения скорее вторичны по отношению к соматическим.

¹¹ Справедливости ради упомянем, что бывают и переносы в обратную сторону, например, рус. *корма* ‘задняя часть корабля’ > ‘задница человека (пейоративно)’, англ. *stern* ‘корма’ > ‘задница’, ‘хвост’, но, кажется, это все же больше характерно для кормы корабля, чем для носа.

¹² В качестве частичных параллелей можно привести рус. *носок* (обуви), нидерл. *neus* ‘нос’ > ‘носок обуви’ [Мионов и др. 1987, 462–463], порт. *bico* ‘клюв; острие; рот (разг.)’ > *biqueira* ‘носок чулка или обуви’. Возможен, конечно, и дрейф из иной исходной точки, ср. рус. *мысок* (ботинка), но, кажется, в случае **rъtъ* «обувное» значение древнее «географического».

Попробуем представить все вышеописанные гипотезы в виде схемы:

5. Этимология

5.1. Обзор имеющихся версий

А. Матценауэр считал, что *ръtъ* восходит к праформе **artŭ*, и далее связывал с древнеперсидским *arta-*, которому чешский ученый приписывал значение 'высокий' [Matzenauer 1890, 199–200]. Такая реконструкция, конечно, противоречит современным представлениям об исторической фонетике.

А. Брюкнер пытался связать с польским *rota* 'присяга на суде' [Brückner 1985, 463–464], что тоже невозможно с фонетической точки зрения.

Й. Миккола выводил **rъtъ* из **rŭpt-*, сопоставляя со схр. *rŭpa*, слвн. *rŭpa* 'яма, провал', чеш. *rŭpat* 'рыть' и лат. *rumpō* 'рву' [Mikkola 3, 25].

В. Махек предложил сопоставление славянского слова с немецким *Rüssel* 'рыло (свиньи)' [Machek 1968, 513], это, однако противоречит тому, что немецкое слово выводят из корня **wrōt-a-* 'рыть' [Kluge 1989, 610].

Согласно старой и широко принятой версии, **rъtъ* следует сравнивать с глаголом **ryti* 'рыть' [Miklosich 1886, 285] и **rъwati* 'рвать' с этимологическим значением 'орудие, которым роют или рвут' [Преображенский 2, 217]. Однако можно возразить, что **ryti* восходит к корню с ларингалом — **ruH-*, таким образом, при деривации от этого корня ожидалась бы форма ***rytъ*, а не **rъtъ* [ERNJ 2, 308].

Я. Эндзелином было осторожно предложено сопоставление с лтш. *rutulis* 'круглый чурбак' [Mühlenbachs 3, 565]. Однако латышское слово родственно лит. *rutulys* 'шар, ядро', которое, в свою очередь, сложно отделять от *ritulys* 'сверток, клубок, шар', производного от глагола *risti* 'вращать'. В. Смочинский предложил видеть здесь нулевую ступень **r_t-* > **rut-* [Smoczyński 2007, 517],

однако *j в балтийских языках давал все же *ir / *ur. Возможно, логичнее считать это случаем межслоговой ассимиляции гласных *ritulỹs* > *rutulỹs*, тем более что такие примеры в балтийских языках есть: прабалт. **duuaj* > лтш. **duwi* > > *divi* ‘два’; прабалт. **žuuīs* > лтш. **zuwīs* > *zivs* ‘рыба’; прабалт. **suu-* > лтш. *sivēns* ‘поросенок’; прабалт. **uēkeras* > лит. *vākaras* ‘вечер’, лтш. *vakars* ‘id’; прабалт. **uēserā* > лит. *vāsara* ‘лето’, лтш. *vasara* ‘id’; лит. *mėdšarkė* и с ассимиляцией *mėdšerkė* ‘сорокопут’. Таким образом, если *rutulỹs* действительно связано с *ritulỹs*, оно вряд ли может быть родственно праславянскому **rěťb*.

Дж. Лейн предложил деривацию от индоевропейского глагольного корня **er-* (в современной реконструкции корня **h₃er-* ‘двигаться’) [Lane 1933, 64]. Эта версия была поддержана М. Сноем, который восстанавливает этимологическое значение ‘то, что поднято, возвышенное место’ [Snoj 2016, 655]. К недостаткам этой версии можно отнести то, что данный корень не сохранился в праславянском (а **rěťb*, по всей видимости, следует признать собственно славянским дериватом), его значение не очень хорошо соответствует восстанавливаемой для **rěťb* исходной семантике, а также то, что формант -*ěťb* крайне редок в праславянском; кажется, единственным надежным примером является **osěťb* ‘осот’¹³.

5.2. **rěťb* как «рыло»

Кажется, самыми привлекательными с точки зрения семантики являются версии, связывающие **rěťb* с **ryti* ‘рыть’ и **rypati*, поскольку есть славянские обозначения морд животных, которые восходят именно к этим глаголам: **ryti* > рус. *рыло* ‘морда животного, чаще всего свиньи’, укр. *рiло* ‘id’, бел. *рыла* ‘id’, болг. *рiло*, *рiлка* ‘id’, мак. *пило*, *пилка* ‘id’, схр. *rīlo* ‘id’, слвн. *rīlec* ‘id’; пол. *ryj* ‘рыло’; пол. диал. *ryl* ‘морда свиньи’ [MSGP 2010, 246]; чеш. *rypat* ‘рыть’ > *rypák* ‘рыло’; рус. диал. *рыпало* ‘лицо, морда’ [СРНГ. Т. 35, 313]. Аналогичные сдвиги можно наблюдать в случае исп. *hocicar* ‘рыть’ > *hocico* ‘рыло’, а также, как уже упоминалось выше, нем. *Rüssel* ‘рыло (свиньи)’.

5.3. **rěťb* как производное от **ryti*

Конечно, серьезным аргументом против деривации от **ryti* служит краткость гласного в корне слова **rěťb*. Действительно, производные на -t- от корней, когда-то заканчивавшихся на ларингал, долготу обычно сохраняют: **byti* > > **byťb* [ЭССЯ. Т. 3, 155–156], **myti* > **myťb* [Там же. Т. 21, 83–84]¹⁴.

Еще А. Вайан пытался снять это возражение, указывая на санскритское причастие *rutáḥ* от глагола *rávate* (перфект – *ruruvé*) ‘он ломается’, а также латинское причастие *dīrutus* от глагола *dīruō*, *dīruī* ‘разрушать’ [Vaillant 4, 681].

Однако санскритскую краткость иногда считают вторичной [LIV 2001, 510], а П. Схрейвер предпочитает видеть в латыни два корня: **HruH-* в *rūta* (*et*) *caesa* ‘вырытое и срубленное (минеральные и лесные богатства)’ и **Hru-* непосредственно в глаголе *ruō*, *ruī*, *rutum* ‘рушиться, обрушиваться, валиться’ [Schrijver 1991, 24, 234, 236]. Идея разделения двух *ruō* со взаимовлиянием в вокализме их дериватов поддержана в [de Vaan 2008, 530–531]. Подробный обзор мнений на этот счет см. в [Seldeslachts 2001, 126–133].

Если согласиться с идеей разделения праиндоевропейских корней **HruH-* и **Hru-*, то праславянское **rěťb* фонетически может восходить только ко второму из них, однако этот корень в праславянском не сохранился, следовательно

¹³ Иногда этот формант выделяют и в случае слова **krěťb* ‘крот’, у которого, однако, есть и альтернативная этимология, связывающая его с лит. *krutūs* ‘непоседливый’.

¹⁴ Стоит, однако, помнить о литовском *būtas* ‘квартира’, производном от *būti* ‘быть’ [Smoczyński 2007: 82].

слово *rѣтъ должно быть достаточно древним реликтом. Впрочем, это не означает, что от идеи о родстве *rѣтъ и *HruH- > *ryti следует автоматически отказываться.

Разница в вокализме между *ryti и *rѣтъ в некоторой степени напоминает ситуацию с другим глаголом — праслав. *plyti и его производных: *plѣтъ ‘плот’, *plѣтъ ‘плоть’ и *plѣty ‘плавник’ наряду с *plu’a ‘легкие’ и *pluta ‘поплавок’ [Саенко 2022b]. Для того, чтобы объяснить эту разницу, а также схожие колебания в других индоевропейских языках, исследователям приходится прибегать к серьезным ухищрениям, ср., например, [Fecht 2007].

Можно предположить, что по модели *plyti: *plѣтъ в праславянском было построено и соотношение *ryti: *rѣтъ.

Альтернативный сценарий — переразложение производного от *ryti глагола *rѣwati как *rѣ-wa-ti и использование для деривации получившейся новой формы корня *rѣ-. Тем не менее, данное предположение противоречит тому факту, что другие производные с корнем *rѣ-, по-видимому, неизвестны.

Наконец можно упомянуть о неясных случаях вторичного сокращения или удлинения гласного *и, в частности, *kъzъnъ [ЭССЯ. Т. 13, 249] при *kъzъnъ [Там же, 285], *lyžьka [Там же. Т. 17, 62–63] при *lъžьka [Там же, 7–8], *lѣтъka при *lytska [Саенко 2022a, 151], однако, в отличие от достоверно праславянского *rѣтъ, эти случаи распространены лишь локально и могут быть вторичными новообразованиями.

5.4. *rѣтъ как производное от *rypati

Вышеупомянутая этимология Микколы незаслуженно обойдена вниманием в научной литературе, и, думается, ее следует обсудить особо.

Праславянский глагол *rypati восстанавливается на основе следующих форм: болг. *рѣпам* ‘прыгать, подпрыгивать’, схр. диал. *ripati* ‘id’ [Skok 3, 145–146], чеш. *rypat* ‘ковырять, рыть; тыкать, толкать; задевать (словами)’ [SSJČ], слов. *rypat* ‘id’, в.-луж. *rypać*, н.-луж. *rypaś* ‘рыть (о свинье), ковырять’ [Schuster-Sewc 17, 1259], пол. разг. *rypać* ‘сильно бить, бросать; делать что-то с большим усилием; сказать открыто, напрямую; удивить чем-нибудь неприятным; совершать половой акт с женщиной’, *rypać się* ‘ошибаться; больно удариться; совершать половой акт’ [SJP], пол. диал. *rypać* ‘сбивать глину или штукатурку со стены’, *rypnąć* ‘упасть, опрокинуться’ [MSGP 2010, 246], рус. диал. *рыпать* ‘вести себя нагло, заносчиво, куражиться; ломаться, проявлять несговорчивость’, *рыпаться* ‘ходить взад-вперед, открывая и закрывая при этом двери; слоняться без дела’, *рыпнуться* ‘рвануться пойти куда-либо, сделать что-либо’ [СРНГ. Т. 35, 313–314], укр. *рипати* ‘часто отворять (дверь); часто ходить; шататься; пытаться предпринять что-нибудь; рыпаться’, бел. *рыпацца* ‘рыпаться’. Несмотря на частичное сходство семантики с континуантами *ryti, кажется, что слово *rypati все же обозначало некоторое интенсивное действие.

Далее *rypati сравнивают с лит. *raipti* ‘долбить’, *rūpėti* ‘заботиться’, лат. *rum-pō* ‘рвать, ломать’, *ruptus* ‘разорванный, сломанный’, санскр. *lumpāti* ‘он разрушает’, *rūpyati* ‘он ломает’, др.-сканд. *reyfa* ‘рвать’, все из п.-и.-е. *reup- ‘ломать, рвать’ [LIV 2010, 510–511]. Альтернативная гипотеза, согласно которой, *rypati образовано от *ryti при помощи суффикса -р- [Фасмер 3, 530; Schrijver 1991, 236; БЕР. Т. 6, 263] менее вероятна, поскольку литовский циркумфлекс в *raipti* говорит скорее против этого¹⁵. Еще менее состоятельны гипотезы об онома-топическом происхождении *rypati [Schuster-Sewc 17, 1259; БЕР. Т. 6, 263].

¹⁵ Славянский акут в производном от *rypati схр. *ripa* ‘дыра, яма’, слов. *ripa* ‘небольшая карстовая пещера’ непоказателен, ср. слов. *giba* «складка» от *gybati < *g^(u)eyb^h- [LIV 2001, 188].

Конечно, производной непосредственно от **rypati* форма **rѣтъ* быть не могла, поскольку формант **-tѣ* обычно образовывал имена от глаголов с атематическим инфинитивом на **-ti*, см. [SP. Т. 2, 35–38]. Однако определенную параллель можно найти в случае **pěstъ* – **pъxati*, где **pъxati* – вторичная форма, образованная от старого атематического глагола, ср. лит. *pisti* ‘coire’. Еще одна потенциальная параллель – возможная деривация **sѣтъ* (а.п. б) ‘соты’ от **suti*, **sypati* ‘сыпать’ < п.-и.-е. **seup-* (ср. лит. *sùpti* ‘качать’)¹⁶ [ESJS. D. 15, 932].

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о наличии корня **rѣp-* на ступени редукции в позднем праславянском. Известно несколько попыток такой реконструкции

Первая была сделана Ж.Ж. Варбот с опорой на болгарское диалектное (село Смолско) *rѣnam* (нсв.) / *rѣнна* (св.) [Варбот 2011, 342]. Однако этот глагол значит не просто ‘резать тупыми или выщербленными ножницами или серпом, резать плохо, неровно, с трудом из-за неумения или из-за плохих ножниц’, как его глоссирует Ж.Ж. Варбот, но, как эксплицитно указано в словаре говора села Смолско, на который опирается исследовательница, резать таким инструментом, который заедает и издаст звук ‘хрп’ (‘1) режа с изхабени или ошѣрбени ножици, с подобен сѣрп, които издават звук ‘хрп’ и запѣват. 2) не реже добре, а запѣва и издава звук ‘хрп’ (за изхабени ножици или сѣрп). 3) стрижа неравно поради неумение или по вина на ножиците’ [Кънчев 1968, 140]. Если учесть также то, что в данном говоре звук *х* выпадал в положении перед гласным или сонорным согласным [Кънчев 1968, 16–17], звукоподражательное происхождение глагола *rѣnam* / *rѣнна* становится очевидным.

Не убеждает также реконструкция глагола **šarъpati* ‘рвать, драть’¹⁷ с приставкой **ša-* [Варбот 2011, 342; Куркина 2021, 476; Orel 2, 776]. Этот глагол засвидетельствован лишь в весьма ограниченном ареале: пол. *szarpać*, чеш. диал. *šarpat*, словц. *šarpat’*, а также укр. *шарпати*, бел. *шарпаць*, рус. диал. *шарпать*, причем в восточнославянских языках это может быть полонизмом. Куда более вероятно его звукосемантическое происхождение, ср. *шаркать*, *шоркать*, *шорох* и т.д. [ЕСУМ. Т. 6, 385–386]¹⁸.

Еще одна попытка реконструкции **rѣp-* принадлежит Л.В. Куркиной, которая опирается на словн. *repěč* (= *ripěč*, *rupěč*) ‘о глазах взбешенного пса’, ст.-хорв. *repečiti* ‘гримасничать и сев.-чак. *repečiti* ‘надуваться; хвастать; важничать’ [Куркина 2021, 214]. Однако разнообразие вокализма первого слога в словенском *repěč* / *ripěč* / *rupěč*, а также в однокоренных *repečica* / *ripečica* и *repečina* / *ripečina* / *rupečina* [Pleteršnik 2, 418] наводит на мысль, что первое *-e-* в *repěč* может и не быть континуантом праславянского **ъ*, а объясняться как-либо иначе, межслоговой ассимиляцией гласных или диалектной редукцией. Форма *repěč*, судя по пометке «ogr.-С.», почерпнута ПлETERШНИКОМ у ЦАФА и относится к какому-то прекмурскому говору. К сожалению, неясно, к какому именно, но редукция кратких *i* и *u* в предударном слоге некоторым прекмурским говорам известна, ср. *seròŭta* и *držina* в деревне Град (пункт SLA 398) [SLA. D. 1, karti 122, 100] при словн. лит. *sirõta* ‘сирота’ и *družina* ‘семья’. Что

¹⁶ Альтернативная гипотеза о связи **sѣтъ* с **syтъ* «сытый» [ESJS. D. 15, 932; Куркина 2021, 25] менее вероятна по фонетическим причинам, если, конечно, принимать для **syтъ* реконструкцию **suHtos*.

¹⁷ М. Фурлан вычленяет в этом глаголе, как и в **rypati* суффикс *-pa-* [Bezljaj 4, 11], совершенно, на наш взгляд, безосновательно.

¹⁸ Внимания заслуживает также гипотеза В.Н. Топорова, который видел в слове *шарпать* балтизм [Топоров 4, 383–384].

касается хорватского *repećiti*, его сравнивают скорее со словенским *repēñiti se* ‘вести себя высокомерно; злиться’ [Bezljaj 3, 171–172].

Наконец третья гипотеза предлагает видеть **rъp-* в украинском глаголе *норпатися* ‘рыться, копаться; ковыряться; возиться’ [ЭСБМ. Т. 11, 240]. Однако для этого нужно отказаться от куда более надежной этимологии, выводящей данное слово из праславянского **рърпати* [Варбот 2011, 404; Boryś 2007, 687–688].

Таким образом, непосредственно в виде **rъp-* рассматриваемый корень в позднем праславянском, как кажется, не фигурировал.

5.5. Выводы об этимологии слова

Итак, наиболее заслуживающими внимания являются следующие гипотезы:

- а) **рътъ* восходит к праиндоевропейскому **rutós*, причастию от глагола **ruH-* (> праслав. **ryti*);
- б) **рътъ* является собственно праславянским дериватом от **ryti* ‘рыть’, построенным по образцу модели **plyti* ‘плыть’ : **plotъ* ‘плот’;
- в) **рътъ* родственно глаголу **rypati*.

К сожалению, опираясь исключительно на фонетику, сложно отдать предпочтение какой-либо из гипотез. Но на помощь нам приходит то соображение, что в качестве обозначения морды животного ожидалось бы скорее *nomen instrumenti* (‘то, чем роют’), чем *nomen actionis* (‘то, что вырыто’), так что из первой и второй гипотез предпочтение следует отдать второй.

Что касается родства с **rypati*, то следует отметить, что обе приведенные выше параллели все же не являются полными: слово **sътъ* ‘соты’ не *nomen instrumenti*, а **пѣстъ*, хоть и является самым настоящим *nomen instrumenti*, но имеет корень на полной ступени вокализма, в отличие от нулевой в **рътъ*.

Таким образом, вероятнее всего, праславянское слово **рътъ* ‘морда животного’ является производным от **ryti* ‘рыть’.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Богдановић Н. Земљописна и њој сродна лексика југоисточне Србије // Српски дијалектолошки зборник. 55. Београд: Чигоја штампа, 2008. С. 429–518.
- Бялькевич І.К. Краевы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. 512 с.
- Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. 921 с.
- Златковић Д. Допуна речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник. 64. Београд: Чигоја штампа, 2017. С. 603–993.
- Касьярович М.І. Віцебскі краевы слоўнік. Менск: Інстытут беларускай культуры, 2011. 372 с.
- Кънчев И. Говорът на село Смолско, Пирдопско // Българска диалектология. Книга IV / отг. редактор Ст. Стойков. София: Издателство на Българската академия на науките, 1968. С. 5–160.
- Миронов С.А., Белоусов В.О., Шечкова Л.С., Пирот Ж.И., Лукин Г.П. Нидерландско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987. 918 с.
- ОДРМЈ – Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk>
- РБЕ – Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/>
- РСКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–21. Београд, 1959–2019.
- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М.: Русский язык, 1988–2019.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.; СПб.: Наука, Нестор-История, 1975–2019.
- СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Томы 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893–1912.
- СР – Старобългарски речник. Т. 1–2. София: Валентин Траянов, 1999, 2009.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. М., СПб.: Наука, 1965–2019.
- Стијовић Р. Речник Васојевића. Београд: Чигоја штампа, 2014. 549 с.
- СтСл – Старославянский словарь. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

- Сцяшковіч Т.Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. 620 с.
- Томић М. Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. 35. Београд: Студио плус, 1989. С. 1–174.
- УС – Успенский сборник XII–XIII в. / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. 752 с.
- Шклифов Б. Речник на костурския говор // Българска диалектология. Книга VIII. София: Издае телство на Българската академия на науките, 1977. С. 201–328.
- Codex Suprasliensis. URL: <http://suprasliensis.obdurodon.org/>
- Gregorič J. Kostelski slovar. Ljubljana: Založba ZRC, 2014. 541 s.
- Gusić I., Gusić F. Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine. Zagreb, 2004. 577 s.
- HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka / red. M. Majtán et al. D. 1–7. Bratislava: Veda, 1991–2008.
- Kalsbeek J. The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1998. 608 p.
- Liddel H.G., Scott R.A. Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2041 p.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas. URL: <http://lkz.lt>
- Lorentz F. Slovinzisches Wörterbuch. Teile 1–2. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1908–1912.
- Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Aalen: Scientia Verlag, 1977. 1103 S.
- MSGP – Mały słownik gwar polskich. Kraków: Lexis, 2010. 366 s.
- Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Bd. 1–4. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932.
- Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. D. 1–2. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894, 1895.
- RHiSJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / obr. Đ. Daničić et al. Knj. 1–23. U Zagrebu: U knjižarnici Lavoslava Hartmana, 1880–1976.
- SGP – Słownik gwar polskich. Zesz. 1–33. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1979–2019.
- SJP – Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl>
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Díly 1–4. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958–1983.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. D. 1–6. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.
- SSJČ = Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz>
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga izdaja. URL: <http://www.fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2>
- SSN – Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994–2021.
- SStp – Słownik staropolski / red. nacz. S. Urbańczyk. T. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1953–2002.
- StčTB – Staročeská textová banka. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx>

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–17. М.; СПб.: Рукописные памятники древней Руси; Нестор-История, 2007–2023.
- Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетея, 2001. 972 с.
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1–8. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971–2017.
- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 440 с.
- Варбот Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб.: Нестор-История, 2011. 646 с.
- Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 814 с.
- Вікул Т.Л., Николаєв С.Л. Книга Буття. Давньослов'янський четій текст за списками XIV–XVI століть. Львів: Український католицький університет, 2020. 640 с.
- Дрвошанов В. Анатомска лексика за човекот во македонските говори. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2005. 280 с.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Зализняк А.А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: ЯСК, 2019. 872 с.
- Иванова Т.А. Старославянское реть – Супр. р. 400.16 // Славяноведение. 1992. № 6. С. 75–77.
- Куркина Л.В. Славянское слово во времени и пространстве. М.: Индрик, 2021. 832 с.

- Мирчева Е. Рать и реть в старобългарската книжнина и в историята на българския език // *Palaeobulgarica*. 2018. 61, 1. С. 3–22.
- Німчук В.В. Давньоруська спадщина в лексичі української мови. Київ: Наукова думка, 1992. 412 с.
- ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1–9; Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1–12. Београд; М.; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Скопје; Минск; Praha; Bratislava; СПб., 1988–2020.
- Попруженко М.Г. Козма Пресвитер, болгарский писатель X век. София: Придворна печатница, 1936. ССХСIX + 92 с.
- Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко; Издательство Академии наук СССР, 1910–1949.
- Саенко М.Н. Очерки по славянской соматической лексике. М.: Индрик, 2022а. 270 с.
- Саенко М.Н. История семантики континуантов праслав. *rътъ // *Славяноведение*. 2022b. № 5. С. 132–144.
- Склярченко В.Г. Праслов'янська акцентологія. Київ: Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні, 1998. 342 с.
- Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1–4. М.: ЯСК, 2004–2010.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Цейтлин Р.М. Из заметок по древнеболгарской лексикологии (др.-болг. реть) // *Исследования върху историята и диалектите на българския език*. София: Издателство на Българската академия на науките, 1979. С. 374–376.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Минск: Навука і тэхніка, 1978–2017.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–42. М.: Наука, 1974–2022.
- Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Johannes. Bd. 1–7. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1958–1975.
- Babik Z. Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne). Kraków, 2012. 558 s.
- Bežljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977–2005.
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 863 s.
- Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007. 750 s.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 806 s.
- ERHJ – Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1–2. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016, 2021.
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. D. 1–19. Praha; Brno: Academia, Tribun EU, 1989–2018.
- Fecht R. Lit. pláuti: aksl. pluti – eine Frage der Morphonologie // *Beiträge zur Morphologie*. Germanisch, Baltisch, Ostseefinnisch. Odense: University Press of Southern Denmark, 2007. S. 383–393.
- Jakop T. Izrazi za sani in smuči (po gradivu za Slovenski lingvistični atlas) // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 24. / gl. ur. M. Menac-Mihalić. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 2020. S. 107–142.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1989. 822 S.
- Lane G. Two Slavic Etymologies // *The American Journal of Philology*. 1933. Vol. 54, Issue 1. Pp. 64–65.
- Leskien A. Zur Kritik des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis II // *Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. 1910. 28. S. 3–26.
- LIV – Lexikon der indogermanischen Verben / unter Leitung von H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. 823 S.
- Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia, 1968. 866 s.
- Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // *Listy filologické*. 1890. Roč. 17. S. 161–200.
- Mikkola J. Urslavische Grammatik. Teile 1–3. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913–1950.
- Miklosich F. Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 547 S.
- Orel V. Russian Etymological Dictionary. Vol. 1–4. Calgary: Octavia & Co. Press, 2007–2011.
- Rejzek J. Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2001. 752 s.
- Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1955. 342 S.
- Schrijver P. The reflexes of Proto-Indo-European laryngeals in Latin. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1991. 616 p.
- Schuster-Sewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. H. 1–24. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.

- SEJDP – Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1994.
- SEK – Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1–6. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994–2010.
- Seldeslachts H. Études de morphologie historique du verbe latin et indo-européen. Louvain: Peeters, 2001. 194 p.
- Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1973.
- SLA – Slovenski lingvistični atlas. Dela 1–2. Ljubljana: Založba ZRC, 2011–2016.
- Sławski F. Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011. 670 s.
- Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno: Uniwersytet Wileński, 2007. 798 s.
- Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba ZRC, 2016. 1052 s.
- SP – Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001.
- Stieber Z. Kaszubski retk ‘przyładek’ // Język polski. 1958. 38, 4. S. 284–285.
- de Vaan M. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston: Brill, 2008. 825 p.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Tmes 1–5. Lyon, Paris: Editions IAC; Klincksieck, 1950–1977.
- Waniakowa J. Różnicowanie dialektalne Słowiańszczyzny na przykładzie nazw ‘ust’ i ‘warg’ // Rocznik Slawistyczny. 2008. T. 57. S. 127–136.

Рукопись поступила в редакцию 01.02.2024

Рукопись принята к печати 12.05.2024

REFERENCES

- Aitzetmüller R. *Das Hexaemeron des Exarchen Johannes*, bd 1–7. Graz, Akademische Druck- u. Verlagsanstalt Publ., 1958–1975.
- Anikin A.E. *Russkii etimologicheskii slovar'*, vyp. 1–17. Moscow; St. Petersburg, Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi; Nestor-Istoriia Publ., 2007–2023. (In Russ.)
- Babik Z. *Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne)*. Kraków, 2012. 558 p.
- Barankova G.S., Mil'kov V.V. *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001, 972 p. (In Russ.)
- Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*, knj. 1–5. Ljubljana, Mladinska knjiga, 1977–2005.
- Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 2005. 863 p.
- Boryś W. *Etymologie słowiańskie i polskie*. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007. 750 p.
- Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1985. 806 p.
- Bŭlgarski etimologichen rechnik*, t. 1–8. Sofiia: Izdatelstvo na Bŭlgarskata akademiia na naukite Publ., 1971–2017. (In Bulg.)
- Drvošanov V. *Anatomska leksika za čovekot vo makedonskite govori*. Skopje, Institut za makedonski jazik «Krste Misirkov», 2005, 280 p. (In Mac.)
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*, pod red. O.N. Trubachëva, A.F. Zhuravleva, Zh.Zh. Varbot, vyp. 1–42. Moscow, Nauka Publ., 1974–2022. (In Russ.)
- Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, sv. 1–2. Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje Publ., 2016, 2021.
- Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, d. 1–19. Praha; Brno, Academia, Tribun EU, 1989–2018.
- Etymolohichnyi slovnyk ukrains'koï movy*, t. 1–6. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1982–2012. (In Ukr.)
- Ėtymalahichny sloŭnik belaruskaj movy*, t. 1–14. Minsk, Navuka i tĕkhnika Publ., 1978–2017. (In Bel.)
- Fecht R. Lit. plāuti: aksl. pluti – eine Frage der Morphonologie. *Beiträge zur Morphologie. Germanisch, Baltisch, Ostseefinnisch*. Odense, University Press of Southern Denmark Publ., 2007, pp. 383–393.
- Ivanova T.A. Staroslavianskoje ret' – Supr. r. 400.16. *Slavianovedenije*, 1992, no. 6, pp. 75–77. (In Russ.)
- Jakop T. Izrazi za sani in smuči (po gradivu za Slovenski lingvistični atlas). *Hrvatski dijalektološki zbornik*, knj. 24, gl. ur. M. Menac-Mihalić. Zagreb, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 2020, pp. 107–142.
- Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 1989, 822 p.
- Kurkina L.V. *Slavianskoje slovo vo vremeni i prostranstve*. Moscow, Indrik Publ., 2021, 832 p. (In Russ.)
- Lane G. Two Slavic Etymologies. *The American Journal of Philology*, 1933, vol. 54, Issue 1, pp. 64–65.

- Leskien A. Zur Kritik des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis II. *Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, 1910, 28, pp. 3–26.
- Lexikon der indogermanischen Verben*, unter Leitung von H. Rix. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001, 823 p.
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, Academia Publ., 1968, 866 p.
- Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. *Listy filologické*, 1890, roč. 17, pp. 161–200.
- Mikkola J. *Urslavische Grammatik*, teile 1–3. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913–1950.
- Miklosich F. *Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, Wilhelm Braumüller, 1886, 547 p.
- Mircheva E. Rat' i ret' v starobŭlgarskata knizhnina i v istoriata na bŭlgarskiia ezik. *Palaeobulgarica*, 2018, 61, 1, pp. 3–22. (In Bulg.)
- Nimchuk V.V. *Davn'orus'ka spadshchyna v leksytsi ukrains'koï movy*. Kyïv, Naukova dumka Publ., 1992, 412 p. (In Ukr.)
- Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Serii fonetiko-grammaticheskai. Vyp. 1–9; Serii leksiko-slovoobrazovatel'naia*, vyp. 1–12. Beograd, Moscow; Wrocław, Warszawa, Kraków, Zagreb, Skopje, Minsk, Praha, Bratislava, St. Petersburg, 1988–2020. (In Russ.)
- Orel V. *Russian Etymological Dictionary*, vol. 1–4. Calgary, Octavia & Co. Press Publ., 2007–2011.
- Popruzhenko M.G. *Kozma Presviter, bolgarskii pisatel' X vek*. Sofia, Pridvorna pechatnitsa Publ., 1936. CCXCIX + 92 p. (In Russ.)
- Preobrazhenskii A.G. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, t. 1–3. Moscow, Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko; Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1910–1949. (In Russ.)
- Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Voznice, Leda Publ., 2001, 752 p.
- Sadnik L., Aitzetmüller R. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag Publ., 1955, 342 p.
- Saenko M.N. *Očerki po slavianskoi somaticheskoi leksike*. Moscow, Indrik Publ., 2022, 270 p. (In Russ.)
- Saenko M.N. Istoriia semantiki kontinuantov praslav. *rĕtъ. *Slavianovedeniye*, 2022, no. 5, pp. 132–144. (In Russ.)
- Schrijver P. *The reflexes of Proto-Indo-European laryngeals in Latin*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi Publ., 1991, 616 p.
- Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, h. 1–24. Bautzen, Domowina-Verlag Publ., 1978–1989.
- Seldeslachts H. *Études de morphologie historique du verbe latin et indo-européen*. Louvain, Peeters, 2001. 194 p.
- Skliarenko V.H. *Praslov'ians'ka aktsentolohiia*. Kyïv, Instytut movoznavstva im. O.O. Potebni Publ., 1998, 342 p. (In Ukr.)
- Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 1–3. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1971–1973.
- Slovník belaruskikh hovorak paŭnochna-zakhodniaŭ Belarusi i jaje pahraničcha*, t. 1–5. Minsk, Navuka i tĕkhnika Publ., 1979–1986. (In Bel.)
- Slovenski lingvistični atlas*, dela 1–2. Ljubljana, Založba ZRC Publ., 2011–2016.
- Sławski F. *Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska*. Kraków, Polska Akademia Umiejętności Publ., 2011, 670 p.
- Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich*, zes. 1–6. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1962–1994.
- Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*, t. 1–6. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy Publ., 1994–2010.
- Słownik prastłowiański*, t. 1–8. Wrocław Warszawa, Kraków, Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN Publ., 1974–2001.
- Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, Uniwersytet Wileński Publ., 2007, 798 p.
- Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, Založba ZRC Publ., 2016, 1052 p.
- Stiaschkovich T.F. *Materyialy da sloŭnika Hrodzenskaŭ voblasti*. Minsk, Navuka i tĕkhnika Publ., 1972, 620 p.
- Stieber Z. Kaszubski rekt 'przyładek'. *Język polski*, 1958, 38, 4, pp. 284–285.
- Toporov V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike*, t. 1–4. Moscow, IASK Publ., 2004–2010. (In Russ.)
- Tseitlin R.M. Iz zametok po drevnebolgarskoi leksikologii (dr.-bolg. ret'). *Izsledvaniia vŭrhu istoriata i dialektite na bŭlgarskiia ezik*. Sofia, Izdatelstvo na Bŭlgarskata akademiia na naukite Publ., 1979, pp. 374–376. (In Russ.)
- de Vaan M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2008, 825 p.
- Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves*, tomes 1–5. Lyon, Paris, Editions IAC Publ.; Klincksieck, 1950–1977.

- Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2007, 440 p. (In Russ.)
- Varbot Zh.Zh. *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, 646 p. (In Russ.)
- Vasil'jev V.L. *Slavianskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2012, 814 p. (In Russ.)
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, t. 1–4. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. (In Russ.)
- Vilkul T.L., Nikolaiev S.L. *Knyha Buttia. Davn'oslov'ians'kyi chetiĭ tekst za spyskamy XIV–XVI stolit'*. L'viv, Ukraĭns'kyi katolyts'kyi universytet Publ., 2020, 640 p. (In Ukr.)
- Waniakowa J. Zróźnicowanie dialektalne Słowiańszczyzny na przykładzie nazw 'ust' i 'warg'. *Rocznik Slawistyczny*, 2008, t. 57, pp. 127–136.
- Zalizniak A.A. *Drevnerusskoje udarenije: obshchije svedeniia i slovar'*. Moscow, IASK Publ., 2019, 872 p. (In Russ.)

Received on 01.02.2024

Accepted on 12.05.2024

Информация об авторе:

Саенко Михаил Николаевич
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5829-7527
E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

Information about the author:

Mikhail N. Saenko
PhD (Philology), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5829-7527
E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 5, с. 111–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 111–120

DOI: 10.31857/S0869544X24050098, EDN: YSSXDQ

Оригинальная статья / Original Article

«Память славян в словах»: К юбилею Ж.Ж. Варбот

© 2024 г. М.М. Валенцова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mvalent@mail.ru

Аннотация. Сообщение приурочено к юбилею известного российского этимолога, профессора Жанны Жановны Варбот, в нем анализируется четвертая книга ученого «Память славян в словах. Этимологические этюды». Отмечаются многочисленные достоинства труда, который включает статьи, объединенные в тематические разделы, например, «Семантика в этимологии», «Реконструкция и этимологизация праславянской лексики», «Этимологизация славянской лексики», «Этимологизация русской лексики». Среди статей есть и публиковавшиеся ранее в разных изданиях. Красной нитью в книге проходит мысль об особом значении диалектной лексики для выяснения происхождения слов, в частности, большое внимание автор уделяет русским диалектизмам, нередко играющим, как было показано на примерах, ключевую роль в этимологизации славянских слов и демонстрирующих их общеславянский характер. В отдельных случаях выдвигаемая автором этимология кажется дискуссионной, поэтому было предложено альтернативное мнение, например, для слов: болг. *смѣне са* или славон. *šetrica*.

Ключевые слова: славянская этимология, русская диалектная лексика, БЕР, этнолингвистика.

Ссылка для цитирования: Валенцова М.М. «Память славян в словах»: К юбилею Ж.Ж. Варбот // Славяноведение. 2024. № 5. С. 111–120. DOI: 10.31857/S0869544X24050098, EDN: YSSXDQ

«Memory Storage of the Slavs in Words»: To the Jubileum of Zh.Zh. Varbot

© 2024. Marina M. Valentsova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mvalent@mail.ru

Abstract. The paper is timed to coincide with the jubilee of the famous Russian etymologist, Professor Zhanna Zhanovna Varbot, and analyses the scientist's fourth book «Memory Storage of the Slavs in Words. Etymological Essays». Numerous merits of the work, which includes articles united in thematic sections, such as «Semantics in Etymology», «Reconstruction and Etymologisation of Proto-Slavic Lexicon»,

«Etymologisation of Slavic Lexicon», «Etymologisation of Russian Lexicon», are noted. Among the articles there are those published earlier in different editions. The idea of the special importance of dialectal lexicon for the elucidation of the origin of words runs through the book. In particular, the author pays much attention to Russian dialectisms, which often play a key role in the etymologisation of Slavic words and demonstrate their pan-Slavic character. In some cases, the etymology put forward by the author seems to be debatable, so an alternative opinion has been proposed, for example, for the words: *bolg. smîne ca* or *slavon. šetrica*.

Keywords: Slavic etymology, Russian dialectal lexicon, BER, ethnolinguistics.

For citation: Marina M. Valentsova. «Memory Storage of the Slavs in Words»: To the Jubileum of Zh.Zh. Varbot // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 5. Pp. 111–120. DOI: 10.31857/S0869544X24050098, EDN: YSSXDQ

Этимологию можно назвать матерью лингвистики, поскольку она выясняет происхождение (генезис) и показывает родство слов и языков, распределяет слова по родственным гнездам, описывает способы и типы порождения лексических единиц, как формы, так и их значений, и в целом «служит ключом к истории языка и этноса — его создателя и носителя» [Варбот 2023, 19]. Результаты этимологических разысканий применяются в сравнительно-исторических, сопоставительных, типологических, когнитивных, этнолингвистических, фразеологических и других видах исследований.

Именно поэтому книги и статьи одного из самых известных российских этимологов, доктора филологических наук, главного научного сотрудника и заведующего Отделом этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Жанны Жановны Варбот постоянно находятся в центре внимания специалистов разного профиля. Жанна Жановна — автор более 300 научных статей, докладов, тезисов, рецензий; один из основных авторов «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ) (и ответственный редактор выпусков 41 и 42; соредактор, совместно с А.Ф. Журавлевым, выпуска 40).

В прошлом году вышла четвертая монография Ж.Ж. Варбот — «Память славян в словах. Этимологические этюды», изданная Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Она включает статьи, написанные после 2012 г., т.е. после публикации предыдущей монографии автора «Исследования по русской и славянской этимологии». Большинство статей, вошедших в книгу, были опубликованы в разных, в том числе зарубежных, изданиях, но есть и не публиковавшиеся ранее работы. Статьи собраны в шесть тематических разделов: 1. Семантика в этимологии. 2. Некоторые аспекты структурной реконструкции праславянской лексики. 3. Реконструкция и этимологизация праславянской лексики. 4. Этимологизация славянской лексики. 5. Этимологизация русской лексики. 6. Приложения (в том числе указатель слов и библиография трудов автора). При этом автор признает отчасти условное распределение статей по разделам, учитывающее, скорее, преобладающие аспекты анализа и его результаты.

В качестве эпиграфа к книге взято высказывание В.Н. Топорова о том, что способ членения действительности с помощью языка, сами принципы номинации способны «реконструировать внутренний мир человека далеких эпох», а «этимология слова не меньше характеризует человека, чем предмет, названный этим словом». Этимологический анализ, представленный в книге, как отмечает

автор, отражает «славянское восприятие предметов и явлений окружающего мира, их свойств и связей, равно как и понимание характерных черт человека, его поведения» [Варбот 2023, 10].

Вводные части книги, озаглавленные: «Предисловие», «Этимология», «Народная этимология» — дают емкие определения и характеристики этимологии как науки, знакомят с происходящими в ней процессами; формулируют проблемы и задачи этимологических исследований на современном этапе; объясняют методы и приемы исследования; рассказывают о трудностях принятия некоторых решений. Свои мысли автор иллюстрирует примерами, делая их понятными также и для филологов непрофильных специальностей, и для широкого круга читателей, интересующихся происхождением слов; последние, между прочим, при чтении с удивлением узнают, что слово *зная* — производное от *знать*, *горе* — от *гореть*, что слова *начало* и *конец* являются родственными, и т.п. Один из разделов книги (более 40 страниц) целиком посвящен этимологизации русских слов, таких как *сиволапый*, *сбагрить*, *звено* и др.

В первом разделе, посвященном вопросам семантики в этимологии, Жанна Жановна обсуждает процесс семантических сдвигов и исторических изменений значения слова, подчеркивая, что необходимо учитывать отличия современных представлений о предметах и явлениях от соответствующих представлений древнего общества, которые и определяли первичную мотивацию наименований. Поэтому она не раз обращается к данным этнолингвистики как науки, занимающейся изучением связи языка и традиционной культуры. Часто без понимания реалий народной жизни невозможно понять мотивацию слов. Кроме того, этнолингвистика дает возможность проникнуть в сферу ментального, проясняя способ и направление мышления каждого народа, ассоциативные связи при номинациях и многое другое.

Ж.Ж. Варбот обращается к этнолингвистическим данным, например, при этимологизации славянского **mьlčati* — **mьlknqti* для подтверждения своей гипотезы о связи значений ‘молчание’ и ‘неподвижность’ (учитывая «вывод о восприятии речи как движения» в [ЭССЯ, вып. 21, 103]). Ссылаясь на словарь «Славянские древности», она упоминает известную ритуальную функцию молчания как оберега и магического действия, усиливающего результат другого, физического, действия: в белорусском обычае после сильного припадка эпилепсии у ребенка домашние, пытаясь обмануть болезнь, замолкали и переставали двигаться по дому, а ребенка накрывали белым покрывалом, изображая его смерть [Варбот 2023, 36]. Можно было бы еще добавить в подтверждение мысли Жанны Жановны, что чеш. *mlklý*, словац. *mlkву* (кстати, последнее не только диалектное, это слово присутствует и в Словаре современного словацкого языка, и других словарях) имеют как ожидаемые значения молчания (разной интенсивности): ‘молчаливый’, ‘тихий, редко говорящий’, ‘немой’, так и, по терминологии Ж.Ж. Варбот, первичные значения: ‘слабый (о зерне), пустой, без зерна (о колосе), неразвившийся (о семени, зерне)’ [Варбот 2023, 34]. Упомынутые выше *mlklý*, *mlkву*, а также словац. *zamlklý*, *zmlklý* через значения ‘невсхожий, неродящий’ демонстрируют семантику метафорического умолкания-замираания-умирания (как и в белорусском лечебном обряде).

Для этнолингвистов представляет интерес исследование глагола *velkti* ‘волочить’ в терминологии славянского погребального обряда [Варбот 2023, 40–43]. Автором устанавливаются семантические модели названия кладбища, в одной из которых мотивирующими выступают названия возвышенных мест (нередко поросших лесом), куда волокут/несут/ташат тело умершего (бел. *гары́шча*, рус. *бѣжево*, *бор*, *во́лок*, *повоз*, *сутяга*); во второй модели названий кладбища — **grobъ*,

groby*, **grobišče*, **grobyŭky*, **grobyje* — мотивирующими выступает наименование могилы (grobo*). Эти два факта дают возможность возвести польское диалектное название гроба *vełk* к глаголу **velkti* [Варбот 2023, 42].

Одна из глав первого раздела посвящена оценке опыта историко-этимологического исследования лексико-семантических полей, полученного в рамках проводившегося Ж.Ж. Варбот в течение 1999–2013 гг. семинара по этимологии для студентов кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Работа целого ряда студентов-русистов была завершена дипломными и диссертационными сочинениями. Интересны приводимые Жанной Жановной количественные характеристики исследованных студентами и аспирантами полей. Так, даже при учете разного уровня проработки темы (полужирным выделены данные диссертационных исследований), показательными представляются различия в количестве составляющих эти поля слов: например, поле «насмешка» репрезентируют 210 слов; поле «ошибка» — 265; «лень» — 270; «клевета» — 310; **«судьба, счастье, удача»** — 330; **«присвоение чужого»** — 400; **«безумие»** — 500; «сходство» — 540; «страх» — 540; «множество» — 600; «колдовство» — 670; **«ругать(ся)»** — 850; «обман» — 1330; **«сила, здоровье/слабость, болезнь»** — 3000 [Варбот 2023, 62]. Несколько иным выглядит соотношение количества этимологических гнезд, производные которых формируют эти поля: «сходство» — 37 гнезд; **«присвоение чужого»** — 46; «колдовство» — 49; «насмешка» — 51; «ошибка» — 57; «клевета» — 62; **«судьба, счастье, удача»** — 68; **«безумие»** — 70; «страх» и «лень» — по 90; «обман» — 126; **«ругать(ся)»** — 184; **«сила, здоровье/слабость, болезнь»** — 476 [Варбот 2023, 64]. К сожалению, эта статистика не проиллюстрирована примерами, в то время как интересно было бы взглянуть на лексемный ряд или этимологические гнезда хотя бы одного из перечисленных семантических полей¹. Показательны и другие результаты работы участников семинара, например, представленность в этих полях отдельных этимологических гнезд (самое продуктивное — гнездо **ved-*), частеречная принадлежность слов, относящихся к разным полям, и т.п.

Во втором разделе книги, посвященном структурной реконструкции праславянской лексики, подняты важные теоретические вопросы этимологии, среди которых проблемы диалектных различий лексики в истории праславянского языка и вариантности современной диалектной лексики. Одним из важных аспектов этимологического анализа автор считает определение относительной хронологии реконструируемой праславянской лексики (среди приводимых примеров: рус. диал. *черв* ‘серп, коим жнут’, родств. лит. *kirvis* ‘топор’ — индоевропейское наследие; **mězgyr’b* ‘паук’ — праславянский диалектизм восточнославянских языков; праслав. *(*v*)*ęz(a)ti* представляют собой рефлексy и.-е. **angh-* ‘узкий, стягивать, связывать’ [Варбот 2023, 70, 89–91 и др.]. Прислального внимания этимологов требует и проблема морфологического перерасположения в истории праславянского языка. Отмечая, что такие основы редко включаются в словник праславянского словаря, Жанна Жановна упоминает **obagniti* (*se*) < **ob-* + **agniti* ‘окотиться (об овцах)’, **obačiti*², хотя последнее в Словаре не признается производным от **ačiti*, и некоторые другие. Автор определяет позиции, в которых перерасположение встречается чаще. Это, например,

¹ В Автореферате к своей диссертации ученица Ж.Ж. Варбот М.В. Турилова приводит следующие этимологические гнезда и их лексико-семантический вклад в поле «безумие»: **umъ* (85 лексем), **durъ* (28 лексем), **bězъ* (24 лексем), **rod-* (15 лексем), **ъd-* / **xod-* / **šd-* (14 лексем), **myrk-* (13 лексем), **saľъ(jb)* (12 лексем), **měšiti* (11 лексем), **diko(jb)* (10 лексем), **ryx-* / **ryx-* / **ryx* (9 лексем) [Турилова 2010, 6].

² ЭССЯ, вып. 26, 92–93, 91.

словообразовательная модель «производные от глагольных основ с суф. *-nq* и с префиксом *ob-*», фонетические процессы, в результате которых упрощаются группы согласных [Варбот 2023, 81, 86], и др. Эти типы Ж.Ж. Варбот дополняет новыми исследованными лексемами. Особого внимания, по ее мнению, заслуживает категория гапаксов, учитывая их важность для этимологических исследований и не только.

В третьем разделе монографии собраны авторские реконструкции и этимологии праславянской лексики, а также актуальные дополнения, уточнения и коррективы к предшествующим этимологическим версиям, как собственным, так и выдвигавшимся другими учеными (многие из них вошли ранее в ЭССЯ). При этом для реконструкции лексем праславянского языка автор широко использует диалектную лексику славянских языков, которая является также по преимуществу и предметом исследования в рецензируемой книге в целом. Автор не раз отмечает «ценность диалектной лексики как потенциального хранилища утраченных литературными языками слов, восходящих к различным периодам истории славянских языков, даже к праславянскому» [Варбот 2023, 138].

Например, Жанна Жановна убедительно показала, что слово *тина* (праслав. **tina*) следует возводить не к праслав. **timen-* ‘болото, грязь’ (как в этимологических словарях русского и украинского языков), а к праслав. **teti* ‘тянуть, плести’ в двух значениях — ‘волокнистое растение’ и ‘затягивающее (поверхность воды)’ [Варбот 2023, 105–106]. Дополнения русскими диалектными данными гнезда **sekti* ‘следовать’ убеждают в древности семантики ‘следить’, ‘понимать’, ‘заметить’, ‘ухаживать’ в русских словах *сечь*, *засечь*, *засекать* [Там же, 108]. Анализ праслав. **kras-* (рус. *красный*, *красивый*) показал, что вопреки преобладающему мнению об отнесении этого корня к и.-е. **ker-* / **k^her-* ‘гореть, жечь’, больше оснований возводить этот корень к глаголу **kresati* ‘сечь, тесать, рубить’ (так еще у Э. Бернекера), или лат. *creare* ‘создавать’ (так у О.Н. Трубачева) [Там же, 109–110]. В таком случае *красный* ‘красивый’ — от слав. **krasa* ‘совершенное по форме (вытесанное) изделие’, производного от **kresati* ‘обсекать, обтесывать’ встанет в один ряд со словами *лепный* — от *лепить*, *точенный* — от *точить*, рус. диал. *коварный* в значении ‘красивый, ладный’ — от *коварь* ‘кузнец’ [Там же, 111].

Русская диалектная лексика нередко сохраняет архаичную семантику, подтверждающую «генетическую принадлежность некоторых лексем к определенным праславянским этимологическим гнездам» или генетическое единство некоторых групп славянских лексем (как, например, ср.-урал. *видеть* ‘знать’ — к праслав. **vidēti* ‘видеть/знать’; новгор. *присяга* ‘фартук’ — к литер. *присяга*, гнездо **seg-* ‘доставать, касаться’). Используя русские диалектизмы, автор соотносит праслав. **strōk* (рус. *струк*, *стручок*) с и.-е. гнездом **trenk* ‘сдавливать’ (ср. рус. диал. *пристручить* ‘припугнуть, пригрозить’, *пристручило* [Варбот 2023, 117–119]).

Диалектные материалы, как пишет Ж.Ж. Варбот, «обеспечивают подтверждение общеславянского статуса многих праславянских лексем» и «не в последнюю очередь выявляют генетические связи праславянской лексики с другими индоевропейскими языками, сохранившиеся только на уровне диалектных гапаксов (= праславянских диалектизмов)» [Варбот 2023, 167]. В этом смысле интересны представленные в книге славянско-балтийская параллель (чеш. *klamol* ‘обломок, кусок’ и др.-прусс. *kalmus* ‘палка, пень’, лит. *kelmas* ‘пень, обрубок’, лтш. *celms*), дополненная диалектными русскими данными: влад., вологод. *колома́*, новг. *ко́лом* и др. [там же, 162–163]; и славяно-иранская параллель (структурная и семантическая близость праслав. **kórsta* и др.-иран.

**karasta*- ‘шкура, кожа’) [там же, 165]. Рус. арханг. *уклю́жины* ‘ребра’ дало возможность реконструировать праславянский диалектизм (сохранившийся в русском и лужицком) **kľudъ* и генетически отделить его от праслав. **kľudъ*/-ь ‘покой, порядок, красота’, вопреки мнению М. Фасмера и Г. Шустер-Шевца [Варбот 2023, 176]. Замечательный пример архаики в русской диалектной лексике — слово *хотцы́* ‘запруда из прутьев для ловли рыбы’, производное праславянского глагольного гнезда **xotěti* / **xьtěti* / **xytiti* / **xvatiti*, сочетающего значения ‘желать’ и ‘брать’; этимологами отмечается, что значения в этом гнезде «распределены по глагольным основам, так что **xotěti* / **xьtěti* имеют лишь семантику желания»; в русском же диалектизме *хотцы* у этой основы представлено реликтовое значение ‘брать, хватать’ [там же, 180–181].

В четвертом разделе монографии разбираются спорные или «темные» слова из разных славянских языков: общеславянские **naprasъnъ*, **lubъ*; з.-слав. **toparka* / *toporka*, ст.-чеш. *trpočiti*, словен. **strniti* (*se*), бел. *збрэзь*, сербско-хорватские этимологии; приводятся дополнения к статьям этимологического словаря болгарского языка (БЕР), ценные дальнейшими размышлениями и новыми версиями, а также русские дополнения и комментарии к кашубским этимологиям.

Так, Ж.Ж. Варбот обосновывает славянскую этимологию болг. диал. (Странджа) *сѹтара* ‘плохая судьба’, предлагая производность этого существительного от праслав. **terti*; в БЕР слово толкуется как заимствование н.-гр. *σχοτοῦρα* ‘забота, тревога; головокружение, дурнота’ [Варбот 2023, 227]. Для слов *сѹра*, *сѹра* ж.р. и *сѹор* м.р. ‘ссора, брань, перебранка’ в БЕР принято толкование, возводящее его в конечном счете к и.-е. **s(u)er-* / **s(u)or-* ‘издавать голос’, которое Ж.Ж. Варбот считает семантически уязвимым. Приводя мнения Д. Шкарича и А. Вайяна о родстве слова *сѹора* с праслав. **sъrati*, а также многочисленные слова с тем же корнем в значении ‘ссориться, сердиться, сплетничать’ из разных славянских языков (рус. *рассе́ра*, *пересу́рать*, чеш. *na-sírat se*, словац. *nasrať sa*, *serem sa*), она считает эту версию наиболее убедительной [там же, 229].

Для болг. *смѣне са* ‘высыхать (о плодах); очень ослабеть (о человеке)’ Жанна Жановна поддержала предпочитаемую авторами БЕР одну из трех предложенных версий, а именно — от праслав. **myti*. Две другие возможности — от *мѣна* (< праслав. **minōti*), учитывая *премѣна* ‘(о плодах) перезреть’, и от *мин-* в *мѣнен* ‘маленький’ (к праслав. **minъjъ*) считаются ею вызывающими «некоторые сомнения» в связи с отсутствием фиксаций производных от этих основ с префиксом *с-* [Варбот 2023, 228]. При принятии этимона **myti* БЕР предполагает развитие значения: ‘очищаться мытьем, превращаться в кашу’ → ‘уменьшаться’ → ‘скорчиваться’, но в этом ряду справедливое сомнение у Ж.Ж. Варбот вызывает значение ‘превращаться в кашу’. Чтобы избежать этого значения, она приводит «русский материал, представляющий развитие в генетически тождественном с болгарским словом глаголе очень близкой (частично и тождественной) семантики: ср. русск. *смыть* ‘сделать чистым посредством мытья’ и русск. диал. *смыться* ‘укоротиться, сзиться, уменьшиться от стирки, сесть (о ткани, одежде)’ (киров., арханг.), в суеверных представлениях — ‘заболеть оттого, что белье больного стирали с бельем здорового’³» [Там же].

Представляется, однако, что этот русский материал семантически весьма далек от ‘сушеных плодов’, которые высыхают не от мытья (стирка релевантна только при усадке одежды), а от времени. То есть в данном случае более актуальной кажется семантика, содержащаяся во второй этимологической версии

³ СРНГ 39, 77.

БЕР — от праслав. **minŋti*, на что указывает и болг. *премѣна* ‘перезреть’. Также не подкрепляется русским диалектным материалом второе значение болгарского слова — ‘слабеть (о человеке)’, скорее всего, подразумевающего также и ‘хиреть, сохнуть’ (от болезни или от старости).

В таком случае в двух значениях болг. *смѣне са* можно видеть общую сему ‘сохнуть’: неубранные плоды, висящие на ветках, засыхают⁴, и человек, на которого «наслали» болезнь, со временем слабеет и сохнет. Однако версия, приводимая в СРНГ о передаче болезни через стирку белья больного вместе с бельем здоровых людей — лишь частный случай передачи болезни, причем достаточно редкий (поскольку запрет на такую стирку закреплён традицией). Гораздо более распространенными являются способы намеренной передачи болезней, в том числе неизвестных, от которых человек без видимой причины постепенно слабеет, угасает, высыхает, желтеет и может даже умереть. Среди этих способов — «подклады» (опасный магический предмет, подложенный под порог, на тропинку, где ходит человек), подброшенные на дорогу предметы, на которые была магически перенесена болезнь; вылитая на дорогу «нечистая» вода, например, оставшаяся после обмывания покойника, и др. [Плотникова 2009, 15].

В таком случае для значения ‘очень ослабеть (о человеке)’ у болгарского глагола также более актуальна семантика производных **minŋti*. Во-первых, это семантика перехода, переступания через «подклад» (значения ‘переходить’ для продолжений **minŋti* фиксируются для старославянского и македонского). Во-вторых, это семантика перехода (болезнь покидает одного человека и переходит/переносится на другого). Показательна также семантика некоторых продолжений **minŋti* — ‘скончаться, перестать существовать, умереть’ (с.-х. *минути*, чеш. *topouti*, пол. диал. *minąć* (*się*), др.-рус. *минути*, ст.-укр. *минутися*, бел. *минуцьца*, *мінуцьца*⁵, семантика, обозначающая закономерный результат ослабления человека. Формально, поскольку есть префиксальные образования типа *премина*, логично допустить возможность образований и с другими префиксами, в том числе префиксом *с-* (по крайней мере они есть в рус. диал. *сминовать* ‘избежать, спастись от кого, чего-л.’, *сминоваться* ‘пройти, окончиться, минуть’⁶).

Хотелось бы прокомментировать еще одну этимологию, предложенную в книге. Анализируя славон. *šetrica* ‘посуда для доения молока’, автор сближает это слово с *šätřica* ‘мелко растертое блюдо’ (еда) — на основе «физической сущности процесса доения — выдавливания молока путем трения» [Варбот 2023, 219; подробно семантические переходы рассмотрены на с. 145–146]. Однако выдаивание молока не предполагает трения⁷, при дойке речь идет о последовательном выжимании, выдавливании молока из сосков вымени путем перебора пальцев (т.е. скорее можно допустить семантику ‘жать, давить’, но не ‘тереть’). А вот к сближению с приводимым автором значением с.-х. диал. кайкав. *šatřiti*, *šatrâti* ‘колдовать’, с производным (?) *šatřije* ‘колдовство’ и словен. *šatratiti*, *šatřiti*

⁴ Кстати, это может быть сделано умышленно. Так готовят эксклюзивные сладкие сорта вина: оставляют гроздья винограда на лозе, пока они не высохнут или не промерзнут, или подсушивают их на солнце, потом из этих полусухих (заизюмленных) и/или замороженных ягод выдавливают сок и делают вина, называемые в Италии *appassimento* (appassimento), в Словакии — *ľadové* или *slamienkové víno*.

⁵ ЭССЯ, вып. 19, 52–53.

⁶ СРНГ 39, 17.

⁷ Способ доения «щипком», обычно у первотелок — когда пальцами, двигая их сверху вниз, выдавливают молоко из соска — является вынужденным, в связи с очень короткими сосками молодой коровы; его стараются не использовать, потому что он травмирует вымя.

‘колдовать’, пол. диал. *szatrzyc* ‘кое-что знать, уметь’ [Там же, 143, 144] стоит присмотреться. Тем более что, как пишет Жанна Жановна, в этимологической литературе нет определенного решения о происхождении этих слов.

По крайней мере для названия подойника *šetrica* можно предположить семантическую связь с колдовством и магией — на основании экстралингвистических данных. «Отбирание» молока — один из основных видов порчи и нанесения вреда ведьмой (соседская корова начинает доиться мало или доиться с кровью, а ведьмина корова дает молока вдвое больше обычного). Ведьма может магически воздействовать как на саму корову, так и на молочную посуду (ведро для доения) и цедилку (редкую материю или деревянное сито, через которые это молоко процеживают). Способы защиты от «отбирания» молока многочисленны. Возможно, для *šetrica* ближайшими родственными и мотивирующими словами могли бы быть признаны упомянутые выше с.-х. *šatriti*, *šatrāti* ‘колдовать’, а на более ранней стадии — корень, сохранившийся в западнославянских словах в виде ст.-чеш. *šetřiti* ‘смотреть, присматривать, заботиться’, словац. *šatrit’* и валаш. *šetřit’*, ‘смотреть, обращать внимание’ с дальнейшим развитием значения: ‘следить’, ‘избегать, защищаться’⁸, а также пол. диал. *szatrzyc* ‘кое-что знать, уметь’ [Там же, 144]. Вхождение этих глаголов в семантическое поле магии и колдовства обусловлено тем, что в традиционной культуре выслеживание, распознавание, узнавание ведьмы означало и ее обезвреживание, лишение магической силы, нивелировку ее вредоносных действий. Хотя и вообще следить за молочной посудой, ее чистотой и целостностью, полагалось тщательно.

Формально предложенная версия возможна, потому что: как указывала сама Ж.Ж. Варбот, с.-х. *šetrica* и слова, обозначающие колдовство, являются отглагольными производными [Там же, 146]; рассмотрение хорватских и чешско-моравско-словацких диалектов в одном поле возможно как в связи с позднепраславянским уровнем реконструкции этой группы слов, так и в связи с близкими генетическими, историческими и ареальными связями названных выше диалектов и культур их носителей (см. [Куркина 1992; Валенцова 2021]).

Конечно, у нас нет примеров, где названия молочной посуды мотивировались бы магическими действиями, слежением/наблюдением за ней ради оберега и противодействия колдовству. Но и мотивационных моделей, где бы названия подойника были производными от глаголов, обозначающих способ дойки или процесс доения (ср. рус. *дергать*, *тренькать*, *стрекать*, *тешить*, *выжимать* молоко из сосцов⁹), тоже нет. Обычные наименования — это либо названия емкостей — ведро, миска, *бадейка*, *кадушечка*, *жбан*, *ведёрник* — в том числе заимствованные в карпато-славянских диалектах *гелета*, *geleta* (< рум. *galeta* ‘ведро, миска’), либо специальное ведро для доения (рус. *подойник*, *дойник*, *дойное ведро*, *подойница*). Скорее всего, в разбираемом случае речь идет не о репрезентации какого-то типа номинации, а о семантическом гапаксе, возможно, и индивидуальном неологизме.

Наконец, пятый раздел книги посвящен этимологизации русской лексики. Предложены этимологии отдельных слов (*калякать*, *козырь* и *козырек*, *звено*, *кандибобер*), русские этимологии на словацко-чешском фоне (*розный*, *парень*), русские слова на славянском фоне (*багор* и *багрить*). Особое внимание уделено «нерегулярным изменениям и вторичным преобразованиям аналогического происхождения», вызывающим отклонения от закономерного

⁸ Machek 1957, 606.

⁹ Даль 1880, 467; 1882, 346, 439.

развития и затрудняющим этимологизацию лексики, а также семантическому взаимодействию паронимов в истории русской диалектной лексики, играющему существенную роль в сближении и смешении этимологических гнезд [Варбот 2023, 271, 275] — таковы слова из говоров района о. Селигер *выскодь*, *затёк*, *замуглить*, *меновать*, *мина*, *пязень* и из других диалектов (*нижа*, *зайка*, *бращить*, *пожа/нажа*). Случаи подобного рода полезны «для учета их типологии при этимологизации “темных” лексем» [Там же, 279].

Так, учитывая нерегулярное фонетическое изменение *св-* в *с-* (*сивальник* < *свивальник*, *сербеть* < *свербеть*) Ж.Ж. Варбот убедительно объяснила рус. *сиволапый* как восходящее к *свиволапый*, т.е. кривоногий, косолапый, что семантически более логично (значение слова *сиволапый* в говорах ‘грубый, неотесанный человек; неуклюжий, неловкий’), чем предлагавшиеся ранее этимологии, возводящие первую часть слова к *сиво-* (сивый) или *псиво-* (‘как у пса, паршивый’) [Там же, 283–285].

Новая книга Ж.Ж. Варбот представляет собой не только полезное, поучительное, но и интересное, приятное чтение. В ней можно подсмотреть картинки образа мира славянских народов сквозь призму происхождения слов. И очень отраднo, что с книгой сразу после публикации можно было ознакомиться на сайте Института русского языка РАН: <https://ruslang.ru/book/pamyat-slavyan-v-slovakh-etimologicheskie-etyudy>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Петербург; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1880. Т. 1; 1882. Т. 4.
СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2005. Вып. 39.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1992. Вып. 19; 1994. Вып. 21; 1999. Вып. 26.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Československá akademie věd, 1957.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валенцова М.М. Чешско-южнославянские этнолингвистические параллели // Исторический формат. 2021. № 4. С. 9–20.
Варбот Ж.Ж. Память славян в словах. Этимологические этюды. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2023. 360 с.
Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za filološke in literarne vede. Dela 38. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992.
Плотникова А.А. Переступать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 13–16.
Турилова М.В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010 (на правах рукописи).

Рукопись поступила в редакцию 12.12.2023

Рукопись принята к печати 25.02.2024

REFERENCES

- Kurkina L.V. *Dialektnaia struktura praslavianskogo iazyka po dannym iuzhnoslavianskoi leksiki*. Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za filološke in literarne vede. Dela 38, Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti Publ., 1992. (In Russ.)
Plotnikova A.A. *Perestupat'*. *Slavianskie drevnosti. Etimologicheskii slovar'*, pod obshchei red. N.I. Tolstogo, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, t. 4, pp. 13–16. (In Russ.)
Turilova M.V. *Geneticheskaia i motivatsionnaia kharakteristika leksiko-semanticheskogo polia «bezumije» v russkom iazyke*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk, Moscow, 2010 (na pravakh rukopisi). (In Russ.)

Valentsova M.M. Cheshsko-iuzhnoslavianskie etnolingvистические параллели. *Istoricheskii format*, 2021, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)

Varbot Zh.Zh. *Pamiat' slavian v slovakh. Etimologičeskije etiuđy*. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V. ViMnogradova RAN Publ., 2023. 360 s. (In Russ.)

Received on 12.12.2023

Accepted on 25.02.2024

Информация об авторе:

Валенцова Марина Михайловна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник

Институт славяноведения Российской
академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6541-4269

E-mail: mvalent@mail.ru

Information about the author:

Marina M. Valentsova

Information about the author:

PhD (Philology) Senior Researcher

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of
Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6541-4269

E-mail: mvalent@mail.ru

К столетию историка-полониста: Владимир Александрович Якубский

© 2024 г. Л.М. Аржакова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

l.arzhakova@inslav.ru

Аннотация. Статья посвящена видному отечественному историку, специалисту по истории Польши В.А. Якубскому (1924–2013). В контексте общей характеристики творческого наследия ученого показана четкая взаимосвязь между его социально-экономическими изысканиями и наблюдениями над общим ходом польской истории, включая наиболее дискуссионные вопросы. Подчеркнут вклад В.А. Якубского, совместно с Г.Е. Лебедевой, в создание коллективного портрета-образа кафедры истории Средних веков Ленинградского университета, в историографию истории отечественной полонистики. Особо акцентировано, что участие В.А. Якубского в претворении в жизнь крупных академических исследовательских проектов выступало свидетельством неразрывных научных связей ленинградской/петербургской славистики со славистикой московской.

Ключевые слова: В.А. Якубский, российская историческая полонистика, советская полонистика, славянская историография, кафедра истории Средних веков ЛГУ.

Ссылка для цитирования: Аржакова Л.М. К столетию историка-полониста: Владимир Александрович Якубский // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 121–135. DOI: 10.31857/S0869544X24050107, EDN: YSLVWZ

To the Centenary of the Polonist Historian: Vladimir Alexandrovich Yakubsky

© 2024. Larisa M. Arzhakova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

l.arzhakova@inslav.ru

Abstract. The article is devoted to the prominent Russian historian, specialist in the history of Poland Vladimir A. Yakubsky (1924–2013). In the context of the general characteristics of the scientist's creative heritage, a clear relationship between his social-economic research and observations on the general course of Polish history, including the most controversial issues, is shown. The contribution of V.A. Yakubsky, together with G.E. Lebedeva, to the creation of a collective portrait image of the Department

of the History of the Middle Ages of Leningrad University, to the historiography of the history of Russian studies of Polish history is emphasized. It is particularly emphasized that the participation of V.A. Yakubsky's involvement in the implementation of major academic research projects was evidence of the inextricable scientific connections between Leningrad-St. Petersburg Slavic studies and Moscow Slavic studies.

Keywords: V.A. Yakubsky, Russian historical polonistics, Soviet polonistics, Slavic historiography, Department of History of the Middle Ages of LSU.

For citation: Larisa M. Arzhakova. To the Centenary of the Polonist Historian: Vladimir Alexandrovich Yakubsky // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2024. No. 5. Pp. 121–135. DOI: 10.31857/S0869544X24050107, EDN: YSLVWZ

В середине декабря 2013 г. подготовка к предстоящему 23 января 2014 г. 90-летию юбилею известного советского и российского историка-полониста Владимира Александровича Якубского была приостановлена, точнее — приняла иные формы вследствие смерти ученого. Прощание с заслуженным работником высшей школы (1999), доктором исторических наук, профессором — и почетным профессором СПбГУ (2009), В.А. Якубским (23.01.1924—15.12.2013) проходило в Князь-Владимирском соборе Санкт-Петербурга. В последние годы жизни Владимир Александрович редко выбирался в родной университет, друзей и коллег радушно принимал у себя дома, а в тот декабрьский день повидаться с Владимиром Александровичем — и проститься, — уже не к нему домой, а в храм на Петроградской стороне, пришло много ленинградского/петербургского народу.

В 2024 г. Владимиру Александровичу Якубскому исполнилось бы 100 лет. Лишний повод вспомнить и сказать (пусть сознавая ограниченность сказанного) о Человеке и о деле его жизни.

В.А. Якубский принадлежал к тому опаленному войной поколению, стойкость и мужество которого были видны и в мирной жизни. Уроженец села Боярка, что вблизи Киева, с тринадцати лет Владимир Александрович вместе с родителями жил в Ленинграде, до конца своих дней сохранив привязанность и теплые чувства к родной украинской земле. Не успев окончить среднюю школу до войны, в 1942 г. он был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Кировскую область, откуда в августе 1942 г. его призвали в действующую армию.

Гвардии красноармеец В.А. Якубский был определен сапером (подрывником-минером) в инженерно-минную роту 22 гвардейской мотострелковой Фастовской Краснознаменной, Ордена Богдана Хмельницкого II степени и Ордена Суворова II степени бригады (сначала она входила в состав Брянского, а затем 1-го Украинского фронтов). Вместе со своей бригадой Владимир Александрович прошел боевой путь от Мценска до Берлина. Воевал на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в Киевской, Львовско-Сандомирской, Сандомирско-Силезской, Берлинской наступательных операциях. Не раз был награжден¹: медалью «За отвагу» (1943), Орденом Красной Звезды (1944), Орденом Славы III степени (1945), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), Орденом Отечественной войны

¹ Как четко было зафиксировано в наградных листах при описании боевых подвигов, гвардии красноармеец В.А. Якубский достоин правительственной награды — «за проявленную решительность», «за отважные и решительные действия», «за исключительную храбрость и самоотверженность», «за умело организованные действия в ходе выполнения полученного задания», «за мужество и героизм»...

I степени (1985). В одном из последних наградных листов военного времени (26.04.1945), где речь шла о форсировании Тельтов-канала, подчеркивалось: «Несмотря на сильный обстрел противником места переправы, гв[ардии]. кр-[асноармее]ц Якубский сделал 13 рейсов. Несколько раз лодка была пробита осколками, быстро заделывая пробоины, т. Якубский продолжал переправу пехоты. Получив легкое ранение, герой Якубский не ушел с переправы до тех пор, пока вся пехота не была переправлена. За умелую организацию переправы, за проявленные при этом мужество и героизм, гв[ардии]. кр-[асноармее]ц Якубский достоин правительственной награды — Ордена Ленина»².

За этим наградным листом последовало представление к награде от подразделения (датировано 29.06.1945), но в 1945 г. Владимир Александрович Орден Ленина не получил: при штурме Берлина он был тяжело ранен, следы раненого бойца затерялись. Орден Ленина, как и Орден Славы III степени, профессору В.А. Якубскому были торжественно вручены в 1983 г. — в Актовом зале Ленинградского университета...

Поневоле краткое обращение к деталям жизни и непростым обстоятельствам становления будущего ученого, есть лишь слабая попытка понять, какие люди приходили в науку после большой войны. В 1945 г. для В.А. Якубского все еще было впереди: продолжив лечение, он доучивался в вечерней школе, по окончании которой поступил в 1947 г. на исторический факультет Ленинградского государственного университета, избрав для себя специализацию по кафедре истории Средних веков. В ту пору на кафедре трудились такие видные ученые-медиевисты, как А.Д. Люблинская, О.Л. Вайнштейн³, М.А. Гуковский. Впоследствии В.А. Якубский называл своими учителями А.Д. Люблинскую, Б.Я. Рамма, В.В. Штокмар, Б.А. Романова.

Что касается славистики, на кафедре истории Средних веков она была представлена О.Е. Ивановой⁴, немало способствовавшей тому, чтобы славистическое направление стало неотъемлемой частью научно-учебного подразделения. Во многом ее же стараниями курс истории южных и западных славян в 1943 г. (в период пребывания университета в эвакуации) был включен в учебный план исторического факультета Ленинградского университета как обязательная дисциплина. Первую часть курса (Средние века) тогда читала О.Е. Иванова⁵, вторую часть (Новое и новейшее время) — У.А. Шустер и В.Н. Белановский. Впоследствии этот курс на истфаке многие годы вели В.А. Якубский (Средние века и раннее Новое время) и С.М. Стецкевич (Новое и новейшее время).

Известно, что после революционных гонений [Робинсон 2004] отечественное славяноведение, с конца 1930-х — в 1940-е годы вставшее на путь возрождения [Аксенова 1990; 2000; Досталь 2009; 2012], заметно активнее развивалось в Москве, чем в Ленинграде. В отличие от Москвы, где в 1939 г. в университете была открыта кафедра истории южных и западных славян, а в

² URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie46955878/

³ Об истории и традициях довоенной медиевистической кафедры Ленинградского (Петербургского) университета см. подробнее очерк О.Л. Вайнштейна, составленный в 1939 или 1940 гг., в бытность его зав. кафедрой (1935—1951 гг.): [Вайнштейн 2010].

⁴ В Российской национальной библиотеке, и в «Материалах для биобиблиографического словаря — Писательницы России» (сост. Ю.А. Горбунов), О.Е. Иванова указана как историк-методист.

Следует добавить, что О.Е. Иванова, специалист по аграрной истории Польши, трудилась на истфаке ЛГУ с 1936 г., на кафедре истории Средних веков, как явствует из формуляра штатного профессорско-преподавательского состава ЛГУ, с 1944 г. в должности доцента, кандидатская диссертация была ею защищена в 1943 г., когда университет находился в эвакуации в Саратове.

⁵ См. подробнее: [Лебедева 2004, 210].

Институте истории АН СССР – сектор славяноведения, на воссозданном в 1934 г. историческом факультете Ленинградского университета не нашлось места для специальной славянской кафедры [Аржакова 2004, 266–267]⁶.

После закрытия Института славяноведения АН СССР (1931–1934 гг.) исторической славистике в академической системе Ленинграда была уготована второстепенная роль. Подтверждением тому могут служить крайне скудные сведения о деятельности сектора славяноведения⁷, который в 1938 г. по инициативе академика Н.С. Державина (и под его руководством) был создан в ЛОИИ АН СССР⁸.

Но это отнюдь не означало оторванность ленинградских славистов от активно развернувшейся научно-исследовательской работы в воссозданном в 1947 г. (теперь в Москве) Институте славяноведения АН СССР⁹. Достаточно отметить, что среди авторов академической «Истории Польши»¹⁰ (1954), своего рода пилотного для Института славяноведения проекта, были ленинградские полонисты О.Е. Иванова, Л.В. Разумовская, У.А. Шустер.

Именно под руководством О.Е. Ивановой в годы учебы на истфаке Владимир Александрович приобщился к разработке социально-экономической проблематики, сосредоточив внимание на средневековом Кракове. Позднее О.Е. Иванова и В.А. Якубский пару раз выступали соавторами [Иванова, Якубский 1956; 1960]. По окончании университета в 1952 г. возглавивший после О.Л. Вайнштейна¹¹ кафедру истории средних веков византист М.В. Левченко предложил В.А. Якубскому занять на кафедре место лаборанта. По признанию Владимира Александровича, в условиях отсутствия в Ленинграде работы по специальности (как своеобразного отголоска борьбы с космополитизмом¹²) он воспринял такое предложение как безусловное для себя везение. Вскоре нового лаборанта, способности которого были замечены и оценены по достоинству (о чем свидетельствовал сам факт того, что его оставили на кафедре), стали привлекать к научно-педагогической деятельности: с тех пор проведение семинаров и чтение ряда лекционных курсов стало неотъемлемой частью его повседневных обязанностей.

⁶ Не было это сделано и позднее, несмотря на то что, по предписанию августовского 1941 г. постановления Ученого совета ЛГУ, такая кафедра должна была быть открыта.

⁷ Так, в биобиблиографическом справочнике «Сотрудники Института славяноведения РАН» сказано, что после закрытия Института славяноведения в Ленинграде У.А. Шустер с 1937 г. работал в ЛОИИ, не уточняя, что с 1938 г. – в секторе славяноведения ЛОИИ. Также не отмечен факт работы в довоенный период в секторе славяноведения ЛОИИ и Л.В. Разумовской, лишь указано, что в 1951–1967 гг. она являлась снс ленинградской группы Института славяноведения АН СССР [Сотрудники 2012, 510, 353].

⁸ Известно, что в секторе трудились историки-полонисты М.В. Джервис (Бродский) (1899–1942?) (см. [Ганелин 2006]) и У.А. Шустер (1907–1997) – бывшие сотрудники ленинградского Института славяноведения (научный руководитель и его бывший аспирант), их коллегой по сектору была и Л.В. Разумовская (1897–1969), работавшая в ЛОИИ с 1936 г.

⁹ С 1950 г. под руководством Н.С. Державина действовала ленинградская группа Института славяноведения, среди сотрудников которой были, в частности, полонисты Л.А. Разумовская и У.А. Шустер.

¹⁰ О дискуссиях, которые этот капитальный для своего времени обобщающий труд по истории Польши вызвал в польской и советской историографии, см. подробнее: [Носов, Марней 2021].

¹¹ Как вспоминал В.А. Якубский, в разгар «борьбы с космополитизмом», О.Л. Вайнштейн был уволен из университета [Якубский 2011, 203].

¹² На волне борьбы с космополитизмом жесточайшей критике была подвергнута книга зав. кафедрой О.Л. Вайнштейна «Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней» (Л., 1940). Об этом подробнее см. [Лебедева, Якубский 2005, 104–105].

В те же годы В.А. Якубский участвовал в составлении «Путеводителя по Архиву Ленинградского отделения Института истории»¹³, где его коллегами по кропотливой работе были В.И. Рутенбург, В.С. Люблинский, Г.Е. Кочин (известный как составитель «Материалов для терминологического словаря древней Руси» (1937) под редакцией Б.Д. Грекова) и др.

Не замыкаясь в рамках польской истории и созная насущную потребность школы в учебной литературе по славянской истории, О.Е. Иванова и В.А. Якубский вместе с другими коллегами участвовали в написании «Очерков истории южных и западных славян» [Белановский и др. 1957]¹⁴. Правда, впоследствии Владимир Александрович весьма критически отзывался об этих «Очерках...», справедливо отмечая свойственную им описательность.

Параллельно с этим, Якубский продолжал научные изыскания на ниве социально-экономической истории средневековой Польши. Вскоре они получили завершение в виде подготовленной и успешно защищенной в 1958 г. кандидатской диссертации на тему «Промышленное развитие Краковской земли с конца XV и до середины XVII вв.» (официальные оппоненты — Л.В. Разумовская, В.Н. Бернадский, неофициальный оппонент — В.И. Рутенбург). Несмотря на высокую оценку представленной соискателем работы, в дальнейшем он практически не возвращался к сугубо урбанистическим исследованиям, убедившись в том, что они малоперспективны по причине слабой обеспеченности источниками.

Важно отметить, что почти одновременно с защитой В.А. Якубским кандидатской диссертации и корректировкой предмета своих научных интересов, в конце 1950-х годов на истфаке ЛГУ, по решению Ученого совета факультета, был создан межкафедральный сектор истории южных и западных славян. Изначально сектор возглавил В.Н. Белановский, а затем (после его кончины) — С.М. Стецкевич. Образование славянского сектора и, как вскоре выяснилось, проявленный студентами интерес к занятиям славянской тематикой позволили открыть на истфаке специализацию по истории славян (была официально оформлена в начале 1960-х годов). Причем, содержание учебного плана специализации (с акцентом на специальные исторические дисциплины: источниковедение, историографию) отличалось от утвердившегося на славяноведческой кафедре истфака Московского университета.

В профессиональном сообществе историков-славистов, как известно, не было (пожалуй, нет и сейчас) единства относительно тематической насыщенности общего курса истории южных и западных славян. В периодически возникавшую по этому поводу полемику не раз включался В.А. Якубский, поддерживаемый С.М. Стецкевичем [Стецкевич, Якубский 1969; Легуров и др. 1974]. Товарищи по факультету, а зачастую и соавторы, настаивали, в частности, на том, что в общих курсах по истории южных и западных славян необходимо подчеркивать стадияльно-типологические особенности всего региона, в который входили представители южного или западного славянства. Иными словами, Якубский и Стецкевич убеждали коллег, что в контексте славяноведческих

¹³ В.А. Якубским были подготовлены разделы по западославянским фондам [Путеводитель по Архиву 1958, 313–314, 379–382, 490–497].

¹⁴ Спустя лет десять В.А. Якубский и С.М. Стецкевич сочли нужным откликнуться на выступление харьковских историков и высказать свое мнение о проблемах преподавания истории славян в высшей школе. См. подробнее: [Стецкевич, Якубский 1969]. Впоследствии именно С.М. Стецкевич (1921–1994) — добрый приятель и единомышленник, чаще всего становился соавтором В.А. Якубского.

общих курсов никак нельзя обойтись без освещения истории Венгрии, Румынии или Албании. Вообще, как преподаватель, В.А. Якубский охотно откликнулся на предложение принять участие в подготовке учебно-методических пособий и хрестоматий по истории южных и западных славян [Якубский 1982; 1987а; Шафорова, Якубский 1982].

Другими словами, львиную долю времени и сил Владимир Александрович отдавал педагогической деятельности, и, не в последнюю очередь, научному руководству студентами и аспирантами (в этом деле равных Владимиру Александровичу было мало), однако не будет преувеличением сказать, что приоритетом для него оставалась наука. Если даже бегло взглянуть на перечень его трудов [Библиографический указатель трудов 2008, 196–204], видна внутренняя логика, которой были подчинены научные интересы, исследовательская работа ученого и педагога, стремившегося по возможности детально разобраться в ключевых проблемах польской истории (отнюдь не только социально-экономического характера), а также методах изучения этих проблем.

В научных изысканиях В.А. Якубского прослеживается три более или менее явно выраженных исследовательских направления. Первое было связано с аграрной проблематикой, в пользу изучения которой он сделал выбор в конце 1950-х годов и которую (не забывая о других вопросах) развивал примерно до конца 1970-х годов.

В эти годы Якубский стал постоянным участником симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы¹⁵, наладил и поддерживал особенно тесные научные связи с львовскими коллегами (Д.Л. Похилевичем, Ю.М. Гроссманом, В.Ф. Инкиным). Всех объединяла не только устремленность досконально изучить специфику польского варианта барщинно-крепостнической системы (по сравнению с ситуацией в других землях восточнее Эльбы), но и выявить, что, наверное, не менее важно, степень ее воздействия на политические судьбы Польши / Речи Посполитой.

Когда польские и советские историки с энтузиазмом обратились к применению математических методов в исторических исследованиях, В.А. Якубский тоже не остался в стороне [Якубский 1972; Маркарянц, Якубский 1972]. Взявшись за кропотливые обсчеты малопольских податных реестров, ученый предположил, что, с одной стороны, это поможет выявить структуру сельского населения, а, с другой, зафиксировать происходившие в этой сфере на протяжении XVI–XVII вв. перемены¹⁶. Увлечение математическими методами не пропало даром: построение модели производства и потребления сельскохозяйственной продукции в Речи Посполитой позволило советскому ученому убедительно доказать, что доля барской запашки в Польско-Литовском государстве

¹⁵ В юбилейных статьях не раз было отмечено, что первое же выступление В.А. Якубского с докладом на межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы в 1959 г. («Некоторые вопросы истории городского землевладения в Польше XIV–XVII вв.») стало во многом показательным — с точки зрения характерной для него исследовательской манеры. См. подробнее: [Воробьева и др. 2005, 6].

¹⁶ Попутно отмечу, что впечатляющих успехов в подобных изысканиях удалось достичь Ежи Топольскому, который в результате тщательной многолетней обработки податных реестров пришел к выводу, что удельный вес шляхетского сословия в общей численности населения Польши не превышал 6 %, тем самым опровергнув показатель в 10 %, давно вошедший в научный оборот. Однако по сей день, даже в специальной литературе, по-прежнему преобладает неверный показатель. Не исключено, что распространенность (по-своему популярность) этого показателя можно объяснить тем, что, как в свое время констатировал Якубский, «польская действительность [...] не знала той резкой грани между дворянством и плебейством, которая декларировалась правовой теорией» [Якубский 1975а, 98].

составляла не более 15–20 %, в то время как в историографии она, как правило, оценивалась в два-три раза выше.

В историко-аграрных изысканиях Якубский не только шел в ногу с польскими и отечественными коллегами, занимавшимися сходными проблемами (В. Кулей, А. Вычаньским, А. Мончаком, Е. Топольским, Л.В. Разумовской, Д.Л. Похилевичем), но в силу собственной ему остроты взгляда на предмет исследования зачастую вступал с ними в полемику. Это ярко продемонстрировано в его монографии «Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши» [Якубский 1975а, 25–26, 28–31, 41, 48, 53–54 и др.], вызвавшей заинтересованный и благожелательный отклик такого знатока предмета, как Анжей Вычаньский (см. подробнее: [Wyczański 1976, 124–128]).

Проведенное исследование убедило автора, что «по своему экономическому уровню Польша второй половины XVIII в. не уступала соседним монархиям»¹⁷, а потому позволило сделать вывод, что фольварочная система в Речи Посполитой XVI–XVII вв., во многом порождая кризисные явления, все-таки не содержала в себе признаков бесповоротного упадка. Больше того, еще не утратив жизнестойкости, она, с точки зрения автора, оказалась способной умело (даже после выпадавших на ее долю потрясений) адаптироваться в новых социально-экономических условиях [Якубский 1975а, 103]. В том же 1975 г. в Ленинградском университете В.А. Якубским была блестяще защищена докторская диссертация, основу которой составила незадолго до этого вышедшая его монография [Якубский 1975b].

Параллельно с разработкой сугубо аграрной проблематики (см., например, [Якубский 1966; 1971; 1974]) Якубский все чаще акцентировал внимание на фундаментальных идеях исторической полонистики, связанных, прежде всего, с выявлением причин гибели Речи Посполитой [Якубский 1970; 1974; 1987b]. Кроме того, историк-полонист, за плечами которого было не одно десятилетие конкретно-исторических исследований, на очередном этапе своей творческой деятельности все больше склонялся в сторону историографических студий [Стецкевич, Якубский 1981а; Якубский 1996; 2000; 2001]. Интерес к изучению историографии, по его собственному признанию, в молодые годы ему привил О.Л. Вайнштейн, но для таких занятий, как считал Осип Львович, должно было настать время.

Иначе говоря, В.А. Якубский обнаружил (условно) второе тематическое направление своих научных интересов и исследований, всегда, в любой комбинации, ориентированных на глубокое постижение польского прошлого. Условно — потому, что выявление причин гибели Речи Посполитой было теснейшим образом связано с его наблюдениями над характером аграрного строя позднесредневековой Польши и социально-политической структуры польского общества, над польской политической литературой и над русской дореволюционной полонистикой [Якубский 1970; Стецкевич, Якубский 1974; Стецкевич, Якубский 1981b; Мыльников, Якубский 1982; Иванова, Якубский 1984]. Этот накопленный В.А. Якубским опыт многолетних наблюдений над спецификой развития Польши / Речи Посполитой обеспечивал историку необходимый контекст, в известной степени наделявший его правом судить о причинах гибели Речи Посполитой (из-за чего, как известно, в самой польской историографии было сломано немало копий), привлекая набор разнородных аргументов.

¹⁷ Эти наблюдения В.А. Якубского отчасти перекликались с основными идеями Варшавской (оптимистической) исторической школы и одного из видных ее представителей Тадеуша Корзона (1839–1918).

Среди работ этого периода хотелось бы выделить статью, написанную в соавторстве с В.В. Кутявиным и с наиболее частым соавтором, и добрым товарищем В.А. Якубского, С.М. Стецкевичем, напечатанную в воронежском сборнике «Вопросы истории славян» [Кутявин и др. 1980]. В этой статье авторы коснулись вопросов, связанных с польскими восстаниями и в значительной мере до сих пор остающихся дискуссионными. Обычно принято говорить о трех великих польских национальных восстаниях, подразумевая восстание Тадеуша Костюшки (1794), Ноябрьское восстание (1830) и Январское восстание (1863). В настоящее время в польской историографии нет единого мнения по поводу того, правомерно ли считать Барскую конфедерацию (1768–1772) первым национальным восстанием, хотя, казалось бы, все признаки налицо. Что касается статьи советских историков сорокалетней давности, то в ней речь шла о тех же трех восстаниях, но с добавлением восстаний 1846 и 1848 г. Обращает на себя внимание, что при сравнении восстаний 1794 г. и 1830 г. авторы подчеркивали имевшиеся между ними различия стадийного характера. С другой стороны, они настаивали на очевидной преемственности между повстанческими событиями 1830–1831 гг. и 1846–1848 гг.

При этом ленинградские ученые настаивали на том, что если первые два восстания (1794 г. и 1830 г.) следует отнести к типу не трансформационных революций, а национальных, преследующих цель только восстановление национальной независимости, то Краковское восстание 1846 г. ознаменовало собой завершение этапа сугубо национальной польской революционности (тем самым высвечивая специфику Январского восстания). В этом смысле авторы склонны были солидаризироваться с Иоахимом Лелевелем (1786–1861), в свое время назвавшим Краковское восстание «первой социальной революцией, которая открыто появилась на польском горизонте» [Там же, 76–77]. На современном этапе термин революция свою былую актуальность, в основном, утратил, но сути дела это особенно не меняет. Недаром с определением места Барской конфедерации в польской историографии возникли трудности, в чем убеждает хотя бы тот факт, что в самом начале XXI в. признанные знатоки истории польских восстаний по-прежнему поместили под одну обложку лишь три знаменитых польских национальных восстания [Kieniewicz, Zahorski, Zająewski 2000], разумеется, предпочитая обходиться без термина «революция»...

Отдельно надо сказать, что В.А. Якубский не раз входил в авторские коллективы по подготовке крупных академических проектов, что, помимо прочего, служило свидетельством неразрывных научных связей, продуктивного сотрудничества, московских и ленинградских историков. Так, перу Якубского принадлежали главы, посвященные крестьянству Польши и Чехии в XII–XIV вв. (в соавторстве с Л.В. Разумовской) и крестьянству Чехии и Польши в XV в., во втором томе капитального труда «История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма» [Разумовская, Якубский 1986; Якубский 1986a]. Также им были написаны аналитические главы для третьего тома этого труда («Основные проблемы истории крестьянства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» и «Польское крестьянство в XVI – середине XIX в.») [Якубский 1986b; 1986c]. Помимо этого, В.А. Якубский был среди авторов фундаментального академического проекта «История Европы» (в восьми томах), подготовив для третьего тома этого издания раздел «Австрия, Чехия, Польша» [Якубский 1993a]. Историк, в частности, отметил безусловное сходство социально-экономического развития в австрийских и чешских землях, заодно подчеркнув и обосновав своеобразие польского варианта второго издания крепостничества, ставшего следствием ослабления центральной власти наряду с ростом дворянских привилегий [Там же, 111].

В 1993 г. в серии «История стран Центральной и Юго-Восточной Европы», издававшейся под эгидой Академии наук, вышла очередная книга: «Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней». Первые три главы, от Средних веков и раннего Нового времени до 1764 г., — «Формирование и развитие феодального общества (до середины XV в.)», «Польша в конце XV и в XVI в.», «Кризис Речи Посполитой», были написаны В.А. Якубским [Якубский 1993b]. На страницах «Краткой истории...» в полной мере проявила себя характерная для В.А. Якубского манера ясно и четко (и по-своему увлекательно) излагать эмоционально трудный для польского национального сознания материал. Историк был отнюдь не склонен закрывать глаза на заблуждения, а то и ошибки поляков, но и о политике соседних стран, меньше всего отвечавшей интересам пребывавшей в состоянии кризиса и занятой поисками выхода из него Речи Посполитой, говорил открыто, что вместе взятое было по достоинству оценено его польскими коллегами.

Первые годы XXI в. ознаменовались переменами как в судьбе профессора кафедры истории Средних веков В.А. Якубского, так и в судьбах ленинградской/петербургской славистики, которая по причинам объективного и субъективного характера на исходе XX в. переживала не лучшие времена.

В 2002 г. по инициативе А.Ю. Дворниченко на историческом факультете СПбГУ была открыта славянская кафедра, идея которой возникла, как уже упоминалось выше, давно. Отличие кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ от славяноведческой кафедры исторического факультета Московского университета было не столько в ее названии, сколько в избранном подходе к изучению истории славянских народов как составной части определенных регионов.

Следует сказать, что по формальным требованиям, предъявляемым к инициативам такого рода, новую кафедру можно было открыть лишь при условии, если два профессора факультета выразят согласие перейти в новое структурное подразделение: одним таким профессором был А.Ю. Дворниченко, другим стал В.А. Якубский. Владимиру Александровичу это согласие далось нелегко: он уходил с родной для него кафедры истории Средних веков, где, так сказать, в западноевропейском и византийском окружении, в атмосфере творчества и доброжелательности прошли лучшие годы (полвека!) его научной и научно-педагогической деятельности (1952–2002 гг.). После кончины С.М. Стецкевича Владимир Александрович оставался на факультете единственным действующим сотрудником из прежнего состава межкафедрального славянского сектора...

Сначала кафедру славянских и балканских стран возглавил инициатор ее создания А.Ю. Дворниченко, затем функции заведующего перешли к В.П. Денисенко (1953–2006), недолгий период руководства которого, как справедливо констатировал Владимир Александрович, «остался в памяти его коллег, как время спокойной, конструктивной работы» [Якубский 2011, 105]. После безвременной кончины Владимира Павловича кафедра вступила в новый период своей истории...

Заведующей кафедрой истории Средних веков СПбГУ тогда оставалась (1990–2015 гг.) профессор Галина Евгеньевна Лебедева (1935–2021), известный советский и российский византист, плодотворное сотрудничество с которой украсило последние годы творческой жизни Владимира Александровича Якубского.

Так замкнулся круг. Настал черед (условно) третьего исследовательского направления В.А. Якубского. Полвека на медиевистической кафедре должны были быть запечатлены, благодарность предшественникам была обязана

принять четкие формы. Закипела кропотливая работа. Опираясь на архивные разыскания, а порой и на собственные воспоминания, Галина Евгеньевна и Владимир Александрович кирпичик за кирпичиком воздвигали памятник своей кафедре: на протяжении нескольких лет (2001–2008 гг.) выходил цикл написанных в соавторстве статей, посвященный блестящей плеяде ленинградских медиевистов 1930–1950 гг. Когда работа в основном завершилась, было решено собрать все статьи под одну обложку: так в 2008 г. появилась монография¹⁸ [Лебедева, Якубский 2008], во вступительной части которой авторы говорили о традициях [Там же, 4–20]. Поскольку традиции служили им опорой, Г.Е. Лебедева и В.А. Якубский сочли нужным подчеркнуть, что «возрожденная в 1934 г. кафедра с первых своих шагов и по сей день в педагогической и научной работе опирается на опыт предшественников» [Там же, 5]. Ни Владимир Александрович, ни Галина Евгеньевна («Галечка», как дружески величал ее Владимир Александрович) не мыслили себя без почитания традиций и своих предшественников.

Владимир Александрович мемуаров не писал, на вопрос «Почему?», отвечал иронично и спокойно: «Боюсь не то вспомнить»; никаких распоряжений насчет своего архива не оставил, такое впечатление, что его это не заботило.

Остался неподражаемый стиль его письма (доступный для изучения), избранным счастливицам остались воспоминания о его неповторимой манере вести беседу, о редкой способности ненавязчиво увлечь собеседника в дальние дали (знак доверия). Владимир Александрович был настоящим Историком и настоящим Учителем — для тех, кто желал учиться, а таких на просторах нашей необъятной родины (и за ее пределами) нашлось немало.

Низкий поклон Учителю, своими трудами вписавшему славную страницу в летопись отечественной исторической полонистики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова Е.П. «Изгнанное из стен Академии» (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–71.
- Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 222 с.
- Аржакова Л.М. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 262–277.
- Белановский В.Н., Иванова О.Е., Ивашкевич В.И., Чеканова Г.П., Стецкевич С.М., Якубский В.А. Очерки истории южных и западных славян / под ред. С.М. Стецкевича. Л.: Учпедгиз. Ленинград. отд., 1957. 272 с.
- Библиографический указатель трудов Владимира Александровича Якубского // Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 196–204.
- Вайнштейн О.Л. Кафедра истории средних веков // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2010. Вып. 8. С. 365–377.
- Воробьева И.Г., Дворниченко А.Ю., Лебедева Г.Е. К 80-летию профессора В.А. Якубского // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2005. Вып. 5. С. 5–14.

¹⁸ Которая, по словам Н.А. Хачатурян, стала одной из «редких еще попыток объективной оценки советской медиевистики и марксизма как исторической методологии»: [Хачатурян 2009, 197].

- Ганелин Р.Ш. М.В. Джервис (Бродский) — сотрудник ЛОИИ // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков: сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор, 2006. С. 534—538.
- Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М.: Индрик, 2009. 464 с.
- Досталь М.Ю. Основные особенности этапа возрождения отечественного славяноведения в 1940-е годы // Вестник РГГУ. Серия. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 9 (89). С. 270—281.
- Иванова О.Е., Якубский В.А. Изучение истории Византии и Причерноморья в Польской Народной Республике // Византийский временник. 1956. Т. II. С. 302—307.
- Иванова О.Е., Якубский В.А. Табор: Книга для чтения в VI классе. Л.: Учпедгиз. Ленинград. отд., 1960. 144 с.
- Иванова З.Е., Якубский В.А. Проблемы социальной борьбы в Польше XVI в. в освещении русской дореволюционной полонистики // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 146—155.
- Кутявин В.В., Стецкевич С.М., Якубский В.А. О проблемах национальной революции в Польше конца XVIII — первой трети XIX вв. // Вопросы истории славян. Воронеж, 1980. Вып. 6. С. 60—77.
- Лебедева Г.Е. Кафедра истории Средних веков // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934—2004. Очерк истории. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 199—230.
- Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2005. Вып. 5. С. 102—126.
- Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Cathedra Medii Aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930 — 1950-х годов. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. 125 с.
- Легуров Э.И., Стецкевич С.М., Якубский В.А. Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран // Вестник ЛГУ. 1974. Вып. 3. № 14. 147—150.
- Маркарянц Л.А., Якубский В.А. Внедрение количественных методов в разработку аграрной истории барщинно-крепостнической Польши // Вопросы истории славян. Воронеж, 1972. С. 20—26.
- Мыльников А.С., Якубский В.А. Процесс разложения дворянства и его социальные последствия // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1982. С. 311—325.
- Носов Б.В., Марней Л.П. Проблемы истории Польши и России в первой половине XIX в. в методологических дискуссиях советских и польских историков второй половины 1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2021. № 3—4. С. 407—440.
- Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории / отв. ред. А.И. Андреев. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Разумовская Л.В., Якубский В.А. Крестьянство Польши и Чехии в XII—XIV вв. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3 т. М.: Наука, 1986. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. С. 185—200.
- Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
- Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук. Биобиблиографический словарь. М.: Индрик, 2012. 527 с.
- Стецкевич С.М., Якубский В.А. К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе // Советское славяноведение. 1969. № 2. С. 49—53.
- Стецкевич С.М., Якубский В.А. Фридрих Энгельс о внутренних причинах гибели Речи Посполитой // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М.: Наука, 1974. С. 218—231.
- Стецкевич С.М., Якубский В.А. Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1981а. С. 22—54.
- Стецкевич С.М., Якубский В.А. Экономические аспекты формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981б. С. 16—28.
- Хачатурян Н.А., Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Cathedra Medii Aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930—1950-х годов. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008 // Средние века. 2009. Т. 70 (3). С. 196—199.
- Шаферова Л.А., Якубский В.А. Южные славяне в XII—XV вв. // История средних веков: Учебно-методическое пособие. М., 1982. С. 93—96.

- Якубский В.А. Споры вокруг соотношения внутреннего и внешнего рынка фольварочной Польши и некоторые вопросы моделирования // Тезисы докладов и сообщений Девятой (Таллинской) сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. С. 138–140.
- Якубский В.А. Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения // Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах. М.: Наука, 1970. С. 253–271.
- Якубский В.А. Податные реестры XVI в. и реконструкция зернового баланса фольварочной Польши // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1971. С. 66–76.
- Якубский В.А. Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши // Количественные методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1972. С. 216–224.
- Якубский В.А. К вопросу о причинах развития фольварочной системы в Польше // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 192–204.
- Якубский В.А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975а. 118 с.
- Якубский В.А. Проблемы аграрной истории Польши XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975b.
- Якубский В.А. Польша XI–XV вв. // История Средних веков: Учебно-методическое пособие. М., 1982. С. 84–87.
- Якубский В.А. Крестьянство Чехии и Польши в XV в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3 т. М.: Наука, 1986а. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. С. 382–398.
- Якубский В.А. Основные проблемы истории крестьянства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3 т. М.: Наука, 1986b. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. С. 234–247.
- Якубский В.А. Польское крестьянство в XVI–середине XIX в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3 т. М.: Наука, 1986с. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. С. 248–272.
- Якубский В.А. Польша (Темы VI–VIII) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск: Изд-во «Университетское», 1987а. Т. 1. С. 231–246.
- Якубский В.А. Сарматизм: функция генетического мифа в дворянской Речи Посполитой // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987b. С. 169–181.
- Якубский В.А. Австрия, Чехия, Польша // История Европы. В 8 т. М.: Наука, 1993а. Т. 3. С. 108–114.
- Якубский В.А. Формирование и развитие феодального общества (до середины XVв.) // Краткая история Польши: с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1993b. С. 5–84.
- Якубский В.А. Историографический процесс XVIII–XIX вв. и его моделирование в отечественной литературе // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 3–15.
- Якубский В.А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. Вып. 2. С. 3–15.
- Якубский В.А. «Польское бескоролье» А.С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. Вып. 3. С. 146–164.
- Якубский В.А. К десятилетию кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ // Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2 (10). С. 201–206.
- Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski A. Trzy powstania narodowe. Warszawa: Książka i Wiedza, 2000. 429 s.
- Wyczański A. [recenzja]: Problemy agrarnej istorii pozdniesreniewiekowej Polski, W.A. Jakubski, Leningrad 1975 // Przegląd Historyczny. 1976. T. 67. Zesz. 1. S. 124–128.

Рукопись поступила в редакцию 35.05.2024

Рукопись принята к печати 06.07.2024

REFERENCES

- Aksenova E.P. «Izgnannoe iz sten Akademii» (N.S. Derzhavin i akademicheskoe slavyanovedenie v 30-e gody) *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1990, no. 5, pp. 69–71. (In Russ.)

- Aksenova E.P. *Ocherki iz istorii otechestvennogo slavyanovedeniya. 1930-e gody*. Moscow, ISB RAN, 2000, 222 p. (In Russ.)
- Arzhakova L.M. Kafedra istorii slavyanskikh i balkanskikh stran *Istoricheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo univ'ersiteta. 1934–2004. Ocherk istorii, pod red. A.Ju. Dvornichenko*. St. Petersburg, Izd-vo SpbGU Publ., 2004, pp. 262–277. (In Russ.)
- Belanovskij V.N., Ivanova O.E., Ivashkevich V.I., Chekanova G.P., Steckevich S.M., Jakubskij V.A. *Ocherki istorii juzhnyh i zapadnyh slavyan, pod red. S.M. Steckevicha*. Leningrad, Uchpedgiz. Leningrad. otd., 1957, 272 p. (In Russ.)
- Bibliograficheskij ukazatel' trudov Vladimira Aleksandrovicha Jakubskogo. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovanija. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008, no. 2 (4), pp. 196–204. (In Russ.)
- Dostal' M.Ju. *Kak Feniks iz pepla... Otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroj mirovoj vojny i pervye poslevoennye gody*. Moscow, Indrik Publ., 2009, 464 p. (In Russ.)
- Dostal' M.Ju. Osnovnye osobennosti jetapa vozrozhdenija otechestvennogo slavyanovedeniya v 1940-e gody *Vestnik RGGU. Serija. Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*, 2012, no. 9 (89), pp. 270–281. (In Russ.)
- Ganelin R.Sh. M.V. Dzhervis (Brodskij) – sotrudnik LOII *Otechestvennaja istorija i istoricheskaja mysl' v Rossii XIX–XX vekov: sb. statej k 75-letiju Alekseja Nikolaevicha Camutali*. St. Petersburg, Nestor Publ., 2006, pp. 534–538. (In Russ.)
- Hachaturjan N.A. Lebedeva G.E., Jakubskij V.A. Cathedra Medii Aevi: Materialy k istorii leningradskoj medievistiki 1930–1950-h godov. SPb: Izd-vo SPbGU, 2008 *Srednie veka*, 2009, no. 70 (3), pp. 196–199. (In Russ.)
- Ivanova O.E., Jakubskij V.A. Izuchenie istorii Vizantii i Prichernomor'ja v Pol'skoj Narodnoj Respublike *Vizantijskij vremennik*, 1956, t. II, pp. 302–307.
- Ivanova O.E., Jakubskij V.A. *Tabor: Kniga dlja chtenija v VI klasse*. Leningrad, Uchpedgiz. Leningrad. otd., 1960, 144 p. (In Russ.)
- Ivanova Z.E., Jakubskij V.A. Problemy social'noj bor'by v Pol'she XVI v. v osveshhenii russkoj dorevoljucionnoj polonistiki *Problemy social'noj struktury i ideologii srednevekovogo obshhestva*, Leningrad, Izd-vo LGU, 1984, pp. 146–155. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Spory vokrug sootnosheniya vnutrennego i vneshnego rynka fol'varochnoj Pol'shi i nekotorye voprosy modelirovaniya *Tezisy dokladov i soobshhenij Devjatoj (Tallinskij) sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Tallin, 1966, pp. 138–140.
- Jakubskij V.A. Respublikanske i monarhicheskie tendencii v Rechi Pospolitoj nakanune ee padenija. *Razvitie kapitalizma i nacional'nye dvizhenija v slavyanskikh stranah*. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 253–271. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Podatnye reestry XVI v. i rekonstrukcija zernovogo balansa fol'varochnoj Pol'shi *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Tallin, 1971, pp. 66–76.
- Jakubskij V.A. Kolichestvennye metody i agrarnaja istorija barshhinno-krepostnicheskoy Pol'shi *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovanijah*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 216–224. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. K voprosu o prichinah razvitiya fol'varochnoj sistemy v Pol'she *Srednevekovyj gorod*. Saratov, 1974, vyp. 2, pp. 192–204.
- Jakubskij V.A. *Problemy agrarnoj istorii pozdnesrednevekovoj Pol'shi*. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo univ'ersiteta Publ., 1975a, 118 p. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. *Problemy agrarnoj istorii Pol'shi XVI – XVII vv.* Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1975b, 35 p. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Pol'sha XI–XV vv. *Istorija srednih vekov: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Moscow, 1982, pp. 84–87. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Krest'janstvo Chehii i Pol'shi v XV v. *Istorija krest'janstva v Evrope: Jepoha feodalizma. Krest'janstvo Evropy v period razvitogo feodalizma*. Moscow, Nauka Publ., 1986a, vol. 2, pp. 382–398. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Osnovnye problemy istorii krest'janstva Central'noj, Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy *Istorija krest'janstva v Evrope: Jepoha feodalizma. Krest'janstvo Evropy v period razlozhenija feodalizma i zarozhdenija kapitalisticheskikh otnoshenij*. Moscow, Nauka Publ., 1986b, vol. 3, pp. 234–247. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Pol'skoe krest'janstvo v XVI – serebine XIX v. *Istorija krest'janstva v Evrope: Jepoha feodalizma. Krest'janstvo Evropy v period razlozhenija feodalizma i zarozhdenija kapitalisticheskikh otnoshenij*. Moscow, Nauka Publ., 1986c, vol. 4, pp. 248–272. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Pol'sha (Temy VI–VIII) *Hrestomatija po istorii juzhnyh i zapadnyh slavyan*. Minsk, Izd-vo «Universitetskoe» Publ., 1987a, vol. 1, pp. 231–246. (In Russ.)

- Jakubskij V.A. Sarmatism: funkcija genetičeskogo mifa v dvorjanskoj Rechi Pospolitoj *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni*. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1987b, pp. 169–181. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Avstrija, Čehija, Pol'sha *Istorija Evropy*, vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1993a, pp. 108–114. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Formirovanie i razvitie feodal'nogo obshhestva (do serediny XV v.) *Kratkaja istorija Pol'shi: s drevnejših vremen do naših dnej*. Moscow, Nauka Publ., 1993b, pp. 5–84. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Istoriografičeskij process XVIII–XIX vv. i ego modelirovanie v otečestvennoj literature *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni*. St Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1996, pp. 3–15. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. Fundamental'nye idej rossijskoj polonistiki XIX v. *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni*, vyp. 2. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2000, pp. 3–15. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. «Pol'skoe beskorolev'e» A.S. Trachevskogo i ego istoriografičeskij kontekst *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni*, vyp. 3. Sankt Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2001, pp. 146–164. (In Russ.)
- Jakubskij V.A. K desjatiletiju kafedry istorii slavjanskih i balkanskih stran istoričeskogo fakul'teta SpbGU. *Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2011, no. 2 (10), pp. 201–206. (In Russ.)
- Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski A. *Trzy powstania narodowe*. Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 2000, 429 p.
- Kutjavin V.V., Steckevec S.M., Jakubskij V.A. O problemah nacional'noj revolucii v Pol'she konca XVIII – pervoj tretej XIX vv. *Voprosy istorii slavjan*, vyp. 6, Voronezh, 1980, pp. 60–77. (In Russ.)
- Lebedeva G.E. Kafedra istorii srednih vekov *Istoričeskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1934–2004. Očerki istorii*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 2004, pp. 199–230. (In Russ.)
- Lebedeva G.E., Jakubskij V.A. Professor O.L. Vajnshtejn v gody bor'by s kosmopolitizmom *Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni*, vyp. 5. St Petersburg, Aletejja Publ., 2005, pp. 102–126. (In Russ.)
- Lebedeva G.E., Jakubskij V.A. *Cathedra Medii Aevi: Materialy k istorii leningradskoj medievistiki 1930–1950-h godov*. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2008. 125 p. (In Russ.)
- Legurov Je.I., Steckevec S.M., Jakubskij V.A. Osnovnye principy postroenija kursa istorii socialističeskikh slavjanskih i balkanskih stran *Vestnik LGU*, 1974, vyp. 3, no. 14, pp. 147–150. (In Russ.)
- Markarjanc L.A., Jakubskij V.A. Vnedrenie kolichestvennyh metodov v razrabotku agrarnoj istorii barshhinno-krepostničeskogo Pol'shi *Voprosy istorii slavjan*. Voronezh, 1972, pp. 20–26.
- Myl'nikov A.S., Jakubskij V.A. Process razložhenija dvorjanstva i ego social'nye posledstvija *Social'naja struktura obshhestva v XIX v. Strany Central'noj i Jugo-vostočnoj Evropy*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 311–325. (In Russ.)
- Nosov B. V., Marnej L.P. Problemy istorii Pol'shi i Rossii v pervoj polovine XIX v. v metodologičeskikh diskussijah sovetskikh i pol'skikh istorikov vtoroj poloviny 1950-h gg. (Iz istorii Instituta slavjanovedenija RAN) *Slavjanskij al'manah*, 2021, no. 3–4, pp. 407–440.
- Putevoditel' po Arhivu Leningradskogo otdelenija Instituta istorii / otv. red. A.I. Andreev. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1958, 603 p. (In Russ.)
- Razumovskaja L.V., Jakubskij V.A. Krest'janstvo Pol'shi i Čehii v XII–XIV vv. *Istorija krest'janstva v Evrope: Jepoha feodalizma. Krest'janstvo Evropy v period razvitogo feodalizma*, vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 185–200. (In Russ.)
- Robinson M.A. *Sud'by akademičeskoj jelity: otečestvennoe slavjanovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov)*. Moscow, Indrik Publ., 2004, 432 p. (In Russ.)
- Shaferova L.A. Jakubskij V.A. Južnye slavjane v XII–XV vv. *Istorija srednih vekov: Učebno-metodičeskoe posobie*. Moscow, 1982, pp. 93–96. (In Russ.)
- Sotrudniki Instituta slavjanovedenija Rossijskoj Akademii nauk. Biobibliografičeskij slovar'. Moscow, Indrik Publ., 2012, 527 p. (In Russ.)
- Steckevec S.M., Jakubskij V.A. K voprosu o prepodavanii istorii slavjan v vysshej škole *Sovetskoe slavjanovedenie*, 1969, no. 2, pp. 49–53. (In Russ.)
- Steckevec S.M., Jakubskij V.A. Fridrih Jengel's o vnutrennih pricinah gibelj Rechi Pospolitoj *Central'naja i Jugo-Vostočnaja Evropa v Novoe vremja*. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 218–231. (In Russ.)
- Steckevec S.M., Jakubskij V.A. Stanovlenie i razvitie sovetskoj istoričeskopolonistiki *Issledovanija po istoriografii slavjanovedenija i balkanistiki*. Moscow, Nauka Publ., 1981a. S. 22–54.
- Steckevec S.M., Jakubskij V.A. Jekonomičeskie aspekty formirovanija nacij *Formirovanie nacij v Central'noj i Jugo-Vostočnoj Evrope*. Moscow, Nauka Publ., 1981b, pp. 16–28. (In Russ.)

- Vajnshtejn O.L. Kafedra istorii srednih vekov *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni*, 2010, vyp. 8, pp. 365–377. (In Russ.)
- Vorob'eva I.G., Dvornichenko A.Ju., Lebedeva G.E. K 80-letiju professora V.A. Jakubskogo *Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni*, vyp. 5. St. Petersburg, Aletejjia Publ., 2005, pp. 5–14. (In Russ.)
- Wyczański A. [recenzja]: Problemy agrarnej istorii pozdniesreniewiekowej Polski, W.A. Jakubski, Leningrad 1975 *Przegląd Historyczny*, 1976, t. 67, no. 1, pp. 124–128.

Received on 30.05.2024

Accepted on 06.07.2024

Информация об авторе:

Аржакова Лариса Михайловна
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8260-4101
E-mail: l.arzhakova@inslav.ru

Information about the author:

Larisa M. Arzhakova
DSc. (History), Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8260-4101
E-mail: l.arzhakova@inslav.ru

Один из основоположников отечественной унгаристики.
К 100-летию со дня рождения В.П. Шушарина

© 2024 г. М.К. Юрасов

Институт российской истории Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mihail_yurasov@mail.ru

Аннотация. В статье прослеживается творческий путь видного советского/российского медиевиста, специалиста по истории средневековой Венгрии и русско-венгерских отношений, а также по истории Трансильванского княжества в раннее Новое время В.П. Шушарина (1924–1999). Дефицит специалистов в этой отрасли знания способствовал тому, что В.П. Шушарину приходилось много времени уделять написанию глав в коллективных монографиях, где затрагивались проблемы истории Венгрии и Трансильвании в IX–XVII вв. Главным же трудом его жизни стало создание трехтомной этнической истории венгерского народа в названное время. Результаты исследований В.П. Шушарина были признаны не только отечественными, но и венгерскими коллегами-медиевистами.

Ключевые слова: средневековое Венгерское королевство, Трансильванское княжество, русско-венгерские отношения в Средние века, этническая история Среднего Подунавья.

Ссылка для цитирования: Юрасов М.К. Один из основоположников отечественной унгаристики. К 100-летию со дня рождения В.П. Шушарина // Славяноведение. 2024. № 5. С. 136–145. DOI: 10.31857/S0869544X24050119, EDN: YSLAGB

One of the Founders of Russian Ungaristics.
On the Centenary of V.P. Shusharin

© 2024. Mikhail K. Yurasov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mihail_yurasov@mail.ru

Abstract. The article traces the creative path of the prominent Soviet/Russian medievalist, specialist in the history of medieval Hungary and Russian-Hungarian relations, as well as in the history of the Transylvanian principality in the early modern period V.P. Shusharin (1924–1999). The shortage of specialists in this field of knowledge contributed to the fact that V.P. Shusharin had to devote a lot of time to writing chapters in collective monographs, which touched upon the problems of the history of Hungary and Transylvania in the 9th – 17th centuries. The main work

of his life was the creation of a three-volume ethnic history of the Hungarian people at that time. Research results by V.P. Shusharin were recognized not only by domestic, but also by Hungarian colleagues in medieval studies.

Keywords: medieval Hungarian Kingdom, Transylvanian Principality, Russian-Hungarian relations in the Middle Ages, ethnic history of the Middle Danube.

For citation: *Mikhail K. Yurasov. One of the Founders of Russian Ungaristics. On the Centenary of V.P. Shusharin // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. 2024. № 5. Pp. 136–145. DOI: 10.31857/S0869544X24050119, EDN: YSLAGB*

1 мая 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Павловича Шушарина (1924–1999), видного советского/российского медиевиста, одного из основоположников отечественной унгаристики. Для того чтобы в полной мере оценить вклад, внесенный В.П. Шушариным в историческую науку, важно определить уровень знаний об истории средневековой Венгрии, которого достигла отечественная историческая наука к середине XX в.

Становление российской медиевистики было связано с изучением письменных источников, созданных в Германии, Франции, Англии и других странах, сохранивших римскую традицию записи информации о важнейших событиях прошлого, а также многочисленные грамоты (еще с Каролингского времени), помогающие понять суть владельческих отношений феодальной эпохи. В Венгрии источниковая база для масштабных исследований Средневековья имеет-ся лишь с начала XIII в.

Попытки отечественных историков до середины XX в. хоть как-то затронуть «венгерские сюжеты» можно разделить на следующие «направления»: 1) рассмотрение контактов между русскими и венграми, о которых сохранились сведения в русском летописании и в европейских источниках, чем занимались уже В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин; 2) подробное изучение отдельных периодов истории русско-венгерских отношений и судеб наиболее ярких исторических личностей, сыгравших важную роль в этих отношениях, таких, как Борис Калманович и его мать Евфимия Владимировна (К.Я. Грот, В.Г. Васильевский, С.П. Розанов); 3) краткие дилетантские сочинения, авторы которых пытались дать хотя бы самый общий обзор венгерской истории в Средние века и Новое время (Н.А. Попов, Н. Борецкий-Бергфельд); 4) особое внимание к прошлому восточнославянского населения, издревле проживавшего на территории Венгрии, усилившееся после поездок Н.И. Надеждина в 1840 и 1841 гг. по населенным русинами землям империи Габсбургов (А.И. Добрянский, А.Л. Петров); 5) общие работы об отношениях венгров с кочевниками Восточной Европы и миграциях последних на территорию Венгрии (П.В. Голубовский, Д.А. Расовский). Все вышедшие в России — СССР до начала 50-х годов XX в. работы, прямо или косвенно затрагивавшие сюжеты и эпизоды из венгерской истории, объединяет одно: их создатели не владели венгерским языком и в лучшем случае знали труды венгерских историков по их малочисленным переводам на немецкий язык.

Мощный импульс для изучения венгерской истории в СССР дало вхождение Венгрии в складывавшееся «социалистическое содружество». Это потребовало специалистов, знающих венгерский язык, способных «помочь» товарищам из братской страны осмыслить свое прошлое с марксистских позиций. Одним из них стал В.П. Шушарин, участник Великой Отечественной войны, поступивший после демобилизации в 1947 г. на исторический факультет МГУ, где он избрал средневековую историю Венгрии своей научной специализацией.

Здесь на кафедре истории Средних веков после получения диплома он продолжил обучения в аспирантуре. В то время практически единственным специалистом по средневековой венгерской истории считалась М. А. Павлушкова, защитившая в 1953 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Формирование феодальных отношений в Венгрии в X–XIII в.». Однако активное изучение исследовательницей венгерской истории продолжалось недолго — до конца 50-х годов XX в. (библиографию см.: [Шушарин 1997, 459]), после чего она занялась проблемами южнославянского Средневековья.

В 1956 г. В.П. Шушарин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам истории крестьянских восстаний в средневековой Венгрии. Текст диссертации не был издан, но часть проанализированных в ней материалов стала основой для написания первой монографии В.П. Шушарина о крестьянском восстании 1437 г. в Трансильвании, изданной в 1963 г. [Шушарин, 1963]. Три десятилетия спустя историк вернулся к тематике своей кандидатской диссертации, опубликовав в 1994 г. монографию о Крестьянской войне 1514 г. под руководством Дердяя Дожи [Шушарин 1994]. Оба этих исследования отличает стремление их автора не только выяснить социально-экономические предпосылки и проследить ход названных крестьянских движений, но и проанализировать идеологию их участников.

В.П. Шушарин не ограничивался изучением крестьянских движений в средневековой Венгрии, он занимался в целом историей венгерского крестьянства. Когда в 1956 г. вышла в переводе на русский язык монография Игнаца Ачади (1845–1906) «История венгерского крепостного крестьянства», В.П. Шушарин написал вступительную статью к этому изданию и стал научным редактором перевода, сделанного Е.Н. Елеонской. В те же годы молодому историку доверили написание части одной из глав IV тома «Всемирной истории», посвященного борьбе Венгрии и балканских стран против турецких завоевателей в раннее Новое время [Всемирная история, IV 1958, 400–410]. Это многотомное издание призвано было представить историю человечества с древности до своего времени в марксистском понимании. По мере выхода в свет его томов они переводились и издавались на венгерском языке.

Становление В.П. Шушарина как историка-медиевиста пришлось на время обострения борьбы с «искажениями» западными «буржуазными» исследователями прошлого народов СССР. В отличие от времени гонений на «космополитов», это была полемика на более высоком научном уровне, когда «буржуазных» историков старались уличить в манипуляциях со сведениями источников. В.П. Шушарин принял в этой полемике активное участие. Начал он с разоблачения новых концепций, оживившихся в первые послевоенные десятилетия «норманистов», чему были посвящены две его статьи в журнале «Вопросы истории» в 1960 и 1961 г. В данном случае он выступил как специалист по истории Древней Руси [Шушарин 1960; 1961a].

В.П. Шушарин также подверг суровой критике концепцию русского историка-эмигранта Дж. (Г.В.) Вернадского, утверждавшего, что в последние годы пребывания венгерских племен в степях Восточной Европы поляне были подчиненной им этнополитической группой, о чем якобы свидетельствует Повесть временных лет в известии о существовании в древнем Киеве Олминого двора. По мнению Дж. Вернадского, под летописным Олмой следует понимать верховного вождя одного из венгерских племенных объединений Алмоша. Поскольку Дж. Вернадский опирался при этом на древнейшее дошедшее до нас историческое сочинение — «Деяния венгров» неизвестного нотариуса короля Белы (III), В.П. Шушарин издал в русском переводе главы из этой

беллетризованной хроники, повествующие о миграции венгров через земли южной Руси, с подробными научными комментариями, показав вольное обращение Дж. Вернадского с информацией этого источника [Шушарин 1961b].

В этой статье В.П. Шушарин не ограничился анализом сообщения Повести временных лет под 898 г. о том, как «шли угры мимо Киева», память о чем сохранилась и в венгерских хрониках. Он также кратко остановился на самых ярких событиях из истории русско-венгерских отношений последующих трех столетий, в том числе, походах венгерского войска на Русь сначала в качестве союзников отдельных Рюриковичей, а с конца XII в. — агрессоров, стремившихся утвердиться в Галиче. В.П. Шушарин не был «пионером» в разработке этой тематики. М.А. Павлушкова опубликовала в 1959 г. краткую обзорную статью о русско-венгерских отношениях до начала XIII в., в которой была дана лишь общая характеристика этих отношений, без рассмотрения подробностей заключения династических браков, оказания военной помощи и пр. [Павлушкова 1959].

В.П. Шушарин, не ограничившись критикой ошибок Дж. Вернадского, написал в период «оттепели» монографию, посвященную критике взглядов западных специалистов на историю Древней Руси [Шушарин 1964]. Следует подчеркнуть, что он до конца своих дней считал себя историком-марксистом, но никогда не был догматиком, заявляя о том, что марксизм впитал в себя все лучшее, что накопила историческая мысль за столетия своего существования. В его работах крайне мало цитат из классиков марксизма-ленинизма.

В.П. Шушарин издал при жизни четыре индивидуальные монографии и стал соавтором ряда коллективных. В 1965 г. он написал краткий обзор сведений русских и зарубежных средневековых источников о Древней Руси [Шушарин 1965], в котором были собраны и кратко проанализированы известия латиноязычных сочинений, написанных в Германии, Франции, Польше, Англии, Венгрии и других странах Европы, касающихся Древней Руси и ее отдельных княжеств. Небольшой объем написанной В.П. Шушариным главы не позволил ему детально рассмотреть все упоминания Руси и ее жителей в названных источниках, но обозначил одно из направлений последующих исследований древнерусской истории — создание свода сведений средневековых зарубежных источников о Руси и народах Восточной Европы. Это направление стало главной целью созданного В.Т. Пашуто специального сектора в Институте истории СССР АН СССР, сотрудники которого издали и продолжают издавать (уже в Институте всеобщей истории РАН) собрания известий источников и полных текстов отдельных сочинений с переводом на русский язык и научными комментариями.

Высокий авторитет В.П. Шушарина как специалиста по средневековой Венгрии способствовал тому, что он стал «ответственным» за эту область исторического знания и регулярно привлекался к участию в составлении учебных пособий и обобщающих трудов по европейскому Средневековью. В 1963 г. ему было поручено составление и перевод венгерских источников XI—XV вв. для второго тома «Хрестоматии по истории средних веков» [Хрестоматия по истории средних веков 1963, 708—726, 734—735], а в 1965 г. он впервые стал автором главы, посвященной истории Венгрии XI—XV вв., вузовского учебника по истории Средних веков [История средних веков 1965, 345—351].

В середине 50-х годов XX в. в СССР начинается создание обобщающих трудов по истории европейских государств с древнейших времен. В.П. Шушарин стал одним из главных редакторов трехтомника по истории Венгрии и автором большей части текста ее первого тома, посвященной периоду от проживания венгров на предположительной прародине до конца XVII в., а также истории Трансильванского княжества до конца XVIII в. [История Венгрии. I 1971, 87—426].

При этом В.П. Шушарин в начале каждой главы привел обзор источников с указанием изданий, в которых они опубликованы. Это был качественно новый уровень обобщающего труда по венгерской истории (по сравнению с прежним «ликбезом», о котором написано выше), поскольку авторы вышедшей в 1971–1972 гг. трехтомной «Истории Венгрии» соединили достижения венгерской буржуазной историографии с марксистским мировоззрением.

В 70-е годы XX в. В.П. Шушарин начал заниматься проблемами этнической истории. Первым объектом его исследований стало население Восточного Прикарпатья IX – первой половины XIII в. В двух статьях, написанных им по этому поводу, активно привлекались сведения венгерских источников, на основании которых уточнялась этническая ситуация в названном регионе [Шушарин 1972; 1978]. Впоследствии изучение проблем этнической истории венгерского народа в Средние века и раннее Новое время стало главным направлением научной деятельности В.П. Шушарина. К истории Восточного Прикарпатья В.П. Шушарин обращался и в последующее время, занимаясь темой распространения владений венгерских королей на земли, находившиеся за пределами Карпатского бассейна [Шушарин 1988].

В середине 80-х годов XX в. В.П. Шушарин принял участие в написании ряда коллективных монографий. В 1984 г. вышел в свет обобщающий труд «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений». В.П. Шушарин написал в ней разделы, посвященные особенностям международной обстановки на Балканах во второй половине XIV – первой половине XV в. (в соавторстве с Г.Г. Литавриным и Е.П. Наумовым), отношениям королевства Венгрии и Османской империи в XV – первой четверти XVI в., отношениям Габсбургов, Венгрии, Трансильванского княжества и Османской империи в XVI в. [Османская империя 1984, 42–48, 103–117, 201–217].

Перу В.П. Шушарина также принадлежат три главы – по одной в каждом из трех томов «Истории крестьянства в Европе. Эпоха феодализма» [История крестьянства в Европе 1985: I, 373–386; II, 201–210; III, 399–406]. В них подробно рассмотрена структура сельского населения Венгрии в начале процесса феодализации (XI в.) и ее изменение в последующие столетия с характеристиками каждой из категорий венгерского крестьянства, прежде всего на основании материала королевских грамот. Не остались без внимания историка и классовая борьба в Венгерском королевстве в Средние века и ранее Новое время.

В связи с празднованием 1000-летия Руси в 1988 г. вышла коллективная монография «Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси», для которой В.П. Шушарин написал главу о христианизации венгров [Принятие христианства 1988, 159–186]. Эта тема ранее никогда не затрагивалась отечественными исследователями, за исключением анализа сведений, содержащихся в письме Бруно Кверфуртского германскому императору Генриху II 1008 г., поскольку в нем упоминается киевский князь Владимир Святославич.

В том же 1988 г. В.П. Шушарин начал оформление для последующего депонирования в ИНИОН самого масштабного своего труда под общим названием «Венгерский народ в IX–XVII вв.: Проблемы этнического развития, социально-экономической и внешнеполитической истории». Эта трехтомная машинописная рукопись общим объемом более 1200 страниц стала базой для защиты В.П. Шушариным в 1991 г. докторской диссертации.

В вышедшей в 1989 г. коллективной монографии «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма» В.П. Шушарин стал одним из авторов раздела, посвященного становлению этнического

самосознания словаков [Виноградова, Мельников, Шушарин 1989]. К этой же проблематике историк еще раз обратился в статье, вышедшей шестью годами позже [Шушарин 1995].

Заметным событием в советской медиевистике стало издание трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». В связи с обнаруженными недостатками его первого варианта, вышедшего в 1989 г., через два года этот памятник политической и исторической мысли Византии был переиздан с изменениями и дополнениями. В обоих вариантах рассматриваемой книги все комментарии, касающиеся истории венгров и присоединившимся к ним этнических групп, написаны В.П. Шушариным [Константин Багрянородный 1991].

В годы «перестройки», способствовавшей отходу от догматического марксизма в исторической науке СССР и «братских стран социализма», потребовался решительный пересмотр некоторых трактовок событий и процессов прошлого в этих государствах. В Советском Союзе это выразилось, в том числе, в издании серии однотомных кратких историй стран, входивших в состав «социалистического содружества». Одной из них стала вышедшая в 1991 г. «Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней». В.П. Шушарин написал первую часть этой книги, посвященную истории венгров, Венгрии и Трансильвании с древности до конца XVII в. [Краткая история Венгрии 1991, 9–133].

В 1997 г. вышел в свет первый том депонированной в ИНИОН рукописи труда В.П. Шушарина, посвященный раннему этапу этнической истории венгров (до начала XIII в.), с изменениями и дополнениями [Шушарин 1997]. Историк готовил к изданию и оставшиеся два тома этой рукописи, но осуществить это не удалось.

В 1998 г. была издана монография В.П. Шушарина и М.П. Мургулия «Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв.», в которой рассмотрена судьба тех половцев, которые пытались укорениться в Грузии и Венгрии в указанное время [Мургулия, Шушарин 1998]. Это уникальное исследование по истории части половецкого этноса опирается на тщательное исследование русских, венгерских и грузинских источников и историографию, в том числе венгерскую и грузинскую.

В 90-е годы XX в. В.П. Шушарин много занимался историей Трансильвании в раннее Новое время. Он написал главу в вышедшей в 1990 г. коллективной монографии «Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.)», посвященную связям Русского государства с Трансильванским княжеством при первых Романовых [Связи России с народами Балканского полуострова 1990, 68–93]. В другой коллективной монографии – «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.» перу В.П. Шушарина принадлежат разделы в четырех главах ее первой части, посвященные внешнеполитической истории вошедших в состав империи Габсбургов территорий бывшего королевства Венгрии и Трансильванского княжества в период борьбы за Среднее Подунавье между Габсбургами и Османами, а также участия венгерского войска в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. [Османская империя 1998, I, 29–49, 88–96, 175–179, 225–233].

Заслуги В.П. Шушарина были признаны его венгерскими коллегами. Хотя на венгерском языке вышла лишь одна его небольшая статья в журнале «*Historia*» [Susarin 1987], на его работы часто ссылались венгерские медиевисты и археологи, знавшие русский язык (Д. Дерффи, А. Барта, Д. Кришто, М. Фонт и др.). Поскольку научный кругозор В.П. Шушарина был очень широким, и он долгое время вынужден был писать разделы по венгерскому Средневековью и раннему Новому времени в вышеперечисленных обобщающих трудах,

порой историк некритически воспринимал некоторые идеи венгерских историков, становясь, по сути, их пропагандистом. Так он до конца своих дней разделял популярную в венгерской историографии середины XX в. точку зрения Эммы Ледерер, что поход Бату в Венгрию имел разведывательный характер. Между тем, еще в 1970 г. В.Т. Пашуто выдвинул более убедительную гипотезу, согласно которой будущий основатель Золотой Орды намеревался сделать Среднее Подунавье центром своего улуса [Пашуто 1970]. Современные венгерские историки считают, что Бату вряд ли бы лично возглавил разведывательный поход, а Венгрия была конечной целью похода. Эта точка зрения фактически означает поддержку гипотезы В.Т. Пашуто.

Неизданное научное наследие В.П. Шушарина представлено, главным образом, переводами с венгерского комментариев к средневековым источникам и самих латиноязычных сочинений королевства Венгрии. В 80-е годы XX в. было подготовлено и издано академическое издание «Хроники венгров» Яноша Туроци (ум. ок. 1489) [Johannes de Thurocz: I 1985; II 1988]. Этот труд вобрал в себя тексты официальных средневековых венгерских исторических сочинений, а также сведения других источников и изложение автором событий, свидетелем которых он был. В первом томе рассматриваемого издания содержится полный текст «Хроники венгров», а в двух других полутомов — комментарии к нему, переведенные на латынь с венгерского языка. Основной текст этих комментариев написал Элемер Маюс (1898–1989), а Дюла Кришто (1939–2004) внес в них многочисленные дополнения и добавил ряд своих комментариев.

В.П. Шушарин имел в своем распоряжении источниковедческое Введение к этой хронике, написанное Э. Маюсом и изданное отдельной книгой [Mályusz 1967], а также исходный венгерский текст комментариев Э. Маюса без добавлений Д. Кришто. Перевод В.П. Шушариным только этой части издания «Хроники венгров» Яноша Туроци составляет 1400 страниц машинописного текста. Он хранится в Отделе Рукописей Венгерской Академии Наук (машинописная копия № 8/1993). Неизданный перевод текста исторического труда Яноша Туроци сделал Д.А. Дрбоглав. Неполнота перевода В.П. Шушарина рассматриваемых комментариев не позволила довести эту масштабную работу до издания. Владимир Павлович завещал свои неизданные работы мне, я перевел все дополнения, внесенные Д. Кришто в академическое издание «Хроники венгров» и отредактировал перевод В.П. Шушарина в соответствии с современными традициями оформления ссылок на цитируемые работы, правда, пока только первый полум, в котором рассматриваются события до 1301 г. К 100-летию В.П. Шушарина все это будет выставлено на моем сайте (mihailyrasov.tilda.ws).

В статьях и монографиях В.П. Шушарина неоднократно цитировались отрывки и целые главы из «Деяний венгров магистра П., которого называют Анонимом» («*P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum*»). В архиве историка находится полный перевод этого древнейшего дошедшего до нас латиноязычного средневекового венгерского исторического сочинения. Кроме того, при подготовке полного издания этой беллетризованной хроники В.П. Шушарин тесно сотрудничал с венгерским историком Д. Дерфффи, который подготовил в 1975 г. очередное переиздание этих «Деяний», написанных неизвестным нотариусом короля Бельи III (1172–1196) [Anonymus, 1975], ознакомился с переводом текста Анонима, сделанного В.П. Шушариным, и высказал ряд замечаний. Комментариями к этому готовившемуся изданию должны были послужить переведенные на русский язык комментарии венгерского издания 1975 г.

Однако в сохранившейся в архиве В.П. Шушарина рассматриваемой рукописи отсутствуют комментарии к главам 16–56, причем в их нумерации такой

лакуны нет. Возможно, историк первоначально хотел издать лишь те главы «Деяний венгров» магистра П., в которых рассмотрены сведения о народах Восточной Европы. Действительно, в Прологе и первых 14 главах этого сочинения речь идет о пребывании венгров в «Скифии» и на территории современной Закарпатской области Украины, в главе 15 упоминается русская жена венгерского короля Андраша I (Анастасия Ярославна), а в главе 57 — Русская крепость на Дунае (совр. Русовце — окраина Братиславы). Так или иначе, но среди находящихся в моем распоряжении материалов архива В.П. Шушарина нет рукописи, в которой были бы только Пролог и главы с 1 по 15, а также 57, лишь полный текст «Деяний венгров» магистра П.

Собирая материал для свода известий средневековых латиноязычных сочинений королевства Венгрии о Руси и народах Восточной Европы, В.П. Шушарин не ограничился лишь подготовкой издания сведений Венгерского Анонима. В его архиве сохранились (в машинописных рукописях) переведенные на русский язык отрывки из «Деяний венгров» Шимона Кезаи и Композиции венгерских хроник XIV в., полные тексты донесения брата Рикарда «О существовании Великой Венгрии...» и Послания брата Юлиана о монгольской войне, а также отрывки из Венгерско-польской хроники. Комментарии к ним В.П. Шушарин написать не успел.

Научное издание такого свода является частью моей плановой темы, включающей также привлечение информации созданных в Венгрии агиографических сочинений и королевских дипломов. В случаях отсутствия у меня собственных вариантов переводов отрывков, уже сделанных В.П. Шушариным, в моих публикациях (и будущем своде) используются его тексты. Сами же эти переводы в полном объеме будут помещены в рубрике «Научное наследие В.П. Шушарина» на моем сайте.

Характеризуя в целом вклад В.П. Шушарина в отечественную историческую науку, следует отметить, что он стал одним из основоположников профессиональной унгаристики, положившим традицию неуклонного учета достижений венгерских коллег при исследовании проблем средневековой истории Венгрии. Регулярное привлечение к написанию обобщающих трудов и коллективных монографий затрудняло сосредоточение научного внимания В.П. Шушарина на решении конкретных научных проблем, но все же ему удалось написать капитальную этническую историю венгерского народа от его генезиса до конца XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградова А.И., Мельников Г.П., Шушарин В.П. К проблеме становления этнического самосознания словаков // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С. 233—244.
- Всемирная история. Т. IV. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 823 с.
- История Венгрии / отв. ред. В.П. Шушарин. М.: Наука, 1971. Т. I. 642 с.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М.: Наука, 1985. Т. I. 608 с.; Т. II. 694 с.; Т. III. 587 с.
- История средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М.: Высшая школа, 1965. Т. I. 398 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Изд. 2-е. М.: Наука, 1991. 494 с.
- Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т.М. Исламов. М.: Наука, 1991. 592 с.
- Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII—XIII веках. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 314 с.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М.: Наука, 1984. 301 с.

- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. Ч. I. 286 с.
- Павлушкова М.А. Русско-венгерские отношения до начала XIII века // История СССР. М., 1959. № 6. С. 149–155.
- Паушто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. С. 204–221.
- Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. 268 с.
- Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). М.: Наука, 1990. 272 с.
- Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. Т. II. 751 с.
- Шушарин В.П. О сущности и формах современного норманизма // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 65–93.
- Шушарин В.П. Против фальсификации истории Киевской Руси // Вопросы истории. 1961а. № 12. С. 182–183.
- Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX веке // Международные связи России до XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1961b. С. 131–180.
- Шушарин В.П. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437–1438 гг.) М.: Издательство АН СССР, 1963. 226 с.
- Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.: Наука, 1964. 304 с.
- Шушарин В.П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 420–452.
- Шушарин В.П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наукова думка, 1972. С. 168–179.
- Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. // История СССР. М., 1978. № 2. С. 38–53.
- Шушарин В.П. Домен королей Венгрии на территории Восточного Прикарпатья в XIV веке // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). Чтения памяти Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М.: Институт истории СССР, 1988. Т. 2. С. 251–256.
- Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М.: Типография РАН, 1994. 253 с.
- Шушарин В.П. Условия развития этнического самосознания словаков в XV веке: этнические ситуации // Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. С. 113–123.
- Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Росспэн, 1997. 511 с.
- Anonymus. *Gesta Hungarorum*. Budapest: Magyar Helikon, 1975. 172 l.
- Johannes de Thurocz. *Chronica Hungarorum*. I. Textus / ed. E. Galántai et J. Kristó. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. 332 p.; II/1. Commentarii / ed. E. Mályusz, adiuv. J. Kristó. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 603 p.
- Susarin V.P. Az erdélyi fejedelemség és Oroszország kapcsolatai // História. Budapest, 1987. 1. Sz. 32–33. l.

Рукопись поступила в редакцию 17.12.2023

Рукопись принята к печати 31.03.2024

REFERENCES

- Anonymus. *Gesta Hungarorum*. Budapest, Magyar Helikon Publ., 1975, 172 p.
- Istoriya krest'yanstva v Evrope. *Epokha feodalizma*. Moscow, Nauka Publ., t. I, 1985, 608 p.; t. II, 694 p.; t. III, 587 p. (In Russ.)
- Istoriya srednikh vekov. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1965, t. 1, 398 p. (In Russ.)
- Istoriya Vengrii. Moscow, Nauka Publ., 1971, t. I, 642 p. (In Russ.)
- Johannes de Thurocz. *Chronica Hungarorum*. I. Textus, ed. E. Galántai et J. Kristó. Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1985, 332 p.; II/1, Commentarii, ed. E. Mályusz, adiuv. J. Kristó. Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1988, 603 p.
- Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. Moscow, Izdatel'stvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ., 1963, t. II, 751 p. (In Russ.)
- Konstantin Bagryanorodniy. *Ob upravlenii imperiey*. 2. ed. Moscow, Nauka Publ., 1991, 494 p. (In Russ.)
- Kratkaya istoriya Vengrii s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Moscow, Nauka Publ., 1991, 592 p. (In Russ.)
- Mályusz Elemér. *A Thuróczy-kronika és forrásai*. Budapest, Akadémiai kiadó Publ., 1967, 207 l.

- Murguliya M.P., Shusharin V.P. *Polovtsi, Gruzia, Rus' i Vengriya v XII–XIII vekakh*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 1998, 314 p. (In Russ.)
- Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v XV–XVI vv. Glavniye tendentsii politicheskikh vzaimootnosheniy*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 301 p. (In Russ.)
- Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v XVII v.* Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., 1998, part I, 286 p. (In Russ.)
- Pavlushkova M.A. Russko-vengerskiye otnosheniya do nachala XIII veka. *Istoriya SSSR*. Moscow, 1959, no. 6, pp. 149–155 (In Russ.)
- Pashuto V.T. Mongol'skiy pokhod v glub' Evropy. *Tataro-mongoly v Asii i Evrope*. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 204–221 (In Russ.)
- Prinyatiye khristianstva narodami Tsentralnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy i kreshcheniye Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 268 p. (In Russ.)
- Shusharin V.P. O sushchnosti i formakh sovremennogo normanizma. *Voprosy istorii*. 1960, no. 8, pp. 65–93 (In Russ.)
- Shusharin V.P. Protiv falsifikatsii istorii Kievskoy Rusi. *Voprosy istorii*, 1961, no. 12, pp. 182–183 (In Russ.)
- Shusharin V.P. Russko-vengerskii otnosheniya v X veke. *Mezhdunarodniye svyazi Rossii do XVII veka*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961a, pp. 131–180 (In Russ.)
- Shusharin V.P. *Krest'yanskoye vosstaniye v Transilvanii (1437–1438 gg.)* Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 226 p. (In Russ.)
- Shusharin V.P. *Sovremennaya burzhuaznaya istoriografiya Drevney Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 304 p. (In Russ.)
- Shusharin V.P. Drevnerusskoye gosudarstvo v zapadno- i vostochnoevropeskikh srednevekovykh pamyatnikakh. *Drevnerusskoye gosudarstvo i ego mezhdunarodnoye znacheniye*. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 420–452 (In Russ.)
- Shusharin V.P. Etnicheskaya istoriya Vostochnogo Prikarpat'ya v IX–XII vv. *Stanovleniye rannefeodalnykh slavyanskikh gosudarstv*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, pp. 168–179 (In Russ.)
- Shusharin V.P. Svidetelstva pis'mennykh pamyatnikov ob etnicheskom sostave naseleniya Vostochnogo Prikarpat'ya pervoy poloviny XIII v. *Istoriya SSSR*. Moscow, 1978, no. 2, pp. 38–53 (In Russ.)
- Shusharin V.P. Domen koroley Vengrii na territorii Vostochnogo Prikarpat'ya v XIV veke. *Obshchee i osobennoye v razvitiy feodalizma v Rossii i Moldavii. Problemy feodal'noy gosudarstvennoy sobstvennosti i gosudarstvennoy ekspluatatsii (ranniy i razvityy feodalizm). Chteniya pamyati L.V. Chepepnina. Tezisy dokladov i sobshcheniy*. Moscow, Institut istorii SSSR Publ., 1988, t. 2, pp. 251–256 (In Russ.)
- Shusharin V.P. *Krest'yanskaya voyna 1514 goda v Vengrii*. Moscow, Tipografiya RAN Publ., 1994, 253 p. (In Russ.)
- Shusharin V.P. Usloviya razvitiya etnicheskogo samosoznaniya slovakov v XV veke: etnicheskiye situatsii. *Etnicheskoye samosoznaniye slavian v XV stoletii*. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 113–123 (In Russ.)
- Shusharin V.P. *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya*. Moscow, Rosspen Publ., 1997, 511 p. (In Russ.)
- Susarin V.P. Az erdélyi fejedelemség és Oroszország kapcsolatai. *História*. Budapest, 1987, 1. sz. 32–33. l.
- Svyazi Rossii s narodami Balkanskogo poluoostrova (pervaya polovina XVII v.)*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 272 p. (In Russ.)
- Vinogradova A.I., Mel'nikov G.P., Shusharin V.P. K probleme stanovleniya etnicheskogo samosoznaniya slovakov. *Razvitiye etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 233–244 (In Russ.)
- Vsemirnaya istoriya. Moscow, Izdatel'stvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ., 1958, t. IV, 823 p. (In Russ.)

Received on 17.12.2023

Accepted on 31.03.2024

Информация об авторе:

Юрасов Михаил Константинович
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт российской истории
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0978-365X
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Information about the author:

Mikhail K. Yurasov
DSc. (History),
Leading Researcher Fellow
Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0978-365X
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Распад Югославии: тридцать лет спустя / отв. ред.
и сост. С.А. Романенко. М.: ИНИОН РАН, 2024. 327 с.

© 2024 г. Б.А. Шмелев

Институт экономики Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

boris_shmelev@mail.ru

Ссылка для цитирования: Шмелев Б.А. Распад Югославии: тридцать лет спустя / отв. ред. и сост. С.А. Романенко. М.: ИНИОН РАН, 2024. 327 с. // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 146–149. DOI: 10.31857/S0869544X24050121, EDN: YSFPMC

The Collapse of Yugoslavia: Thirty Years Later //
A Collective Monograph / ed. and comp. S.A. Romanenko. Moscow,
INION RAS, 2024. 327 p.

© 2024. Boris A. Shmelev

(Moscow, Russian Federation)

boris_shmelev@mail.ru

For citation: Boris A. Shmelev. The Collapse of Yugoslavia: Thirty Years Later / ed. and comp. S.A. Romanenko. Moscow, INION RAS, 2024. 327 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 5. Pp. 146–149. DOI: 10.31857/S0869544X24050121, EDN: YSFPMC

О распаде Югославии, трагической судьбе народов, переживших череду разрушительных событий, начавшихся в 1991 г., последствиях для европейской и региональной безопасности исчезновения с политической карты мира крупного балканского государства написаны десятки научных книг и сотни статей. В центре внимания этих публикаций — политические, исторические и экономические причины обострения отношений между народами, проживавшими на территории югославянского государства. Однако, чем дальше время уносит нас от жесткого противостояния, развернувшегося на постюгославском пространстве, тем больше вопросов возникает и у историков, и у политологов относительно его предпосылок. Поэтому коллективная монография

«Распад Югославии: тридцать лет спустя», посвященная анализу исторического опыта Социалистической Федеративной Республики Югославии конца XX в., представляет большой интерес. В книге на основе введения в научный оборот новых документов, уточняются истоки и динамика югославского кризиса, ставятся новые вопросы, ответы на которые дают более полное представление о его историческом и политическом масштабе. Авторы монографии на основе междисциплинарного анализа особенностей развития многонационального социалистического югославянского государства исследовали влияние окончания холодной войны на его внутрисполитические процессы.

Большой интерес представляют те разделы книги, в которых речь идет о воздействии

югославского кризиса на возникновение противоречий между Российской Федерацией и ЕС и НАТО. Следует выделить те вопросы, поставленные авторами монографии, ответы на которые позволяют по-новому взглянуть на историю балканского кризиса, на его место и в мировом историческом, и в общеевропейском политических процессах. К их числу можно отнести вопрос о том, являлась ли СФРЮ многонациональным государством или империей, какой характер носил внутриягославский конфликт — межнациональный, междоупбликанский, этнорелигиозный и этнокультурный, или же это была гражданская война, окончательны ли границы между государствами — наследниками СФРЮ, был ли распад СФРЮ единичным и случайным историческим явлением или же это был неизбежный результат развития многонационального югославянского государства? Весьма актуальным и с политической, и с научной точек зрения является также вопрос о возможности реформирования югославского многонационального государства на общедемокаратических принципах и, соответственно, сохранения его целостности, т.е. насколько жизнеспособным в современных исторических условиях является многонациональное государство. Весьма важным является также вопрос о реальной возможности осуществить распад Югославии мирным путем, без страшных, кровавых войн, унесших жизни сотен тысяч людей. Конечно, какими бы ни были ответы на эти и другие вопросы, поставленные авторами монографии, они уже ничего изменить не смогут. То, что произошло с бывшей Социалистической Федеративной Республикой Югославией, является достоянием истории с соответствующими последствиями как для проживавших на ее территории народов, так и для европейской безопасности. Но тем не менее, ответы на них не только могут обогатить наше историческое знание, но и будут способствовать определению перспектив развития балканского региона. Разумеется, содержащиеся в монографии ответы нельзя рассматривать как окончательные, авторы на это и не претендуют. Над ними будут работать многие поколения новых исследователей и у каждого из них будет свой подход, своя точка зрения к этим проблемам. И это нормально.

Монография весьма объемна, она состоит из пяти разделов и 17 глав. Представленные в ней материалы носят историко-документальный, мемуарно-аналитический и научно-исследовательский характер. Особенно выделяются те разделы научного труда, в которых рассмотрена политика СССР, а затем и России по урегулированию югославского кризиса.

Наша страна играла активную роль в поиске путей стабилизации ситуации в Югославии и сохранении ее целостности, а затем прекращения военных действий на ее территории. Об этом в российской исторической и политологической литературе сказано не мало. Однако в двух ключевых главах монографии (написанных С.А. Романенко и П.Р. Палаженко соответственно), посвященных советско-югославским отношениям в 1991 г. и позиции советского руководства, впервые использовались документы архива Фонда М.С. Горбачева, что позволило уточнить наше представление о советской политике на югославском направлении, понять логику мышления советских руководителей в отношении югославского кризиса, и мотивы тех действий, которые ими предпринимались. Представляется, что не будет преувеличением сделать вывод о том, что советское руководство плохо осознавало причины югославского кризиса, так как исходило из марксистско-ленинской концепции строительства социалистического государства, продемонстрировавшей со временем свою историческую несостоятельность. Но понять это в Москве тогда не смогли. В то же время усилия советской дипломатии по сохранению целостности югославского государства совпадали и со стремлением США, ЕС предотвратить его распад. Да, тогда существовала особая позиция ФРГ, Австрии, Италии, Ватикана. Эти государства выступали на стороне тех сил в Хорватии и Словении, которые добивались выхода из состава СФРЮ и образования своих собственных независимых государств. Но ЕС и США были противниками такого развития событий. В монографии по этому поводу сказано немало и содержится реалистическая оценка политики Запада в начальный период развития югославского кризиса.

Следует выделить раздел монографии, в котором рассмотрена идеология национализма югославянских народов. Авторы справедливо отметили, что трансформация государственной системы, пересмотр политических границ, межэтнические конфликты явились катализатором процессов этнического характера. В условиях полной дискредитации идеологии коммунизма, пусть и с югославской спецификой, в глазах как населения всех республик СФРЮ, так и политической элиты национализм стал восприниматься в качестве реальной альтернативы коммунизму. Как справедливо отметила одна из авторов монографии, М.Ю. Мартынова, партии, смешанные по этническому составу и выступавшие за межнациональное взаимодействие в духе принципа «братство и единство», провозглашенного

Союзом Коммунистов Югославии в качестве основы своей национальной политики, чаще всего базировались на коммунистической идеологии, которая в тот период уже перестала пользоваться популярностью у населения, стремившегося к переменам. Заслуживает внимания данная ею характеристика войн, начавшихся на территории бывшей Югославии. С самого начала, по ее мнению, они носили политический, а не религиозный характер, хотя в них были вовлечены три народа, исповедовавших две мировые религии. Наверное, вполне можно согласиться с ответом автора на вопрос о причинах кровавых конфликтов, потрясших постъюгославское пространство. Она видела их в той политической стратегии, которая доминировала в Югославии с конца 1980-х годов и которая, в свою очередь, была следствием того политического идеала, к которому стремилось югославское общество. А он, как известно, опирался на очевидные националистические лозунги: «Одна нация — одно государство», «Каждая нация — одна страна и вся нация в одной стране».

С точки зрения типологии национализмов, сформировавшихся не только в постъюгославских республиках, но и на постсоветском пространстве, а также в различных европейских государствах обращает на себя внимание данное ею определение национализма на Балканах как политического, связанного с борьбой за власть, за реализацию своего права на территорию. В этом, наверное, и проявляется суть любого национализма, и балканский национализм здесь не исключение. Для российского читателя такие выводы весьма актуальны, так как позволяющие понять суть межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве, выявить динамику их эволюции и предсказать возможные варианты их трансформации.

Рассматривая балканский кризис в контексте общемировых процессов глобализации, проявляющейся в растущей интеграции и взаимозависимости государств, экономик, культур, распад Югославии можно охарактеризовать как контртенденцию в мировом развитии. Насколько она будет устойчивой и долговременной, мы сможем увидеть уже в недалеком будущем. Но очевидно одно, и за это мы, читатели, можем быть благодарны авторам монографии, что эта контртенденция, как показывают, в том числе, и события на постсоветском пространстве, не случайна, она возникла не на пустом месте, и будет влиять на мировые процессы еще очень долгое время.

Как известно, распад Югославии проходил практически одновременно с распадом Советского Союза и сменой режимов в

социалистических странах Восточной Европы, т.е. распад югославянского государства представлял собой составную часть общего процесса политических изменений в Восточной Европе. В монографии вполне закономерно поставлен вопрос о том, было ли это случайным историческим совпадением, или же при всей специфике развития событий в СФРЮ проявлялась некая общая историческая тенденция, с которой, как известно, не поспоришь. В монографии содержится ответ на этот вопрос. Как отметили авторы, это совпадение во времени и схожесть политических процессов не были случайными. По мнению одного из авторов монографии, словенского политолога А. Беблера, внутренние кризисы и политические банкротства режимов реального социализма имели место в мононациональных, двунациональных и многонациональных странах Восточной Европы. Культурные, религиозные и национальные факторы или вообще не являлись причиной, или были второстепенной причиной развала Югославии и лишь придали ему национальную и религиозную окраску. Эпицентр глубокого кризиса, который привел к распаду СФРЮ, как пишет ученый, находился в ее политической системе. Но почему же фиаско коммунистического режима в Югославии привело к гибели государства, можно ли было сохранить целостность югославянского государства под другим названием и с другим, не коммунистическим режимом? На этот вопрос А. Беблер дал отрицательный ответ. Между руководителями югославских республик существовали непреодолимые разногласия, касающиеся понимания направлений изменения политической системы, отношения к западным либеральным ценностям, сущности новой экономической политики, открытости мировому сообществу. Руководство республик не смогло преодолеть эти разногласия и выработать общую политическую линию по трансформации страны и встало на путь ее дезинтеграции. С этим выводом трудно не согласиться.

Монография — результат многопланового научного исследования. Ее достоинством является рассмотрение причин и хода балканского кризиса политологами различных европейских стран. Это придает рецензируемому научному труду объемность, своеобразную многогранность, что позволяет проанализировать всю палитру причин возникновения балканского кризиса и его последствий для судеб югославянских народов. Книга помогает российским исследователям глубже изучить причины распада Советского Союза и не скатываться к упрощенным схемам и выводам. Она, конечно, очень нужна студентам вузов,

преподавателям, читающим курсы лекций о распаде многонациональной СФРЮ. Коллективная монография расширяет исторический кругозор, позволяет более уверенно ориентироваться в хитросплетениях мирового политического процесса, понимать логику происходящих в мире событий. Этому способствует участие в исследовании известных авторов разных специальностей (историков, политологов, этнологов, международников). Кроме уже упомянутых в данной рецензии в написании коллективного труда приняли участие ученые не только из России (А.В. Белинский,

Т.Г. Биткова, А.Ф. Дырина, И.В. Крючков, А.В. Рябов, Ар.А. Улунян Ю.А. Щербакова), но и из Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины (И. Гольдштейн, Х. Камберович, к сожалению, ныне уже покойные Л. Перович и М. Зечевич), а также непосредственные участники событий (В.В. Мукусев и С.П. Грызун). Монография представляет собой значимый вклад в современную историческую науку в целом и балканистику особенно, закрывает многие существующие пробелы в изучении югославского кризиса.

Информация об авторе:

Шмелев Борис Александрович
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт экономики
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: boris_shmelev@mail.ru

Information about the author:

Boris A. Shmelev
DSc. (History), Chief Researcher
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
E-mail: boris_shmelev@mail.ru

Международная научная конференция «I Широковские чтения»

© 2024 г. О.А. Остапчук, А.В. Уржа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

ostapczuk@yandex.ru, aourja@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Остапчук О.А., Уржа А.В.* Международная научная конференция «I Широковские чтения» // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 150–153.
DOI: 10.31857/S0869544X24050134, EDN: YSAHHK

International Scientific Conference «First Shirokova's Readings»

© 2024. Oxana A. Ostapchuk, Anastasya V. Urzha

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

ostapczuk@yandex.ru, aourja@gmail.com

For citation: *Oxana A. Ostapchuk, Anastasya V. Urzha.* International Scientific Conference «First Shirokova's Readings» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No 5. Pp. 150–153. DOI: 10.31857/S0869544X24050134, EDN: YSAHHK

27–28 ноября 2023 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в дистанционном формате прошла международная научная конференция «I Широковские чтения», посвященная памяти известного слависта, основательницы советской школы богемистики А.Г. Широковой. Имя Александры Григорьевны Широковой прочно связано с историей кафедры славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Начав с практического преподавания чешского языка на воссозданной на филологическом факультете в 1943 г. кафедре, А.Г. Широкова впоследствии стала ее заведующей, а также основательницей отечественной школы богемистики, автором и соавтором базовых учебников чешского языка для вузов, крайне востребованных и сегодня [Широкова 1961; Широкова и др. 1988; Широкова и др. 1990]. В историю славистики А.Г. Широкова вошла как авторитетный специалист по синхронно-сопоставительному изучению славянских языков, активно участвовавший в разработке теории взаимодействия грамматических систем близкородственных языков. Результаты многолетнего исследования славянских языков в

сопоставительном аспекте собраны в изданной под ее руководством коллективной монографии [Сопоставительные исследования 1998], ставшей одним из наиболее цитируемых научных трудов также в ходе научных чтений ее памяти.

В организации и проведении I Широковских чтений активное участие приняли сотрудники двух ведущих кафедр филологического факультета: кафедр русского языка и славянской филологии, в том числе коллектив научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком», реализуемого в рамках гранта Российского научного фонда 23-18-00260 (подробнее см.: <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>). Большинство научных докладов в рамках конференции были посвящены сопоставительной проблематике — ведущей в научном наследии А.Г. Широковой. Потенциал системно-функционального метода при сопоставлении грамматических категорий в близкородственных языках, разработанного А.Г. Широковой, был продемонстрирован, в частности, в докладах, прозвучавших в рамках пленарных заседаний: Л.Б. Карпенко на материале категории пространственности в русском и болгарском языках, Н.Е. Ананьевой, обратившейся к сопоставительному анализу двувидовых глаголов и их функциональной нагрузки в польском и русском языках, Е.В. Петрухиной, представившей результаты применения дискурсивного подхода для оценки прагматического потенциала видовых форм в русском и чешском языках, Б. Марич, сосредоточившейся на глаголах, вводящих чужую речь, в русском и сербском языках и др.

Сопоставительному анализу грамматических и словообразовательных категорий в близкородственных славянских, а также неславянских языках с учетом функционально-семантического принципа объединения разноуровневых языковых средств были посвящены две ведущие секции в рамках конференции. В докладах в качестве сопоставительной базы, помимо русского, привлекался материал сербского (Д. Керкез), словенского (О.С. Плотникова), польского (О.О. Лешкова), чешского (Д.К. Поляков, М.Э. де Пой), словацкого (Д.Ю. Ващенко) языков, а также языков других структурных типов (О.Ю. Крючкова). Обращение участников конференции к материалу корпусов славянских языков, в том числе параллельных, позволило по-новому взглянуть на ряд проблем из сферы грамматики и прагматики глагола. Так, например, в докладе А.Д. Подгорной, посвященному анализу пассивных и имперсональных конструкций, были использованы ряд славянских (польский, чешский, сербский, болгарский), а также немецкий переводы романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Корпусное исследование глагольных англицизмов в чешском и русском языках в совместном докладе Е.В. Петрухиной и М.Э. де Пой позволило выявить особенности их адаптации и прагматического потенциала в каждом из языков. Изучение поведения делексистализованных глаголов (типа *dívat se*, *hledět*, *myslet*, *prosit*) в чешско-русском сегменте базы данных переводческих соответствий Трег позволило Д.К. Полякову уточнить некоторые наблюдения А.Г. Широковой о межъязыковой эквивалентности в близкородственных языках.

В рамках конференции затрагивались также чрезвычайно важные для научного наследия А.Г. Широковой вопросы функциональной стратификации русского (В.А. Мишиланов), а также других славянских языков, в частности, в докладе Л.Л. Федоровой особого словенского идиома в Италии — резьянского микроязыка. Функционально-стилистическая проблематика оказалась особенно актуальной для богемистов — учеников А.Г. Широковой, что связано со спецификой чешской языковой ситуации. Так, В.В. Белоусова обратилась к оценке прагматического потенциала дискурсивных маркеров, используемых для оформления разговорного дискурса современного чешского языка.

А.И. Изотов проанализировал пример литературной фиксации остравского микроязыка — одного из некодифицированных идиомов чешского языка. *Н.В. Воробьева*, в свою очередь, перевела разговор о функциональной стратификации чешского языка в практическую плоскость, рассмотрев проблему представленности чешского субстандарта в учебном курсе для студентов-богемистов.

Отдельная секция в ходе конференции была посвящена славянской лексике, ономастике и фразеологии в сопоставительной перспективе. Докладчиками были рассмотрены некоторые проблемы славянской этимологии (*Ж.Ж. Варбот* на материале ряда чешских лексем, *М. Калезич* на примере лексемы *благва*), ономастики (*И.А. Седакова* на материале именослова современного болгарского языка, в том числе в семиотическом аспекте), терминологии (*А.А. Индыченко* на примере складывания чешской естественно-научной номенклатуры). Особо выделялся блок докладов, посвященных изучению славянской фразеологии, в частности, *В.Г. Кульпина* сосредоточилась на сопоставлении русских и польских пословиц с семантикой добра, а *Н.Ю. Котова* на заключительном пленарном заседании представила результаты масштабного социолингвистического исследования, проведенного коллегами из СПбГУ с целью установления функциональных соответствий русских пословиц из чешского паремииологического минимума.

Секция «Займствования в славянских языках и лексические проблемы перевода» объединила исследователей, занимающихся теоретическим осмыслением процесса заимствования лексики в славянских языках, а также вопросами установления различных типов эквивалентности при переводе. В частности, обсуждался статус заимствований в словацком литературном языке: мадьяризм (в докладе *К.В. Лифанова*) и богемизмов (в докладе *Ю.П. Уваровой*). Анализ поведения неодериватов (типа *кофемат* / *kávomat*) в русском и чешском языках представили в совместном докладе *И.Ю. Гранева* и *А.А. Мартинкова*, увязав его со спецификой проявления в данной сфере национальных лингвокультур. В свою очередь *И.Е. Пинхасик* проанализировала русские и чешские эквиваленты в рамках лексико-семантического поля «пища», обнаруженные в соответствующих национальных языковых корпусах.

В рамках секции «Проблемы перевода: функции глагола в тексте», докладчики обратились к особенностям функций глагольных форм в оригинальных текстах на неславянских языках (английском, итальянском), воссоздаваемых при переводе на славянский язык или ряд славянских языков (русский, украинский, польский). Особое внимание было уделено также ситуациям сосуществования нескольких переводов текста на один славянский язык. *Т.В. Пентковская* в докладе «О квазиперфектных конструкциях с глаголом иметь в переводе “Гистории управления настоящего империи Оттоманской” П.А. Толстого», выполненном с итальянского языка в начале XVIII в., рассмотрела конструкции с глаголом иметь и пассивным причастием прошедшего времени типа *имели/имеють сказано*. В выступлении было отмечено, что форма пассивного причастия в русском переводе может быть сопоставлена с формами пассивных причастий в различного рода перфектоподобных конструкциях в славянских языках. *А.В. Уржа* и *Г.А. Филатова* обратились к феномену варьирования в переводах с английского языка на русский таких ключевых характеристик глагольных форм, как аспектуальность, темпоральность и финитность. В фокус выступлений, опирающихся на корпусные данные и лингвостилистический анализ текстов, были помещены прагматические причины и эффекты такого варьирования. Доклады *М.И. Хазановой* и *О.А. Остапчук* представили результаты исследования различных языковых интерпретаций романа Э. Бёрджеса «Заводной апельсин». *М.И. Хазанова* уделила особое внимание глагольным

конструкциям с неназванным исполнителем действия, которые переводят читателя произведения из стороннего наблюдателя в еще одного участника происходящих событий. Предметом анализа в докладе О.А. Остапчук стали глагольные дериваты в польских переводах романа авторства Р. Стиллера, различающихся выбором языка (русского или английского), который участвует в конструировании особого «сленга» *Nadsat* в его польской версии.

В конференции приняли участие в общей сложности более 50 исследователей из разных научных и образовательных центров Москвы и России, а также славянского зарубежья (из Беларуси, Сербии, Северной Македонии, Чехии) и некоторых других стран (например, Венгрии). Все доклады вызвали активное и заинтересованное обсуждение. Участники конференции выразили надежду, что Широковские чтения станут регулярными и привлекут новых исследователей, заинтересованных сопоставительной проблематикой.

С информацией о конференции можно познакомиться на странице научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»: <https://slavverb.philol.msu.ru/konferentsii/>, а записи заседаний выложены на канале кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ (<https://youtu.be/3hI2CmPOKpI>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / под ред. А.Г. Широковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 324 с.

Широкова А.Г. Чешский язык. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1961. 351 с.

Широкова А.Г., Адамец П., Влчек Й., Роговская Е.Р. Чешский язык: Учебник для I и II курсов: для студентов филол. спец. вузов. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1988.

Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А. Чешский язык. М.: Изд-во МГУ, 1990. 342 с.

REFERENCES

Shirokova A.G. *Cheshskii iazyk*. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh iazykakh Publ., 1961. 351 p. (In Russ.)

Shirokova A.G., Adamets P., Vlcek I., Rogovskaia Je.R. *Cheshskii iazyk: Uchebnik dlia I i II kursov: dlia studentov filol. spets. vuzov*. 2-je izd. ispr. i dop. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1988. (In Russ.)

Shirokova A. G., Vasil'jeva V. F., Jedlichka A. *Cheshskii iazyk*. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1990. 342 s. (In Russ.)

Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov, pod red. A.G. Shirokovoi. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1998, 324 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Остапчук Оксана Александровна

кандидат филологических наук, доцент

МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2856-0793

E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Information about the author:

Oxana A. Ostapchuk

PhD (Philology), Assistant Professor

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2856-0793

E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Уржа Анастасия Викторовна

доктор филологических наук, профессор

МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9506-977X

E-mail: aourja@gmail.com

Anastasia V. Urzha

DSc. (Philology), Professor

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9506-977X

E-mail: aourja@gmail.com

Памяти Вячеслава Тимофеевича Середы (1951–2024)

Ссылка для цитирования: Памяти Вячеслава Тимофеевича Середы (1951–2024) // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 154–156.

Vyacheslav Timofeevich Sereda (1951–2024)

For citation: Vyacheslav Timofeevich Sereda (1951–2024) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 5. Pp. 154–156.

Печальная весть пришла в конце июля 2024 г. из Амстердама. В ночь на 25 июля после продолжавшейся около года борьбы с тяжелой болезнью на 74-м году жизни скончался известный ученый-унгарист и замечательный переводчик венгерской художественной литературы Вячеслав Тимофеевич Середина.

В.Т. Середина родился 26 марта 1951 г. в индустриальном уральском городе Нижнем Тагиле Свердловской области. Он был младшим ребенком в большой рабочей семье. Его родители, рабочие Харьковского тракторного завода, в первые месяцы войны эвакуировались на Урал со своим предприятием и остались там на всю жизнь.

Интерес к филологическим наукам, к художественному слову с юности предопределил выбор жизненного пути В.Т. Середы. По окончании школы он поступил на филфак ЛГУ, на кафедру финно-угорской филологии, обладавшую богатой традицией. Избранная на студенческой скамье специализация (венгерский язык и литература) стала для В.Т. Середы делом всей жизни. После окончания университета в 1974 году Вячеслав Тимофеевич несколько лет совершенствовал знание языка, работая с венгерскими делегациями в качестве штатного переводчика в Комитете молодежных организаций СССР, затем поступил в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР, где его научным руководителем была С.А. Шерлаимова.

Планы написания большого синтетического труда по истории литератур европейских социалистических стран предопределили интерес более опытных коллег к сотрудничеству с молодым способным унгаристом. В.Т. Середина был зачислен в штат Института и проработал в нем 36 лет, с 1977 г. по 2013 г., пройдя путь от научно-технического сотрудника до старшего научного сотрудника отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Тесные связи с родным Институтом он поддерживал до конца жизни. За десятилетия работы в Инславе были написаны десятки статей по проблемам современной венгерской литературы, рецензии на книги венгерских писателей,

прочитаны доклады на многих международных конференциях. В.Т. Середой входил в авторский коллектив фундаментального двухтомника «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (М., 1995–2001), ставшего значительным вкладом в изучение литературного процесса в странах большого региона, связанного теснейшими политическими и культурными узами как с СССР, так и с сегодняшней Россией.

В начале 1990-х годов в деятельности Вячеслава Тимофеевича Середы появилась новая грань. «Архивная революция», произошедшая после распада СССР и изменения внутривнутриполитической ситуации в России, дала возможность исследователям обратиться к изучению документов, ранее находившихся в закрытых фондах за семью печатями. Глубокое знание В.Т. Середой не только литературы, но и истории Венгрии объясняет вполне органичный для него переход к новой сфере деятельности, которой на протяжении последующего десятилетия он отдавал едва ли не большую часть своего времени и творческих сил. Книга «Недостающие страницы истории 1956 г.» (*Hiányzó lapok 1956 történetéből*), подготовленная В.Т. Середой совместно с А.С. Стыкалиным и опубликованная на венгерском языке в 1993 г., стала первым изданием ранее недоступных документов из российских архивов по истории венгерской анти-тоталитарной революции 1956 г. и ее силового подавления советскими войсками. Книга имела большой резонанс, но еще больший отклик в Венгрии получило документальное издание «Решение в Кремле, 1956. Споры советского партийного руководства о Венгрии» (*Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról*. Budapest, 1996), подготовленное В. Середой совместно с одним из крупнейших венгерских историков Яношем Райнером. Эта книга, раскрывающая с помощью обильных научных комментариев основные механизмы принятия руководством СССР ключевых решений по Венгрии осенью 1956 г., стала настольной для всех, кто обращается к изучению венгерских событий, имевших большой международный резонанс. Итогом многолетней разработки этой темы стало фундаментальное издание «Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы» (М.: РОССПЭН, 1998), которое увидело свет во многом именно благодаря Вячеславу Тимофеевичу.

В.Т. Середой неизменно интересовался творчеством венгерских мыслителей новейшего времени. В 2002 г. в издательстве НЛЮ вышел составленный им совместно с Й. Горетитом сборник эссе «Венгры и Европа». Более подробному ознакомлению российского читателя с творчеством крупных венгерских мыслителей и эссеистов призвана была послужить серия «*Bibliotheca Hungarica*», организованная во многом по инициативе В.Т. Середы издательством «Три квадрата».

Десятки рецензий в разных странах мира вызвало издание протоколов допросов великого венгерского философа, одного из крупнейших марксистов XX в. Дёрдя Лукача, арестованного органами НКВД в июне 1941 г. и проведенного два месяца на Лубянке («Беседы на Лубянке», дополненное русское издание — М., 2001). В.Т. Середой подготовил и сопроводил своей основательной статьей и русское издание знаменитых мемуаров Белы Саса «Без всякого принуждения», в которых раскрываются методы проведения в Венгрии в сентябре 1949 г. показательного судебного процесса по делу Ласло Райка, организованного по образцу больших московских судебных процессов 1936–1938 гг. и сыгравшего большую роль в эскалации советско-югославского конфликта.

В.Т. Середой был (вместе с И. Светловым) одним из редакторов-составителей обобщающего коллективного труда «Венгерское искусство и литература XX века» (СПб., 2005).

Однако самой важной сферой приложения своих творческих сил Вячеслав Тимофеевич считал работу переводчика венгерской художественной литературы. Именно переводчик, по его глубокому убеждению, должен способствовать преодолению взаимонепонимания разных народов больше, чем человек любой другой профессии. Венгерских писателей Вячеслав Середа начал переводить в конце 1970-х годов. Среди них были и признанные классики венгерской литературы Тибор Дери, Аттила Йожеф (В.Т. Середа являлся редактором-составителем вышедшего в 2005 г. наиболее значительного собрания переводов стихотворений этого великого поэта, «На ветке пустоты»), и нобелевский лауреат Имре Кертес, и вошедшие в литературу уже в последние десятилетия минувшего столетия Петер Надаш, Дёрдь Шпиро, Ласло Краснахоркаи, Геза Сёч. И, конечно, это признанный еще при жизни классиком Петер Эстерхази — Вячеслав Тимофеевич Середа посвятил немало лет жизни тому, чтобы сделать все его важнейшие произведения достоянием русского читателя.

Венгерские коллеги высоко ценили переводческое мастерство В.Т. Середы. Он был удостоен многих премий за заслуги в переводе и популяризации венгерской художественной литературы, в том числе самой престижной премии Милана Фюшты, был избран почетным членом венгерской Академии литературы и искусств имени Сечени. В России В.Т. Середа как переводчик тоже стал лауреатом нескольких премий, в том числе премии журнала «Иностранная литература» и переводческой премии «Мастер». Презентации переведенных им книг с участием их авторов, ведущих венгерских писателей, не раз проходили в Москве на книжных ярмарках *non-fiction*, привлекая внимание довольно широкого круга читателей.

Светлая память о Вячеславе Серее, замечательном человеке, верном друге и настоящем профессионале своего дела, генераторе многих идей и начинаний, без которых невозможно представить себе отечественную унгаристику последних трех десятилетий, навсегда останется в сердцах тех, кто работал с ним рядом.

Коллеги и друзья